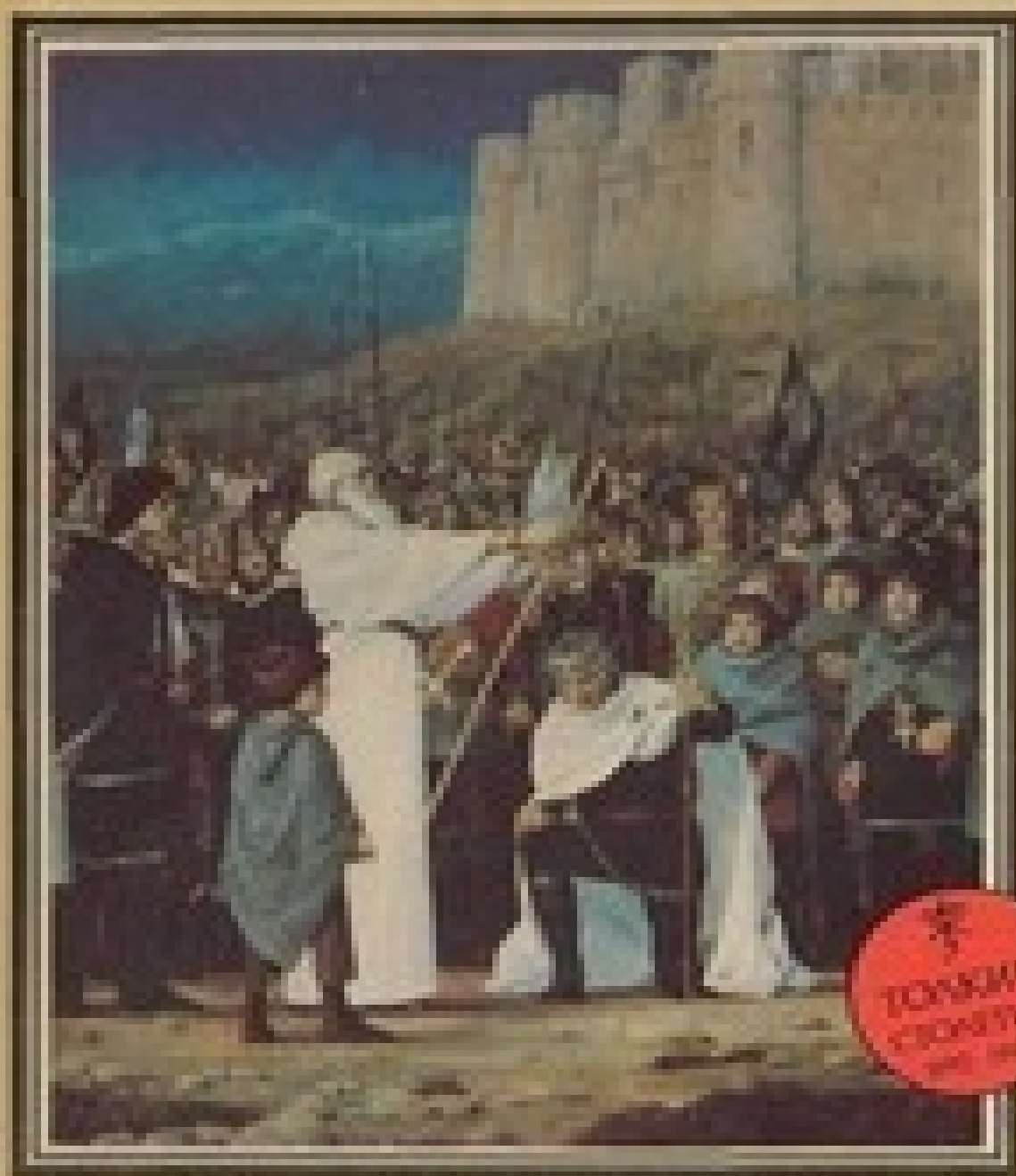

Дж. Р. Р. ТОЛКИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ

ВЫПУСКНАЯ КОПИЯ

III

Annotation

«Возвращение Короля» – третий том трилогии. Здесь рассказывается о последней битве, о том, как Хранитель выполнил свою миссию и как погибло царство Саурана.

Джон Роналд Руэл Толкин

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ

КНИГА V

1. МИНАС ТИРИТ

Пин выглянул из-под плаща Гэндальфа. Он никак не мог понять, во сне или наяву свистит в ушах черный ночной ветер, медленно плывет зубчатая тень гор далеко справа, во сне или наяву качается у него над головой звездное небо. Он пытался вспомнить, что с ним и где он, но мысли путались, отдельные картины сменяли друг друга.

Помнится, они мчались без остановок, летели все вперед и вперед, и там, впереди, вставал на рассвете золотистый мягкий блеск, и был город, затопленный тишиной, и гулкая пустота большого дворца на холме. Они ворвались под его своды в тот самый момент, когда вверх пронеслась огромная крылатая тень и ужас выбелил лица людей вокруг. Пин вспомнил, как и его сердце сжала ледяная рука. Но рядом был Гэндальф, и ужас ушел, осталась только усталость. Пин спал, но сон был тревожным, в нем ходили и разговаривали незнакомые люди, что-то приказывал Гэндальф. И дальше, без перехода, снова бешеная скачка сквозь ночь. С тех пор, как он заглянул в Палантир, прошло двое, нет, трое суток. Палантир! Это было ужасно! С этим воспоминанием он проснулся окончательно. Вокруг шумел и бормотал все тот же ветер.

Яркий желтый огонь в темном небе заставил Пина съежиться от страха. Зачем Гэндальф везет его в это страшное, там, впереди? Он протер глаза. На востоке всходила луна. Значит, они будут скакать и скакать, мчаться сквозь ночь бесконечно долго.

– Где мы, Гэндальф?

– На землях Гондора. Это – Анориен.

Пин притих, но тут же прижался к нему. – Что там? Смотри! Красный огонь! Как драконий глаз. А вон еще один!

Гэндальф только крикнул коню: – Вперед, Беллазор, вперед! Спешу, друг! – и, наклонившись к Пину, сказал: – Смотри. Это зовут на помощь огни Гондора. Война началась. Вот огонь на Амондине, пламя на Эленахе, и дальше огни, до границ Ристании. Вперед, Беллазор!

Но конь вдруг пошел рысью, потом шагом и, подняв голову, заржал. Из темноты послышалось ответное ржание, и мимо них на запад промчалось трое всадников. Пин едва разглядел их во тьме. Белый конь подобрался, рванулся вперед, и снова ночь зашумела вокруг них ветром.

Сквозь дрему Пин слышал, как Гэндальф рассказывает ему о Гондорских правителях, о сигнальных огнях, быстро передающих важные вести через всю страну.

– Но в прежние времена в огнях не было нужды. Семь Палантиров было в то время в Средиземье. Правители могли говорить друг с другом из страны в страну.

Пин, услышав о страшном камне, который и так не шел у него из головы, беспокойно пошевелился.

– Спи, – сказал маг, – спи и не бойся. Мы ведь с тобой едем не в Мордор, как Фродо с Сэмом, а в Минас Тирит. Там сейчас тоже небезопасно, как у вас в Хоббитании. Пока, – значительно добавил он, – потому, что если Кольцо вернется к Врагу, если падет Гондор, то тебя не спасет и Хоббитания.

– Вот уж утешил, – подумал Пин, снова засыпая. Последнее, что он помнил, был блеск луны на снежных вершинах гор. Он еще успел подумать о том, где сейчас Фродо, жив ли он, добрался ли до Мордора.

Фродо в Итилиене смотрел на ту же луну, незадолго до рассвета заходящую над Гондором.

Пина разбудили голоса. В тумане занимались холодные предрассветные сумерки. Беллазор стоял, высоко вскинув голову, от его тела валил пар. Вокруг Пин увидел нескольких рослых людей в плащах. Сзади смутно вырисовывалась полуразрушенная стена. Там стучали молотки, скрипели колеса, скрежетало железо, в тумане тускло светились факела. Гэндальф говорил с людьми в плащах, и Пин понял, что речь шла о нем.

– Конечно, Митрандир, – говорил один из тех, что стояли рядом, – ты можешь ехать свободно. Мы знаем тебя, и тебе известны пароли для всех семи ворот. Но твоего спутника мы не знаем. Кто он? Гном с Серых Гор? Чужеземцам закрыт вход в Гондор. Разве что они могучие воины, чья верность и отвага очень нужны нам сейчас.

– Я поручусь за своего спутника перед Денетором, – отвечал маг. – А что до его доблести, не суди о нем по росту, Ингольд. У него на счету битв и опасностей больше, чем у тебя, хотя ростом он невелик. Мы возвращаемся из сражения под Скальбургом. Он устал. Я не хочу его будить. Зовут его Перегрин, и человек он отважный.

– Человек? – недоверчиво переспросил Ингольд, а оставшиеся засмеялись.

Пин окончательно проснулся.

– Вот еще! Человек! Я – хоббит! А отважным бываю, когда деваться уже некуда.

– Ответ достойный, – заметил Ингольд и переспросил: – Хоббит?

– Невысоклик, – негромко подсказал маг, но не тот, о котором говорит пророчество. Это его родич.

– Родич, друг и спутник, – добавил Пин. – И если это Минас Тирит, то по-настоящему отважный Боромир, спасший мне жизнь в снегах севера, из вашей страны. Он защищал меня и пал...

– Молчи! – прервал его Гэндальф. – Эту печальную весть первым должен узнать его отец, Денетор.

– Мы догадывались, – грустно сказал Ингольд. – Странные знамения были недавно... Что ж, поезжайте. Правитель Минас Тирита обязательно захочет видеть того, кто принес ему весть о сыне, будь то человек или...

– Или хоббит, – докончил Пин. – Я мало что могу рассказать, но в память об отважном Боромире расскажу все, что знаю.

– Поезжайте, – повторил Ингольд, и его люди посторонились, пропуская белого коня.. – Нам нужны и твой совет, и твоя помощь, Митрандир. Жаль, что ты всегда приходишь с дурными вестями.

– Это потому, что я прихожу туда, где нуждаются в помощи, – ответил Гэндальф.

Прежде, чем тронуть коня, он посоветовал Ингольду не возиться со стеной, а немедленно готовиться к нападению врагов. Его спросили, есть ли надежна на помощь ристанийских всадников?

– Путь от Ристании до Анориена труден. Прежде, чем они придут, их ждет немало битв. Но они придут, это говорю вам я, Митрандир!

Беллазор скакал по прекрасной, изобильной стране, длинными отлогими склонами спускающейся к долине Андуина. Вокруг Пин видел поля, сады, огороды, видел людей и вспомнил, что в их жилах течет кровь двух Народов, живших дружно и счастливо. Нуменорцы, придя с запада, не поработили, но слились с теми, кто исконно жил на этих землях, и теперь это был один народ, горячо любивший свой край и готовый защищать его от любой напасти.

На восходе Гэндальф со своим спутником приблизились к Минас Тириту, и Пин вскрикнул от восторга, когда на его глазах стены крепости окрасились розовым в свете зари, а Белая Башня на вершине холма засверкала серебром под первыми лучами солнца. Белые знамена развевались на стенах, высоко и чисто пели трубы.

Когда они въехали в ворота, люди вокруг закричали: – Митрандир! Смотрите, это Митрандир! Видно, гроза близко!

– Да, она приближается, – ответил Гэндальф. – Меня принесли ее крылья. У нас дело к Денетору, покуда он еще правитель Гондора. Как бы ни пошло дальше, стране уже не бывать прежней, – проворчал он себе под нос. – Пропустите меня!

Люди расступились, дивясь на коня и спутника мага. Коней в Гондоре видели редко, но все признали в благородном животном посланца Ристании, и это наполнило надеждой многие сердца.

Беллазор звонко ступал по каменным мостовым, поднимаясь из одного яруса Города в другой. Они шли ступенями к вершине горы, каждый ярус был обнесен стеной с воротами, и ворота никогда не располагались друг против друга. Центральная Цитадель казалась неприступной. Если враг брал одну стену, перед ним вставала другая.

Пин не мог опомниться от изумления и восторга при виде этого могучего, великолепного каменного города. Но всюду глаз встречал признаки упадка: двери домов были заперты, окна пусты, улицы немые.

В седьмом ярусе солнце, освещавшее в это время Фродо дорогу через чащи Итилиена, озарило гладкие стены, резные колонны и большую арку ворот. Коням вход в Цитадель был заказан, и Гэндальф спешился. Беллазор тревожно переступал копытами, но маг шепнул ему что-то, и он позволил увести себя.

Воины, охранявшие вход в Звездную Цитадель, были одеты в черное. На груди у них серебрилось вышитое цветущее дерево под семью звездами, на головах – высокие шлемы с крыльями морской чайки по бокам. Стража молча пропустила Гэндальфа. За аркой был двор, мощный белым камнем, и фонтан, искрящийся на солнце веселыми бликами. Вокруг росла яркая зеленая трава; но рядом, склонившись над чашей фонтана, стояло мертвое, засохшее дерево, и капли воды стекали с его голых ветвей, как слезы. Пин хотел было удивиться, но вспомнил, как однажды Гэндальф пел о семи звездах и белом дереве. Он открыл рот, чтобы спросить мага, но они уже вступили под своды высокого дворца, и Гэндальф заговорил сам.

– Будь осторожен в словах, добрый Перегрин. Здесь не Хоббитания, и лишняя болтовня не в чести. Теоден был добр и кроток, но совсем не таков Денетор. Он человек гордый и проницательный, и гораздо более сильный и властный, чем Теоден, хотя и не король, а только правитель. Говорить он будет в основном с тобой. Он любил Боромира и очень сильно, а ты был с ним до конца. Но предупреждаю: не упоминай имени Фродо и его задачи. Когда придет время, я скажу об этом. И еще, – маг промедлил, – об Арагорне тоже лучше бы помолчать пока.

– Но почему? Разве с Бродяжником что-нибудь не так? – испуганно спросил Пин. – Он ведь сам хотел идти в Гондор. Он же должен скоро прийти... или нет?

– Все может быть, – озабоченно ответил Гэндальф. – Арагорна здесь не ждут. Его приход будет неожиданностью и для Денетора, и так, мне кажется, будет лучше. Я, во всяком случае, не собираюсь никого предупреждать о его приходе.

Они уже подошли к высокой двери из полированного металла. Гэндальф остановился.

– Сейчас не время заниматься историей Гондора, хотя лучше бы тебе ее знать. Послушай меня и сделай, как я тебе говорю. Не очень-то мудро сообщать могучему правителю о смерти наследника, и одновременно о прибытии претендента. Это ты, надеюсь, понимаешь?

– Как претендента? – ошеломленно переспросил Пин.

– Вот именно, – ответил маг. – Игрушки кончились, любезный Перегрин. Смотри, слушай и думай, прежде чем сказать или сделать что-нибудь. Ну идем, пора, – и он постучал в дверь.

Они вошли в зал, своды которого покоились на огромных колоннах черного мрамора. Вершины колонн были украшены изваяниями неведомых животных, ветвей и листьев, по потолку шла цветная роспись по золотому полю. Между двумя рядами колонн застыли мраморные фигуры. Пин вздрогнул, узнав в чертах их лиц Каменных Стражей на Андуне. Что-то в них напоминало ему и Арагорна.

В дальнем конце зала, на многоступенчатом возвышении, стоял пустой мраморный трон; позади него на стене мерцало драгоценными камнями изображение цветущего дерева.

У подножия трона на широкой ступени в простом кресле из черного камня сидел старик с коротким белым жезлом в руках. Он не поднял головы на вошедших, продолжая рассматривать что-то у себя на

коленях.

Гэндальф остановился в трех шагах от кресла.

– Приветствую Денетора, сына Эктелиона! – звучно сказал он. – В этот мрачный час я пришел с вестями и советом.

Старик поднял голову. Пин невольно ждал в нем сходства с Боромиром, но резкие и гордые черты лица правителя, глубокие, темные глаза снова напомнили ему Бродяжника.

– Да, ты прав, час мрачен, – медленно произнес Денетор, – но мы привыкли видеть Митрандира именно в такие часы, – он надолго замолчал. – Знаки предвещают близкую гибель Гондора. Горько думать о том, что впереди, но еще горше уже случившееся. Мне сказали, что с тобой придет тот, кто видел гибель моего сына. Это он?

– Да, – ответил маг. – Их было двое. Его товарищ остался с Теоденом Ристанийским и прибудет позже. Они оба – невысоклики из Хоббитании, но предсказание говорит не о них.

– Невысоклики, – мрачно повторил Денетор. – Это они внесли смуту в дела Средиземья, из-за них погиб мой сын. О, Боромир! – простонал он. – Как ты нужен сейчас! Почему тебе выпал этот жребий, почему не брату твоему?

– Скорбь лишает тебя справедливости, правитель, – сурово заметил Гэндальф. – Боромир сам выбрал свой жребий и не уступил бы его никому. Он был сильным человеком и умел настоять на своем. Я хорошо узнал его за долгий путь, пройденный вместе. Но скажи, откуда в Минас Тирите тебе известно о его гибели? Кто сообщил о ней?

– Я получил вот это, – произнес Денетор. Гэндальф и Пин увидели на коленях правителя две половинки разрубленного большого рога, окованного серебром.

– Рог Боромира! – не удержавшись, вскрикнул Пин.

– Да, – ответил Денетор. – А раньше им владел я, а еще раньше – каждый старший в нашем роду с самых дальних времен. Тринадцать дней назад я слышал звук этого рога с севера. Я ждал, что он прозвучит снова, но Река принесла мне обломки, – он помолчал. Его темные глаза остановились на лице Пина. – Что скажет об этом невысоклик?

– Тринадцать дней... – подумал вслух Пин, – да, пожалуй, так оно и есть. Да, я помню, Боромир затрубил в рог, но помощь не пришла, только орки...

– Значит, ты и в самом деле был там? – глаза Денетора так и впились в Пина. – Так говори! Почему не пришла помощь? Почему ты жив, а могучий воин пал, хотя против него были только орки?

Пин вспыхнул. – И для самого могучего довольно бывает одной стрелы, а Боромиру досталась туча, – он коротко рассказал о схватке с орками и гибели Боромира. – Я не забуду его, – закончил он. – Боромир был доблестным воином и погиб, спасая нас от прислужников Врага. Мертвый – он так же дорог мне, как был живой.

Взволнованный воспоминаниями, забыв страх и осторожность, молодой хоббит обнажил меч и положил его к ногам Денетора. – Не равная это замена, повелитель, – сказал он, – но я отдаю вам свою жизнь, и тем хоть немного хочу погасить долг отважному Боромиру.

Слабая улыбка, похожая на луч холодного солнца в зимний день, озарила лицо старика. Искренние слова хоббита пришлись ему по душе. – Я принимаю твое предложение, – медленно ответил он.

По знаку правителя Пин преклонил колено и, положив руку на меч, произнес вслед за Денетором слова клятвы в верности Гондору, призвав Гэндальфа в свидетели.

– Вот тебе мое первое повеление, – сказал Денетор, снова садясь в кресло. – Расскажи мне все, что сумеешь вспомнить о моем сыне. Садись и говори.

Ударив жезлом в серебряный круг возле кресла, он приказал подавать гостям сиденья. – У меня только час времени, – сказал он, обращаясь к магу, – но может быть, вечером мы увидимся снова.

– А может быть, и того раньше, – ответил Гэндальф. – Не затем я мчался сюда из Скальбурга, чтобы

доставить нового воина, как бы учтив и отважен он не был. Разве тебе все равно, Денетор, что Теоден одержал большую победу, Скальбург разрушен, а Саруман лишился своего магического жезла?

– Нет, не все равно, Митрандир. Но мне известно об этом достаточно, – он взглянул на Гэндальфа в упор, и Пин на миг почувствовал словно огненную струну, напряженно протянувшуюся между ними. Денетор первым отвел глаза.

– Говорят, что Палантиров больше нет... Но правители Гондора видят и знают больше многих.

Слуги принесли сиденья, столик, вино в серебряном кувшине, кубки, печенье. Пин чувствовал себя очень неудобно: ему показалось, что, говоря о Камнях, Денетор быстро и странно посмотрел на него.

Они говорили ровно час, и Пин никогда потом не мог забыть ни пронзительного взгляда правителя Гондора, ни его внезапных ошеломляющих вопросов, ни внимательного осторожного Гэндальфа рядом. К концу разговора Пин совсем обессилел. – Наконец-то, подумал он, – теперь бы я позавтракал за троих.

Отпуская гостей, Денетор сказал, что хотел бы видеть Гэндальфа на совете ближе к утру. – Впрочем, – добавил он, – правитель Гондора рад видеть благородного Митрандира в любое время. Не надо сердиться на старика, к старости ум слабеет.

– Ну нет, благородный Денетор, – отвечал маг. – Разум покинет это тело вместе с жизнью. Я ведь понял, почему ты расспрашиваешь того, кто знает меньше всех, когда я здесь.

– Тем лучше, – слабо усмехнулся Денетор. – Глупо отказываться от совета и помощи в такой час, но у тебя свои цели, и я их не знаю. А правитель Гондора никогда не станет орудием в чужих руках. Дела Гондора – мои дела, и больше ничьи, во всяком случае, до тех пор, пока никто другой не предъявит больших прав решать их, чем мои.

– Так сохрани страну до прихода того, кто может иметь такие права. Вот в этом-то я и помогу тебе всеми силами. И вот что я еще скажу, Денетор. Я никого не стану делать орудием ни в Гондоре, ни в какой другой стране, будь она велика или мала. Но когда возникает угроза всему светлому, что есть в этом мире – это мое дело. И если хоть что-нибудь переживет надвигающийся мрак и сможет цвести и приносить плоды – это будет моя победа, даже если Гондор падет. Ты носишь имя Хранителя Цитадели, но разве ты забыл, что я тоже Хранитель?

Всю дорогу из дворца Гэндальф молчал и ни разу не взглянул на Пина. Провожатый привел их к дому у северной стены Цитадели. Там для них была приготовлена большая, светлая комната с окнами на Реку.

Подождав, пока проводник вышел, Пин бросился к магу. – Ты сердись на меня, Гэндальф? Но я сделал все, что мог...

Тогда маг, смеясь, обнял его за плечи. Пин с облегчением услышал его веселый голос: – Конечно, ты сделал все, что мог. Даже два старых мудреца не смогли загнать тебя в угол. И все-таки Денетор узнал больше, чем ты думаешь. От него не укрылось, что предводителем отряда после Мории был не Боромир, а кто-то более высокого рода, и этот кто-то со своим прославленным мечом намеревается прийти в Минас Тирит. Со дня отъезда Боромира правитель часто размышлял о прошлом Гондора и не забыл слов предсказания.

Денетор не похож на других, Пин. Какова бы не была его родословная, в нем течет чистая кровь нуменорцев. В нем, и в Фарамире, его втором сыне, но не в первом, которого он любил больше.

Денетор прозорлив. Воля и мудрость позволяют ему читать в мыслях людей даже на расстоянии. Обмануть его трудно, а пытаться сделать это опасно. Для тебя помнить об этом полезно – ты принес ему клятву. Уж не знаю, что тебя надоумило, но сделано было от души, и, по-моему, тронуло Денетора. Ты теперь полноправный воин Гондора, но правитель о тебе не забудет, не надейся. И будь осторожен.

Гэндальф помолчал, раздумывая о чем-то своем, потом сказал: – Ну, Пин, пора на совет к правителю. Прошу тебя, разыщи Беллазора, узнай, как его устроили. Здешний народ хорошо относится к животным, но о конях, боюсь, знает маловато.

Не успела закрыться за магом дверь, как на Башне Цитадели колокол отбил три удара – время совета.

Посидев немного в одиночестве, Пин вышел на улицу. Солнце стояло невысоко. Дома и башни

бросали длинные, резкие тени. В синеве неба сверкали далекие снежные вершины Белых Гор. Несмотря на ранний час, на улицах было много вооруженных людей.

– Девять часов по нашему, – сказал Пин себе под нос. – Самое бы время позавтракать, да на травке, да весной, да чтобы Брендидуин журчал рядом. Да где уж тут травка! Но все-таки интересно: вот эти воины, например, уже завтракали? А если завтракали, то когда и где собираются обедать?

В этот момент прямо к нему подошел воин в черном с серебряным шитьем на груди и протянул руку. – Я – Берегонд. Ты на службе у нашего правителя, и мне велено помочь тебе освоиться здесь. Ты ведь прибыл издалека? – и он засыпал Пина вопросами, но вдруг прервал себя. – Ведь это я должен отвечать на твои вопросы, а сам... Что бы ты хотел узнать прежде всего?

Пин слегка заколебался.

– Э-э, насчет завтрака... Ну, о времени трапезы, то есть. И где трапезная, если она есть, конечно. Или харчевня? Я что-то ни одной здесь не видел.

Берегонд сокрушенно покачал головой:

– Так ты ничего не ел сегодня?

– Честно говоря, ел, – ответил правдивый Пин. – Правитель угощал нас вином и печеньем, но зато целый час изводил меня расспросами, а отвечать ему – дело нелегкое!

Услышав о том, что Город на военном положении, и трапезы по этому случаю редки, Пин сник, но Берегонд утешил его, сказав, что за тяжелую работу положено усиленное питание, и в кладовой можно что-нибудь раздобыть. Как ни тянуло Пина в эту сторону, он решил сначала выполнить поручение Гэндальфа.

Увидев хоббита, входящего в конюшню, Беллазар заржал и потянулся к нему мордой.

– Здравствуй, здравствуй, – сказал ему Пин. – Гэндальф передает тебе привет и придет, как только сможет. Сейчас у него важные дела. Тебе надо хорошо отдохнуть после такой дороги.

Конь затряс гривой и переступил ногами. Пин представил ему Берегонда, и Беллазор позволил ему погладить себя по шее. Заглянув в кормушку и удостоверившись, что корму достаточно, Пин простился с конем.

– Ну, теперь идем к нашей кормушке, – сказал Берегонд и повел Пина в нижний ярус Цитадели. Там им выдали хлеб, сыр, позднего сбора яблоки и кувшин пива в придачу. Нагруженные припасами, они поднялись на один из восточных бастионов.

За едой они успели поговорить и о Гондоре, и о местах, по которым прошел Пин с отрядом, и о многом из того, что ему пришлось испытать. Может, что было чуть-чуть и не так, но Берегонд проникся к Пину большим уважением. Потом он показывал и называл места вокруг. Возле самого Города движение было небольшое, зато южная дорога была забита повозками: женщины, дети, старики покидали Город.

– Это последние, – сказал Берегонд, и мало кто из них вновь свидится с родными. В Городе и всегда-то было мало детей, а теперь почти совсем нет. Только ребята постарше, которые сами не захотели уехать. Они могут понадобиться здесь. Мой сын тоже остался.

Пин с тревогой посмотрел на восток. – Что это там? Еще один город?

– Это руины Оспиата. Когда-то это была наша столица. Враг сжег ее, потом Врага победили, восстановили мосты, а потом из Минас Моргула появились Черные Всадники...

– Черные Всадники? – переспросил Пин, и глаза его заполнил пережитый страх.

– Похоже, ты о них знаешь? – спросил Берегонд.

– Да. Только говорить не хочу так близко от... – он запнулся, взглянув на далекую зубчатую тень за рекой. Ему показалось, что она растет.

– От Мордора? – закончил за него Берегонд. – Да, это он. У нас тоже не любят произносить это название, но его тень давно нависла над нами. Она все растет, растут и наши тревоги. Вот скоро новая

битва, наверное, самая жестокая в этой войне...

– Прошлой ночью нам встретились гонцы, – вспомнил Пин, – и я видел сигнальные огни. Гэндальф говорит, что война уже началась.

– Совет еще не решил, что делать. Благородный Денетор прозорлив. Говорят, что уже давно он каждую ночь с вершины Белой Башни силою мысли борется с Врагом. От этого он и состарился раньше времени.

Берегонд сказал еще, что возле устья Андуйна появились черные корсары из Умбара со своим флотом. Если это так, то подкреплениям из южных областей Гондора придется сражаться с ними. Войска Врага надвигаются с востока, с севера, из-за Лихолесья, с юга, из Харада, движутся хорондримцы. Гондор окружен со всех сторон. А если он падет, то кто сможет устоять?

Пин молча оглядел высокие, гордые стены Гондора, знамена на башнях, взглянул на солнце в небе и вздрогнул, подумав об ордах орков, о предательстве Сарумана, о зловещих птицах, о назгулах. Эти мысли почти погасили в нем надежду на благоприятный исход предстоящей битвы. В этот момент солнце закрыла черная тень, и с небес донесся слабый, но свирепый и грозный вопль. Пин, мгновенно побледнев, прижался к стене.

– Что это? – тревожно спросил Берегонд.

– Это – гибель, – дрожа, отвечал Пин. – Это – тень смерти. Это – Черный Всадник в воздухе!

– Да, – Берегонд содрогнулся. – Действительно, тень смерти. Я вдруг заледенел весь.

Но с высоты уже снова светило солнце, и постепенно они успокоились.

– Рано отчаиваться, – встряхнулся Пин. – Гэндальф вон тоже погиб, но вернулся же. Может, и мы устоим, хоть на одной ноге. Вот сидеть и ждать, это хуже всего.

– Да, – сразу согласился Берегонд. – Может быть, с возвращением Фарамира все пойдет по-другому. Ты еще не знаешь, каков он в бою! К тому же он очень умный и решительный. Хотя, – засомневался он, – что же сделает Фарамир? У нас нет сил ударить первыми. Мы можем только ответить ударом на удар. Но наш удар будет тяжелым! – он воинственно стукнул мечом.

– А мои руки легче легкого, – подумал Пин с огорчением.

В полдень ударил колокол, созывая всех воинов на обед.

– Пойдем к нам, – пригласил Пина Берегонд. – Еще неизвестно, в каком отряде ты будешь. А может, и вовсе останешься при правителе. Но у нас в отряде тебе будут рады, а друзья еще никому не мешали.

– Спасибо, – поблагодарил Пин. – По правде сказать, мне пока одиноко здесь. Мой лучший друг остался в Ристании. Ни поговорить, ни посмеяться не с кем. А может, я останусь в твоём отряде? – с надеждой спросил он. – Возьми меня к себе, а?

– Я же не начальник, – рассмеялся Берегонд, – простой воин третьего отряда Цитадели. Правда, и это немало. Воинов Цитадели в городе уважают.

– Значит, это тоже не для меня, – вздохнул Пин. – Зайдем сначала ко мне, и если Гэндальф еще не вернулся, я пойду с тобой.

Однако Гэндальф не возвращался, и Берегонд повел хоббита в свой отряд. Пина приняли с большим почетом. Все уже знали о его длительной беседе с Денетором. В отряде уже ходили слухи о принце, прибывшем с далекого севера с пятитысячным войском и предложением военного союза. Известно было, что правитель долго беседовал с ним наедине. А некоторые говорили, что на подходе войска ристанийцев, и каждый всадник везет в седле по отважному и свирепому в бою невысоклику.

Пин, хотя и с сожалением, опроверг эти рассказы. Но от княжеского титула ему избавиться не удалось. «В самом деле, – рассуждали многие, – другу Боромира и личному гостю правителя приличествует титул никак не меньше князя». Пина благодарили за приезд, а его рассказы о дальних странах и удивительных приключениях слушали так, что он едва не забыл совет Гэндальфа попридержаться языка. Гэндальф хорошо знал хоббитов.

Уходя на пост, Берегонд посоветовал Пину найти в Нижнем ярусе его сына, Бергиля. – Он покажет тебе город. Сходите с ним к Большим воротам, пока они не закрылись, – сказал он.

Пин разыскал Бергиля и не пожалел об этом. Они сразу подружились и долго ходили по улицам Города, болтая и смеясь. У Больших Ворот авторитет Пина в глазах Бергиля взлетел на огромную высоту. Пин назвал пароль, слышанный от Гэндальфа, а потом назвался сам. Страж почтительно приветствовал его, и не только пропустил его самого, но позволил пройти и товарищу знатного чужеземца.

– Вот здорово! – восхитился Бергиль. – Мальчишкам ведь не разрешают больше выходить за Ворота без старших. Теперь мы все увидим.

Перед воротами собралась толпа. Как только хоббит с мальчиком протолкались в первые ряды, послышался звук труб и крики: – Фарлонг! Друг Фарлонг!

К воротам приближался небольшой отряд воинов в панцирях, с тяжелыми топорами. Их предводитель, коренастый, широкоплечий человек в кольчуге и шлеме с длинным тяжелым копьем в руке, ехал впереди, верхом на мохнатом битюге.

Среди приветственных криков слышались горькие голоса: – Их так мало! Всего двести воинов! А мы ждали не меньше двух тысяч.

Им отвечали другие: – Хорошо хоть эти пришли!

Отряд Фарлонга, предводителя одной из южных провинций Гондора, вошел в Город, а к Воротам уже подходили новые войска. Лучники, латники, конные, пешие, воины с гор, с морского побережья, с запада. Последним прошел отряд рыцарей Имрахилия, правителя области, расположенной в устье Андуина. Он был родичем Денетора. На его знамени плыл гордый белый корабль с носовой фигурой, изображающей лебедя. Около трех тысяч пехоты и конницы, все союзники Гондора, вошли в Город.

Топот, пение, боевые кличи, звуки рогов постепенно затихли. В неподвижном воздухе висела кисея пыли. Солнце склонялось за Белые Горы, и на Город ложились вечерние тени. Близилось время закрытия ворот.

Пин взглянул в небо. Лучи заходящего солнца с трудом пробивались сквозь дымный, пепельно-серый воздух. Краски заката были багровы и угрюмы.

– Какое гневное небо! – пробормотал хоббит, забыв о своем спутнике.

– Точно! Если я не приду вовремя, гнева будет хоть отбавляй, – отозвался Бергиль. – Идем, Ворота уже закрывают.

Они последними вошли в Город, когда в окнах уже зажигались огни.

– До свидания, – попрощался Бергиль. – Увидишь отца, поблагодари его от меня за нового друга. И приходи завтра опять.

Они расстались в Нижнем Городе, и Пин поспешил в Цитадель. Быстро темнело. Идти было далеко, он устал и проголодался, и вдобавок опоздал к ужину. Берегонд обрадовался его приходу, поделился своим пайком и стал расспрашивать о сыне, но Пин торопился домой. На сердце у него было беспокойно. Хотелось повидаться с Гэндальфом, который все знает, и рядом с которым ничего не страшно.

Они вышли на улицу. В небе не было ни звездочки, и город затопила темень.

– Ты найдешь дорогу? – забеспокоился Берегонд. – Нам приказано не зажигать огня в домах и на стенах. Да, чуть не забыл! Утром тебя призывает Денетор. Похоже, в третий отряд ты не попадешь. Ну, да как-нибудь увидимся. Прощай, друг. Доброй ночи!

В комнате, куда наконец добрался Пин, было темно, но на столе горел маленький фонарик. Гэндальфа опять не было, и от этого тревога и грусть Пина только возросли. Он выглянул в окно – все равно что в чернильницу заглянул. Тогда ему пришло в голову закрыть ставни. Стало немного уютней, он лег и прислушивался – не идет ли Гэндальф, да так и уснул. А среди ночи он проснулся и увидел мага, меряющего шагами комнату. На столе, среди свитков пергамента, горели свечи. Пина разбудило бормотание, но он слышал только, как Гэндальф, тоскливо вздохнув, сказал: – Когда же вернется Фарамир?

– Ты пришел! – радостно воскликнул хоббит, поднимаясь. – Это хорошо, а то я думал, не забыл ли ты про меня. Такой длинный день был...

– Ночь будет еще длиннее, – ответил маг. – Мне нужно подумать, так что спи пока. Рассвета сегодня не будет. Наступил Великий Мрак!

2. ВЫБОР АРАГОРНА

Когда стих топот копыт Беллазора, уносящего Гэндалфа и Пина, Мерри вернулся к Арагорну. Сумку свою он потерял еще в Порт Галене, собирать было нечего. Леголас и Гимли ожидали только сигнала тронуться в путь.

– Нас осталось четверо, – сказал Арагорн. – Мы будем вместе, с нами поедет Теоден. После крылатого ужаса он решил вернуться в Эдорас.

– Мы тоже туда? – спросил Леголас.

– Еще не знаю. Правитель отдал войскам приказ собраться в Эдорасе на четвертую ночь после этой. Оттуда ристанийцы двинутся, скорее всего, к Минас Тириту, – Арагорн помедлил, – но у меня другая дорога.

– Я с тобой, – тут же сказал Леголас.

– И я тоже, – отозвался Гимли.

– Мой путь еще темен для меня, – задумчиво ответил Бродяжник. – Кажется, наступает час, к которому я готовился всю жизнь. Нам тоже нужно попасть в Минас Тирит, но каким путем мы придем туда, я еще не решил.

– А я? – подал голос Мерри. – До сих пор от меня было немного толку, но я все-таки не какая-нибудь безделушка. Всадникам не до меня, хотя их правитель обещал, что мы поговорим с ним о Хоббитании после возвращения. Но это еще когда будет! Я тоже пойду с вами. Мы вместе вышли в дорогу, вместе и пройдем ее.

Они отправились затемно. Теоден, с ним двадцать два Всадника, Леголас с Гимли и Арагорн с Мерри. Уже переправившись через Изен, Они услышали за спиной топот. Их догонял конный отряд. Теоден приказал остановиться. Арагорн тотчас спрыгнул с коня и с мечом в руках встал у стремени правителя. Эомер с двумя Всадниками быстро выдвинулись вперед, а Мерри опять остался не у дел, и еще острее прежнего ощутил свою никчемность. Держа в поводу коня Арагорна, он думал, как быть, если на них нападут. – Будь что будет, – решил он, обнажил меч и поправил пояс.

Но на них не напали. Когда чужой отряд приблизился, Эомер властно окликнул его:

– Кто вы и что вам угодно?

Вперед выехал предводитель отряда.

– Я – Хальбарад, предводитель с Севера, – звучно сказал он. – Нам нужен Арагорн, сын Арахорна. Я знаю, что он должен быть в Ристании.

– Хальбарад! – вскричал Арагорн и, бросившись к предводителю, крепко обнял его. – Хальбарад! Из всех неожиданностей ты – самая приятная.

Мерри перевел дух. Отдавать жизнь, защищая Теодена, можно было подождать. Он вложил меч в ножны.

– Все в порядке, – Арагорн повернулся к своему отряду. – Это мои люди. Но сколько их и почему они пришли, лучше расскажет мой верный друг Хальбарад.

– Со мной тридцать человек. Столько, сколько удалось быстро собрать, – ответил Хальбарад. – С нами Элладан и Элроир, сыновья Элронда. Мы выступили, как только узнали, что тебе нужна помощь.

– Но я не просил помощи, – удивился Арагорн, – хотя в мыслях и часто обращался к вам, друзья, но вестей не посылал. Однако вы здесь, и я очень этому рад. Сейчас мы спешим, нам угрожает опасность. Правитель, – обратился он к Теодену, – позволь им ехать с нами.

– Хорошо, – сказал Теоден, и было видно, что он доволен. – Если ваши люди хоть немного похожи на вас, благородный Арагорн, то тридцать таких витязей – это не просто тридцать человек. В путь!

Теперь они скакали вместе. Арагорн расспрашивал вновь прибывших о новостях. Эрлоир сказал: – Отец велел передать тебе: «Срок близок. Если придется спешить, вспомни о Пути Мрака».

– Да, – ответил Арагорн. Я никогда не медлил, но сейчас и правда надо спешить. Я пойду этим путем. Хальбарад, что это у тебя? Для копья велико...

– Подарок тебе от владычицы Лориэна, – ответил Хальбарад. – Долго и в тайне от всех делала она его, и передает со словами: «Сроки истекают. Теперь или никогда. Возьми то, что принадлежит тебе. Добрый путь, Эльфинит!»

– Да, – опять сказал Арагорн, – я знаю, что это. Пусть будет у тебя.

Дальше он скакал молча, непрерывно глядя на север, где в ночном небе горели крупные звезды.

На рассвете они прибыли в замок Хорас. После отдыха было решено собрать совет.

Около полудня Мерри разбудили Гимли с Леголасом. Он не выспался и вяло принимал участие в обсуждении прошедшей битвы, а когда Гимли начал вспоминать пещеры Эгларонда, Мерри совсем замолчал. Пина не было, не с кем было отвести душу, и он снова почувствовал себя обузой. Чтобы как-то сменить настроение, он поинтересовался, где Арагорн.

– Он наверху, в башне, – ответил Леголас. Всю ночь не спал, думает, – озабоченно добавил он. С ним его родич, Хальбард. Что-то заботит нашего Бродяжника.

– Удивительные они люди, эти дунаданцы, – заметил Гимли. – Угрюмые, слова лишнего не скажут. Ристанийцы рядом с ними кажутся беспечными мальчишками.

– Но говорят учтиво, – сказал Леголас. – Жаль только – мало.

– А почему они приехали, я так и не понял, – признался Мерри.

– Из Лориэна им сообщили, что Арагорну нужна помощь. Только вот откуда там узнали? Разве что от Гэндальфа... – подумал вслух Гимли.

– Нет, – решительно отозвался эльф. – Это – Галадриэль. Не забудьте о ее зеркале.

Глаза Гимли заблестели. – Да, конечно, это она. Она читает в сердцах и мыслях. Она видит желания и помыслы. А почему не пришли твои соотечественники, Леголас?

Эльф задумчиво посмотрел на север. На его прекрасном лице застыло печальное выражение. – Им нет нужды идти на войну. – ответил он, – она сама пришла к ним.

Побродив некоторое время в долине, странно тихой после недавних событий, друзья вернулись в крепость. Теоден, узнав об их приходе, тут же призвал Мерри, усадил его рядом и сказал: – Конечно, это не дворец, который я обещал вам. Но до Эдораса далеко, и мы не скоро вернемся туда. Значит, с пирами придется подождать. Сейчас есть время, вот угощение, поговорим же, а потом – в путь!

– И я с вами? – воскликнул обрадованный Мерри. Он был очень благодарен правителю за ласковые слова. – Я только мешаю всем, – удрученно добавил он, – но буду стараться сделать все, что могу.

– Я не сомневаюсь в этом, любезный Мериадок, – ответил старый правитель. – Я велел приготовить для вас подходящую лошадку. Она хоть и невелика ростом, но не уступит многим коням. В Эдорас мы пойдем по горным дорогам. В Северной Лощине меня ждет Эовин. Я предлагаю вам сопровождать меня в качестве личного оруженосца. Вы согласны?

Мерри только взволнованно кивнул.

Правитель, обращаясь к Эомеру, спросил: – Найдется ли у нас подходящее вооружение?

– Конечно, больших складов здесь нет, – отвечал Эомер, – но легкий шлем можно подобрать. А вот с мечом и кольчугой – вряд ли что получится.

– Меч у меня есть, – сказал Мерри, обнажая свой нуменорский клинок. Повинуясь внезапному порыву, он опустился на колено и взволнованно сказал: – Великий Теоден! Прошу тебя, прими под свои знамена меч Мериадока из Хоббитании вместе с его жизнью!

– Принимаю охотно, – ответил старый правитель, кладя руку на голову хоббита. – Встань, Мериадок, ристанийский щитоносец! Пусть твоему мечу сопутствует удача!

Мерри встал и, сдерживая слезы, проговорил: – Вы для меня стали отцом, правитель!

– Жаль только, ненадолго, – грустно ответил Теоден.

Их беседу прервал Эомер. – Пора ехать, правитель. Я прикажу подать сигнал к отправлению. Только где же Арагорн? Я не видел его за столом.

– Да, пора ехать, – поднимаясь, сказал Теоден. – Найдите благородного Арагорна и напомните об отъезде, – сопровождаемый свитой, он вышел вместе с Мерри из крепости. Правителя уже ждал многочисленный отряд Всадников. В крепости оставался только небольшой гарнизон. К месту сбора в Эдорасе Теодена сопровождало около пятисот воинов.

Поодаль, небольшой группой, молчаливые, хорошо вооруженные, располагались люди Хальбарада. В отличие от богатого оружия и одежды Всадников, Следопыты были одеты в простые темно-серые дорожные плащи. Только на плече у каждого мерцала пряжка в виде серебряной многолучевой звезды.

Теоден сел на коня, в это время из ворот вышли Эомер, Арагорн и Хальбарад с древком в черном чехле. За ними неразлично похожие шли сыновья Элронда: высокие, темноволосые, сероглазые, в блестящих кольчугах и серебристых плащах. Следом шагали Леголас и Гимли.

Мерри, сидевший на низкорослой лошадке рядом с правителем, не мог отвести удивленного взгляда от Арагорна. За одну ночь Бродяжник словно постарел на много лет и выглядел мрачным и измученным.

– Я смущен духом, благородный Теоден, – произнес он, подойдя к правителю Ристании. Странные слова я слышал и грозные опасности видел. Мои планы приходится менять. Скажите, когда вы будет в Северной Лощине?

– Сейчас полдень, – ответил за правителя Эомер, – если мы выступим без промедления, то к вечеру третьего дня будем в Северной лощине. Сбор отрядов назначен на следующий день. Нам нужно собрать все силы, быстрее этого не сделаешь.

Арагорн задумался. – Через три дня войска начнут собираться... и быстрее этого не сделать... что ж, – он тряхнул головой, очевидно, приняв какое-то решение. – Повелитель, – обратился он к Теодену, – я прошу позволить моему отряду выбрать свой путь. Мы не будем больше скрываться и пойдем на восток кратчайшей дорогой – Путем Мрака.

При этих словах Теоден вздрогнул. Видно было, что они поразили и Эомера, а Мерри показалось, что Всадники, стоявшие поблизости, побледнели.

– Насколько я знаю, – медленно проговорил Теоден, – никому их смертных не удавалось воспользоваться этой «кратчайшей» дорогой...

– Ах, Арагорн, – горестно вздохнул Эомер, – я думал, что в бою мы будем биться плечом к плечу. Но если ты выбрал Путь Мрака, значит, пришел час прощания. Едва ли мы встретимся вновь под солнцем.

– Не только встретимся, благородный Эомер, – твердо ответил Следопыт, – но и будем вместе в битве, пусть хоть все силы Мордора встанут между нами. Выбор сделан и время не ждет.

– Вы вольны в своих поступках, – печально произнес Теоден. – Может быть, такова ваша судьба – проходить там, где не пройдет никто. Разлука огорчает меня, а в предстоящей битве вы и ваш Андрил умножили бы наши силы... Но, видно, не суждено. Теперь я тем более должен спешить. Прощайте!

– Прощайте, повелитель, – ответил Арагорн. – Да приведет ваш путь к славе! Прощай, Мерри, ты остаешься в надежных руках, я не беспокоюсь за тебя больше. Гимли и Леголас идут со мной, но мы не забудем о тебе. Не забывай и ты нас. Прощай!

Мерри едва сумел вымолвить ответное «Прощай!». Ему было нестерпимо жаль расставаться с Бродяжником, но слова «Путь Мрака» угнетали его, он снова почувствовал себя маленьким и остро пожалел, что рядом нет веселого, неунывающего Пина. Кони под Всадниками нетерпеливо перебирали ногами, и Мерри хотелось, чтобы поход начался, чтобы не длиться тяжести прощания. Наконец, после короткого приказа Теодена, Эомер взмахнул рукой и отряд всадников пришел в движение. Вскоре они уже скрылись за поворотом. Арагорн с вершины невысокого холма долго глядел им вслед. Спустившись, он подошел к Хальбараду.

– Я проводил троих очень близких друзей, Хальбарад. И меньшего из них я люблю ничуть не меньше

других. Он не догадывается даже, к какой судьбе скачет, но если бы узнал, то не повернул бы коня.

– Насколько я успел узнать хоббитов, – отозвался Хальбарад, – они отважны и слово «долг» им знакомо. Мне не жаль сил, потраченных на охрану границ Хоббитании.

– Мы сроднились с ними, – задумчиво проговорил Арагорн, – но вот пришлось расстаться. Пора и нам. Сначала обед, а потом – в путь! Леголас, Гимли, нам нужно поговорить.

Однако за столом Арагорн долго молчал.

– Успокойся, – участливо сказал Леголас, – к чему печалиться? Что такое стряслось со времени нашего прибытия?

– Мне пришлось выдержать битву пострашнее недавней, – хмуро ответил Арагорн. – Все это время я провел наедине с Палантиром Ортханка, друзья.

– Ты смотрел в этот проклятый камень?! – ужаснулся Гимли. – Но ведь даже Гэндальф опасался этого! И ты... ты сказал что-нибудь Врагу?

– Ты забываешь, с кем говоришь! – глаза Арагорна вспыхнули. – Что, по-твоему, я должен сказать Ему? Что охотно обменял бы одного дерзкого гнома на смиренного орка? – лицо его стало мягче, и на нем еще отчетливее проступили следы усталости. – Нет, добрый Гимли, я ничего не сказал Врагу. Камень мой по праву, и я могу пользоваться им. Но если право мое бесспорно, то вот сил едва хватило, – по лицу Следопыта прошла судорога. – Борьба была страшной, но я не только не сказал ему ничего, но и вырвал Палантир из-под его власти. Это удар для него, и сильный удар. Враг видел меня; не так как вы, по-другому, но видел. Сомневаюсь, чтобы это ему чем-нибудь помогло. До сих пор он не знал о моем существовании, и это – второй удар. Ибо он не забыл ни Исилдура, ни его Нарсил, и вот теперь, в трудный для него час, он узрел потомка Исилдура, увидел Андрил и узнал этот меч. Как ни велико его могущество, но и ему ведом страх, и его вечно снедают тревоги.

– Но он очень силен, – сказал Гимли, – и теперь не замедлит с ударом.

– Кто спешит, тот рискует промахнуться, – ответил Арагорн. – Мы не будем ждать, пока он ударит, и мы не самые слабые в Средиземье, – Следопыт помолчал и уже более спокойно сказал: – Подчинив Камень Ортханка своей воле, я узнал немало. Я видел, что Гондору угрожает с юга новая опасность. Если не предотвратить ее, Гондор не выстоит и десять дней.

– Значит, он падет, – скорбно произнес Гимли. – Кого послать на помощь, и как она успеет?

– Послать некого, это верно. Значит, придется идти самому. А что до времени, то к побережью ведет короткий путь, и воспользоваться им не поздно. Это – Путь Мрака.

– Путь Мрака... – повторил, вздрогнув, Гимли. – Я уже слышал сегодня эти слова и видел, что Всадникам они не по душе. А Теоден считает, что простому смертному он не по силам. – Простому смертному – да, – твердо сказал Арагорн. – Это зловещий путь. На нем можно встретить силы, враждебные разуму и всему миру живых. Но сейчас для всего Средиземья настанет такой решительный миг, когда наследник Исилдура, если осмелится, может воспользоваться этим путем. Слушайте, что передает мне Элронд через сыновей: «Пусть Арагорн помнит о словах прорицателя и Пути Мертвых.»

– А ты знаешь, что это за слова? – спросил Леголас.

– Да. Мальберт Прорицатель во дни Арвендуи, последнего короля Форноста, сказал:

*Тень покрывает великие земли
Крыльями мрака от края до края.
Тьма у могил... Содрогается замок...
Близится время подняться умершим:
Клятвопреступников час наступает.
Эреха камень опять соберет их
Вместе по звуку звящего рога.
Кто обладатель священного рога?
Кто созовет их у Черного Камня?*

*Тот, чьему предку служили неверно
Люди, забытые в сумерках серых.
Тот, кто откроет забытые двери,
Тот, кто проследует Тропами Мертвых...*

Сейчас еще темен смысл этих слов, но скоро он прояснится, – продолжал Арагорн, – и ясность придет на пути, который я выбираю, выбираю без всякой радости, а только потому, что так должно. Тяжкий труд и великий страх, а может быть, и что-нибудь похуже сулит этот путь, поэтому я не прошу вас идти со мной...

– Я пойду с тобой даже по Тропам Мертвых! – пылко воскликнул Гимли.

– Я тоже, – спокойно поддержал его Леголас. Я не боюсь мертвых.

Гимли уже овладел собой. К нему вернулась обычная угрюмоватая ироничность.

– Надеюсь, забытые люди не забыли, как сражаться, – проворчал он. – Иначе я не вижу, чего ради их беспокоить?

– Об этом мы узнаем, если придем к Эреху, – сказал Следопыт. – Когда-то эти люди поклялись сражаться против Саурона, и им придется сдержать обещание. На вершине Эреха стоит Черный Камень. Исилдур принес его из Нуменора. На этом камне король горцев поклялся в преданности моему предку. Когда вернулся Саурон, и его мощь начала расти, Исилдур напомнил горцам о данном обещании. Но Тьма уже делала свое дело, и горцы отказались выступить против Врага. Тогда и сказал Исилдур королю горцев слова, которые помнят у нас на севере: «Ты будешь последним королем этого народа. Да не будет покоя ни у тебя, ни у твоего народа, пока не исполнена клятва. Война будет долгой, и однажды вас снова призовут сюда». Гнев Исилдура не позволил горцам принять сторону Саурона, но и страх перед врагом был силен. Тогда они ушли в горные недра, и никто из живых больше не видел их. Но проклятие Исилдура тяготело над ними, и с тех пор ужас Бессонных Мертвецов лежит на холмах Эреха, там, где обитало раньше это гордое племя. Об этом пути и напоминает мне Владыка Раздола, и этим путем я пойду, даже если останусь один.

Леголас и Гимли молча встали. У ворот крепости их ждал отряд Хальбарада. Арагорн вскочил в седло. Хальбарад оглянулся, поднял большой рог и громко протрубил. Вскоре отряд исчез в облаке пыли, поднятом копытами коней.

К полудню следующего дня они были уже в Северной Лощине. Эовин с радостью приветствовала Следопытов и сыновей Элронда, но прибытие Арагорна вызвало у нее совсем особые чувства. За ужином он поведал о событиях, последовавших за отъездом Теодена, а его рассказ о сражении под Скальбургом заставил ее глаза заблестеть.

За ужином Эовин сказала:

– Вы устали, но сегодня я не ждала вас, вам придется отдыхать в наспех устроенных покоях, но завтра мы устроим вам настоящий прием.

– Нет, милая Эовин, – ответил Арагорн. – Завтра на рассвете нас уже не будет здесь. Ночлег и легкий завтрак на дорогу – вот все, что нам нужно. Мы спешим.

Эовин с трудом улыбнулась. – Спасибо, что ты приехал издалека поразвлечь меня новостями.

– Чтобы развлечь тебя, любой приехал бы хоть с края света. Но меня привела сюда моя дорога.

– Из Северной Лощины нет дорог ни на восток, ни на юг.

– Дорога есть, – устало улыбнулся Арагорн, – моя дорога. Меня ждет Путь Мертвых.

Эовин вздрогнула, побледнела и долго молча смотрела на Арагорна. Наконец она сказала: – Но почему ты непременно должен искать смерти? Кроме нее на этом пути ничего нет. «Мрак не выпустит никого из живых», я слышала это много раз.

– Может быть, меня все-таки пропустит. Я должен попытаться. Других путей для меня нет.

Эовин просила его повременить с отъездом хотя бы до прибытия Эомера.

– Я не один, – сказал Следопыт, – со мной мои друзья. Хотя они, если пожелают, могут остаться здесь и идти в Ристанию с Теоденом. Но у меня только одна дорога, и даже если придется идти одному, я все равно пойду.

Вечером Эовин снова подошла к Арагорну. В глазах ее Следопыт с удивлением увидел слезы.

– Арагорн, ну зачем тебе Путь Мертвых?

– Дело в том, Эовин, что на этом пути я смогу принести больше всего пользы в нашей борьбе с Врагом. Я ведь не по своей воле выбираю пути. Если бы я следовал зову сердца, то бродил бы сейчас в прекрасных долинах Лориэна.

Девушка задумалась над этим ответом, потом, положив руку ему на плечо, сказала: – Ты отважен и решителен. К таким приходит слава. Позволь мне сопровождать вас. Я не хочу больше прятаться среди холмов, меня влекут сражения и опасности.

Арагорну пришлось напомнить, что Теоден поручил ей судьбу людей, и она отвечает за них. Эовин неожиданно расплакалась.

– Я с детства езжу верхом и владею оружием не хуже любого другого, – сквозь слезы говорила она, – и вот должна сидеть у очага, хотя не боюсь ни ран, ни смерти.

Арагорн внимательно посмотрел на нее и осторожно спросил: – Но что же тогда страшит тебя?

– Клетка! – порывисто ответила она. – Не хочу сидеть в клетке всю жизнь, пока старость не отнимет у меня надежду совершить подвиг!

– Ты рвешься к подвигам, а меня отговариваешь от них, – с шутливым упреком заметил Следопыт.

– Я не отговариваю, – горько ответила Эовин, не обращая внимания на его шутливый тон, – я хочу, чтобы твой меч принес победу и славу, но не только тебе. Доблесть нужна, но...

– Я тоже так думаю, – прервал ее Арагорн. – Оставайся здесь. Тебе нечего делать на юге.

– Как и твоим спутникам, – тут же подхватила Эовин. – Они идут только потому, что не хотят расставаться с тобой, потому что тоже любят тебя! – с этими словами она повернулась и исчезла в темноте. Бродяжник долго и грустно смотрел ей вслед.

На рассвете, еще до восхода солнца, отряд Арагорна был готов выступить. Сам Следопыт уже вдел ногу в стремя, но в этот момент к ним подошла Эовин. На ней была одежда Всадника, на поясе – меч, в руках – кубок. По обычаю, она отпила глоток, желая им удачи в пути, и передала кубок Арагорну. Он тоже отпил и пожелал счастья ей и ее народу.

Леголас и Гимли, знавшие Эовин гордой, холодной наместницей правителя, с удивлением увидели слезы на ее прекрасном лице. Она смотрела только на Бродяжника.

– Ты не исполнишь мою просьбу? Не возьмешь меня с собой?

– Нет, – покачал головой Следопыт. – Без согласия правителя и твоего брата – нет. Они придут только завтра, а мне дорог каждый час. Прощай, Эовин!

Тогда неожиданно она упала на колени. – Прошу тебя!

– Нет, – еще раз ответил он, бережно поднимая ее и целуя руку.

Потом вскочил в седло и не оглядывался больше. Ближе к закату близкие его видели, как тяжело у него на сердце.

Отряд скрылся. Эовин долго стояла неподвижно, глядя ему вслед, а потом, нетвердо ступая, вернулась в свой шатер. В лагере никто не видел этого прощания все еще спали, а когда проснулись и узнали, что пришельцы уехали, с облегчением говорили друг другу: – Вот и хорошо. Ни эльфов, ни их родичей нам не надо. И без того времена смутные.

Отряд скакал в серых сумерках, потому что солнце скрывалось за гребнями Обитаемой Горы, вздымавшейся впереди. Первые волны страха захлестнули их уже в тени древних скал, на подходе к Димхольту. Там, где уступы поросли жуткими деревьями с густой черной хвоей, перед ними открылась

расселина; вход в нее запирали могучий одинокий утес, вздымавшийся словно перст судьбы.

– Кровь стынет в жилах, – пробормотал Гимли. В полной тишине голос его позвучал мертво, как шорох хвои, покрывавшей здесь всю землю. Кони упирались и храпели. Пришлось спешиться и вести их в поводу мимо мрачного утеса. Миновав его, они оказались в узкой долине, противоположный конец которой перегораживала отвесная скалистая стена. Посреди нее, словно разверстая пасть ночи, зияла Темная Дверь. Широкую арку венчали смутно видимые, глубоко высеченные в скале знаки. От них на путников волнами исходил ужас. Отряд остановился и с ужасом взирал на страшную преграду. Один только эльф был спокоен. Призрачный мир людских страхов не пугал его.

– Это дверь зла, – промолвил Хальбарад. – Я чую за ней свою смерть. И все-таки я войду. Но лошади не пойдут, я в этом уверен.

– Мы войдем все, и лошади пойдут с нами, – твердо произнес Арагорн. – Если мы преодолеем тьму за этими воротами, нам еще скакать и скакать. Каждый потерянный час приближает победу Врага. За мной!

Он двинулся вперед, и такова была в этот час сила его духа, что и дунаданцы и их кони последовали за ним. Только Эрод, конь из Ристании, отказался идти и стоял, дрожа от невыносимого ужаса. Тогда Леголас закрыл ему глаза руками и спел на ухо несколько слов, мягко и мелодично прозвучавших в мрачной тишине. Конь перестал дрожать и медленно пошел вперед.

Позади остался только Гимли. Колени гнома мелко тряслись, и ноги не шли.

– Неслыханно! – воскликнул он в гневе на себя. – Когда это было, чтобы эльф шел в подземелье, а гном не осмеливался! – С этими словами он бросился вперед, как в омут. С первым же шагом на Гимли, сына Глоина, бестрепетно бродившего во многих глубинах мира, обрушилась, словно обвал, крошечная пещерная мгла.

Арагорн с зажженным факелом шагал впереди; последним, тоже с факелом в руке, шел Элладан. Гимли отстал и теперь старался нагнать отряд. Он видел перед собой только тусклый свет факелов, а когда путники останавливались, со всех сторон ему слышался непрерывный шепот, как будто нездешние голоса нашептывали слова, звуки которых не походили ни на один известный гному язык.

Никто не спешил нападать на них, ничто не преграждало путь, однако страх гнома все возрастал. Он отчетливо понимал: обратного пути нет. Он чувствовал, как позади, на дороге, возникают незримые толпы, следующие за ними во тьме.

Гном не знал, сколько времени прошло, прежде чем однообразие их пути было нарушено. Широкая дорога вдруг еще больше расширилась, стены отступили, зато ужас так тяжело сдавил Гимли, что он с трудом переставлял ноги. В это время в свете факела Арагорна слева что-то тускло блеснуло. Арагорн остановился, а потом решительно свернул с дороги.

– И как это он не боится? – пробормотал гном. – Будь это любая другая пещера, Гимли первым бы посмотрел, что это там за штука с таким золотым блеском? Но только не здесь! Пусть себе лежит, где лежит, что бы оно там не было!

Тем не менее он подошел и увидел, что Арагорн стоит на коленях, а рядом Элладан держит два факела. Перед ним на камнях лежали останки могучего человека. Его кольчуга и доспехи были в полной сохранности: воздух подземелья был сух, а металл вооружения был вызолочен. Кольчуга воина была подпоясана золотым, отделанным гранатами поясом, богатый шлем покрывал голову фигуры, лежащей лицом вниз. Гимли огляделся и увидел, что воин упал возле стены пещеры; прямо перед ним была запертая каменная дверь. Тут же лежал сломанный меч. Клинок был весь в зазубринах, словно им в отчаянии рубили скалу.

Арагорн долго смотрел на останки, словно силился по ним прочесть драму, разыгравшуюся здесь когда-то. Потом он встал. Те, кто стоял рядом, услышали, как он непонятно молвил про себя: – Никогда до конца времени не придут сюда цветы Симбелмайны. Девять и семь курганов покрылись ныне зеленой травой, а он все эти долгие годы лежит у запертой двери. Куда ведет она? К чему он стремился? Никто никогда не узнает. – Бродяжник тряхнул головой, повернулся к шепчущей позади тишине и крикнул: – Я не затем пришел сюда! Храните и дальше ваши сокровища, упрятанные в Ненавистные Годы! Мне нужна

только быстрота. Освободите нам путь и следуйте за мной! Я созываю вас к Камню Эреха!

Тишина, ответившая ему, была еще ужаснее прежнего шепота. Потом налетел порыв холодного ветра; он заставил биться и трепетать пламя факелов. Дальнейший путь Гимли почти не запомнил. Проходили часы или дни – он не знал. Только ужас сжимал его сердце все сильнее и сильнее. В один из моментов он споткнулся и дальше полз на четвереньках, как зверь, ощущая, что в нем меньше и меньше остается от Гимли, сына Глоина, и пробуждается что-то дремучее, с чем уже невозможно совладать. Он чувствовал, что еще немного, и он бросится назад, во тьму, в страх, идущий по пятам...

И вдруг впереди забрезжил свет. Журчанье ручья встретило путников, миновавших еще одни, широкие ворота. Вокруг высоко в небо вонзались островерхие изломанные утесы, а прямо перед ними по уступам спускалась хорошо различимая дорога. Они находились в ущелье, таком глубоком и узком, что несмотря на дневное время в темно-фиолетовом небе светились маленькие колючие звезды.

Здесь отряд снова сел на коней. Гимли со слезами облегчения занял место позади Леголаса. Они скакали до самого вечера, но даже когда на землю спустились синие сумерки, страх все еще не отпускал их.

Леголас обернулся на скаку, всматриваясь во что-то позади.

– Мертвые следуют за нами, – спокойно промолвил он. – Я вижу силуэты всадников, бледные стяги, как клочья тумана, и лес прозрачных копий. Мертвые следуют за нами.

– Да, мертвые скачут позади, – подтвердил Элладан. – Они вняли призыву.

Вдруг ущелье разом кончилось, перед ними раскинулась долина. Ручей, долгое время сопровождавший их, сбегал вниз, холодно звеня между камней.

– Что это за земли? – спросил Гимли, и Элладан ответил: – Перед нами Мортонд, большая холодная река, впадающая в Море неподалеку от Дол Амрота. Люди зовут ее Черный Корень.

Ступенчатые склоны долины Мортонда густо заросли травой, но в этот послезакатный час все вокруг казалось серым. Далеко внизу светились огни в домах людей. Долина была плодородной и густонаселенной.

Арагорн привстал на стременах, и голос его раскатился над долиной.

– Друзья! Забудьте усталость! Вперед! Нам нужно попасть к Камню Эреха до ночи, а путь еще долог.

Отряд промчался по горным лугам, проскакал через мост над стремниной Мортонда и начал спускаться в долину. По мере их приближения паника охватывала селение. Двери домов захлопывались, люди бросали работу и, крича от страха, разбегались, как лани от охотников. Раздался крик, который сразу же подхватило множество голосов: «Король Мертвых! Король Мертвых идет!»

Заполюшно зазвонили колокола, все живое бежало перед отрядом Арагорна. Но всадники стремительно проносились мимо и еще до полуночи достигли Холма Эреха.

Ужас, рожденный призрачным воинством, словно саван накрыл все вокруг. На вершине холма чернел большой камень, наполовину вросший в землю. Станным и нездешним выглядел он. Многие верили, что когда-то он упал с неба, но те, кто не забыл преданья Западного Края, говорили, что его принес и установил здесь славный Исилдур. Родиной камня был Нуменор. Как бы там ни было, но к камню подходить боялись. Люди верили, что здесь встречаются тени мертвых. Тогда над холмом можно слышать странный неумолчный шепот.

Отряд остановился на вершине холма. Эрлоир передал Арагорну тяжелый, отделанный серебром рог. Арагорн громко протрубил в него и прислушался. Следопытам показалось, что где-то далеко в холмах прозвучали ответные рога, а может, это было только эхо. Хотя над холмами нависла тягостная тишина, все были уверены, что вокруг собралось огромное незримое воинство. Холодный ветер, словно дыхание призраков, подул с гор.

Арагорн спешился и, встав возле камня, вскричал:

– Клятвопреступники! Зачем вы пришли?

И в ночи слышался одинокий глухой голос, ответивший словно издалека:

– Исполнить клятву и обрести покой.

Тогда Арагорн молвил:

– Час настал. Мой путь лежит к Пеларгиру-на-Андуне.

Когда на всех этих землях не останется ни следа слуг Саурона, я сочту старую клятву исполненной и отпущу вас с миром. Я – Элессар, потомок Исилдура и законный владыка Гондора, повелеваю – следуйте за мной!

По знаку Следопыта Хальбарад развернул знамя, до тех пор скрытое в чехле. Во мраке не разглядеть было знаков, вышитых на нем, и полотнище казалось черным. Еще более полная тишина легла на холмы. Ни шороха, ни шепота, ни вздоха не было слышно в стылом воздухе. До рассвета никто из отряда не сомкнул глаз. Удушливый страх от теней, смутными рядами окружавших холмы, клубился над Камнем Эреха.

Холодный и бледный рассвет еще только занимался, а Арагорн уже вел отряд по пути, равного которому по трудности не изведal никто из смертных. Дунаданцы-северяне, гном Гимли и эльф Леголас преодолели его, ведомые стальной волей, не знающей преград.

Они миновали перешеек Тарланга, Ламедон и вышли к Келембелу на Кириле, когда багровое солнце уже спускалось за Пиннат Гелин у них за спиной. Огромное призрачное войско неотступно шло следом, а впереди летел крылатый страх. Кирил лежал перед ними опустошенный, немногие оставшиеся в живых бежали в холмы, почуяв приближение мертвых колонн.

На другой день не рассвело. Отряд ушел во Тьму Мордора и скрылся из глаз смертных. Войско Короля Мертвых последовало за ним.

3. ПОХОД ТЕОДЕНА

Отныне все дороги вели на восток, навстречу Тьме. В тот самый час, когда Пин, стоя перед Воротами Города, смотрел на входящие войска, правитель Ристании во главе большого отряда Всадников, спускался с холмов.

Вечерело. Длинные тени, перегоняя лошадей, бежали впереди по долине. На лесистых склонах было уже темно. В верховьях долины, словно запирая ее, высился могучий горный пик с вершиной, укрытой вечными снегами. На восточных его склонах густо голубели тени, западные пылали в огне заката.

Мерри с изумлением озирался по сторонам. Ему было интересно в незнакомой стране. От могучих водопадов воздух тихо звенел, шумели деревья, стучали по камням копыта. Раньше Мерри любил слушать о горах, думать о них, но теперь, когда горные хребты вздымались вокруг под самые небеса, он чувствовал себя неуютно. Слишком они были большие: хотелось оказаться в маленькой комнатке возле камина.

Отряд был в пути уже третий день. Шли почти без отдыха, и Мерри не на шутку устал. Когда дорога позволяла, он ехал рядом с правителем, занимая его рассказами о Хоббитании или слушая о прошлом и настоящем ристанийцев. Но чаще он следовал позади Теодена, прислушиваясь к медленной, звучной речи Всадников. Иногда слова их языка напоминали ему родной говор, но смысл ускользал. Зато песни Всадников ему очень нравились.

В этот вечер Мерри особенно остро чувствовал одиночество. В голове теснились мысли о любезном друге Пине, о Гимли, Леголасе, Бродяжнике, и вдруг по сердцу резануло воспоминание о Фродо и Сэме. – Я начал забывать о них, – упрекнул он самого себя. – А ведь все, что мы делаем, делается ради них. Представляю каково им там одним, и на сотни лиг вокруг ни одного друга. Живы ли они? – он вздохнул.

В сумерки отряд прибыл в Северную Лощину. Большое войско под командованием Дунхира встретило их приветственными криками. Дунхир рассказал Теодену, что Гэндальф сообщил им о победе при Хорне. Еще он рассказал, что Гэндальф от имени правителя приказал ускорить сбор войск.

– Это было после появления крылатой тени, – добавил он, и в глазах у него на миг мелькнул страх. Это сильно поразило Мерри, который никогда еще не встречал более могучего воина.

– Так она и здесь побывала? – спросил Теоден, и в ответ на недоуменный взгляд, пояснил: – Мы видели ее еще до отъезда Гэндальфа.

– Может быть, это и та же, – ответил Дунхир, – а может, и другая, но она пролетела утром над самой крышей дворца и, как хотите, правитель, но мы не могли пошевелиться от ужаса. Вот тогда Гэндальф и посоветовал нам как можно быстрее собираться здесь, но огня не разводить.

Теоден одобрил действия мага и приказал собрать военачальников на совет в Северном лагере.

На следующий день они уже были там. Навстречу Теодену галопом выехал всадник. Мерри ужасно удивился, когда увидел, что это – молодая женщина редкой красоты; длинные волосы ее были убраны в косы, а одежду составляла кольчуга, меч на поясе и дорожный плащ.

– Приветствую повелителя! – крикнула она еще издали. – Сердце радуется вашему возвращению.

– И я рад тебе, Эовин, – отвечал правитель. – Все ли в порядке здесь?

– Все хорошо, повелитель! – ответ был бодрым, но Мерри показалось, что голос женщины дрогнул. – Все готово к вашему приезду. Я ждала вас именно сегодня.

– Значит, Арагорн здесь? – спросил Эомер.

– Нет, – Эовин повернулась и долгим взглядом окинула горы на востоке. – Он прибыл вчера ночью, но на рассвете уже уехал.

– Ты опечалена, дочь моя, – участливо произнес Теоден. – Что случилось? Скажи, он говорил тебе, куда направляется?

– Да, – ответила Эовин. – Он ушел в Тень, из которой не возвращаются. Его нет больше. Путь Мрака проглотил его.

– Наши дороги разошлись, – с горечью сказал Эомер, – и наши надежды гаснут.

Правитель и сопровождающие его удалились в приготовленные шатры. Оказалось, что для Мерри рядом с шатром Теодена тоже поставлена палатка. Там он и сидел один, наблюдая за суетой в лагере и раздумывая о том, что слышал.

– Путь Мрака... – бормотал он. – Что бы это могло быть? Все друзья разбежались кто куда. Гэндальф с Пином сражаются на востоке, Фродо с Сэмом – в Мордоре, а теперь вот и Бродяжника с Гимли и Леголасом понесло на этот самый Путь Мрака. Видно, скоро и моя очередь, – но додумать ему не дали, потому что труба позвала на обед; тут же пришел посланный и пригласил Мерри к столу правителя. Теоден встретил его ласково, и вместо того, чтобы как подобало оруженосцу, прислуживать за столом, Мерри был усажен на особое место. Рядом с собой он увидел Эомера, Эовин, Дунхира. Это было очень почетно, но от разговоров о войне и Пути Мрака сердце хоббита тоскливо сжималось.

В шатер вошел начальник караула и доложил: – Правитель, прибыл гонец из Гондора и просит принять его немедленно.

– Пусть войдет, – распорядился Теоден.

Гонец вошел, и Мерри чуть не вскрикнул от неожиданности – так он был похож на Боромира. Поверх серебряной кольчуги у воина был накинута зеленый плащ, на шляпе поблескивала серебряная звездочка. Преклонив колено, он протянул Теодену стрелу с черным оперением и красным наконечником.

– Приветствую повелителя Ристании и друга Гондора, – сказал посланец. – Денетор зовет тебя не помощь и надеется на твою силу и быстроту. Иначе Гондор может погибнуть.

– Красная стрела! – воскликнул Теоден, и рука его дрогнула. – На моей памяти она не появлялась в Ристании. Какой же помощи ждет от меня могучий Денетор?

– Мне неизвестны мысли благородного Денетора, – ответил воин, – но он просит вспомнить прежнюю дружбу и старые клятвы. Война идет на нас отовсюду. У стен Города решается судьба нашего мира. Денетор просит тебя торопиться, правитель. Если мы не остановим Врага под Городом, Ристания тоже не устоит. Заклинаю тебя внять просьбе Денетора.

– Хорошо, мы придем, – произнес Теоден. – Передай благородному Денетору Гондорскому, что войска Ристании поведет сам правитель. Но до Гондора не близко и раньше, чем через неделю вам не услышать боевой клич Всадников. Отдохни эту ночь здесь. Завтра ты увидишь сбор войск и укрепишься духом перед возвращением.

Он встал и вслед за ним поднялись остальные.

– Всем отдыхать! – приказал Теоден, а потом обратился к Мерри: – Ты, добрый Мериадок, тоже свободен сегодня, но завтра с восходом ты мне понадобишься.

Мерри засыпал в своей палатке с радостной мыслью, что он тоже нужен, что его не оставят здесь одного. Ему показалось, что не успел он закрыть глаза, а его уже будят. – Но еще совсем темно, – возмутился он, – солнце же не взошло еще!

– И не взойдет, – сурово ответил будивший его Всадник. – Время не терпит, поднимайся скорее. А солнце... может быть, не взойдет никогда.

От этих слов Мерри покрылся холодным потом, поспешно оделся и вышел.

На улице было темно. Потемнел сам воздух, и в нем не чувствовалось ни дуновения. Неба не было. Вместо него над головой простирался мрачный свод без единого огонька. Люди вокруг тревожно переговаривались, многие лица выглядели испуганными.

В шатре Теодена Мерри застал еще одного гонца из Гондора, и тут же узнал, что накануне, на заходе солнца, от границ Мордора поднялась Тьма, она сгущается, и по всей стране до самых Туманных Гор разлился мрак.

Теоден глубоко задумался, а потом отдал приказ Всадникам выступать немедленно, не дожидаясь прибытия всех отрядов. Они должны по мере подхода выступать в направлении Гондора. Эомер вышел и сейчас же затрубили трубы. В неподвижном мрачном воздухе звуки были хриплыми и дребезжащими.

Правитель положил руку на плечо Мерри. – Ну, вот, добрый Мериадок, я иду в бой. Ты свободен от своих обязанностей, но не от моего дружеского расположения. Мне бы хотелось, чтобы оставшись здесь, ты служил Эовин. Она будет замещать меня.

– Правитель, – дрожащим голосом со слезами на глазах проговорил Мерри, – я хочу только одного: быть рядом с вами. Все мои друзья отправились на войну, а я должен остаться в стороне?

– Но наши кони слишком велики для тебя. Тебе не справиться с ними.

– Тогда привяжите меня к седлу, но не оставляйте здесь! – взмолился Мерри. – А если нельзя ехать верхом, позвольте бежать за вами. Пусть я сотру ноги до колен, но не отстану!

Теоден улыбнулся. – Ну, зачем же так! Лучше я возьму тебя к себе в седло. Хорошо, – решил он, – будешь сопровождать меня в Эдорас. Войска выступят оттуда.

Мерри отошел сильно опечаленным, но тут его крепко взяли под руку, и он увидел Эовин.

– Идем со мной, доблестный Мериадок, – сказала она без улыбки. – Арагорн просил меня подобрать тебе подходящее вооружение.

Она привела его в шатер свиты Теодена. Там оружейник вручил Мерри шлем, круглый щит с белым конем на зеленом поле и другое необходимое снаряжение по росту.

– Ни кольчуги, ни панциря для тебя не нашлось, – сказала Эовин, – а сейчас выковывать уже поздно. Но вот тебе от меня кожаная куртка и пояс для твоего меча. Пусть они принесут тебе удачу. Прощай, добрый Мериадок, может, мы еще свидимся.

Мерри в ответ молча низко поклонился ей.

В полдень они были в Эдорасе. Тьма по-прежнему окутывала все кругом стылым саваном. Казалось, что наступил поздний вечер. Теоден отдавал приказания вновь прибывшим отрядам, а потом, отпустив военачальников, ласково но твердо простился с Мерри.

– На полях Гондора, – сказал правитель, – нам предстоит такая битва, в которой падут многие могучие воины. Для тебя там не найдется ничего, кроме гибели.

– Кто может это знать? – пылко возразил Мерри. – Я ваш оруженосец, и мое место рядом с вами. Я не хочу, чтобы обо мне потом говорили, как о ненужной вещи, от которой всем хочется избавиться.

– А я хочу спасти тебя, – грустно отвечал Теоден. – Не забывай, ты обещал повиноваться мне. Если бы битва шла у стен Эдораса, я не сомневаюсь, что о твоих бы подвигах сложили песни. Но до Гондора сто двадцать лиг. Никто из Всадников не может взять тебя с собой. Это мой приказ, Мериадок, и больше мы не будем говорить об этом.

Мерри ничего не оставалось делать, кроме как уйти. Донельзя огорченный, он смотрел как строились войска. Почувствовав рядом чье-то присутствие, хоббит обернулся и увидел молодого Всадника.

– "Для твердой воли нет преград", – шепнул Всадник, – так говорят у нас в Ристании. Мне кажется, ты хотел бы быть вместе с правителем в этом походе?

– Да, очень хотел, – ответил Мерри, – но...

– Так можешь ехать со мной, – неожиданно сказал воин и подмигнул ошеломленному хоббиту. – Сядешь впереди, я прикрою тебя плащом, в этом сумраке никто не заметит, – и добавил с затаенной скорбью: – нельзя отказывать тому, кто так стремится помочь. Но никому ни слова! Идем, пора собираться.

– Очень благодарен вам! – радостно ответил Мерри. – Но я не знаю даже вашего имени.

– Разве? – усмехнулся Всадник. – Зови меня Дернхельм.

Вот так и случилось, что когда войска Ристании выступили, Мерри сидел в седле впереди Дернхельма, а серый конь воина даже не замечал этого, потому что молодой воин, хотя и был силен и ловок, но все-таки и ростом и статью уступал другим Всадникам.

Первый ночлег был в ивовых зарослях над рекой в двадцати лигах от Эдораса. Утро лишь незначительно отличалось от ночи. Когда Всадники приблизились к болотам неподалеку от земель энтов,

их нагнали гонцы с известиями о нападении на восточные границы Ристании и об огромных стаях орков, собиравшихся возле Ристанийского Ущелья.

Выслушав безрадостные новости, Эомер только махнул рукой и скомандовал: – Вперед! Поворачивать поздно. У нас один Враг и мы должны спешить. Вперед!

Скоро пересекли границы Ристании. Дорога потянулась вдоль подножия горной гряды, на вершинах которой кое-где дымились погасшие маяки. Мрак впереди становился все более плотным, вокруг лежали холодные, мрачные земли. И не в одном сердце огонек надежды трепетал под ветром сомнений.

Шли пятые сутки похода. Войска заночевали в сосновой роще возле холмов Эленаха. За ними раскинулся мрачный и обширный Лес Друадан, как бы закрывавший дорогу на Восточный Анориен.

Мерри лежал на земле, закутавшись в одеяло. Усталость и мрачные мысли не давали ему уснуть. Теперь он уже раскаивался в своем поступке. Как ни крути, а приказ правителя он нарушил. Теоден, узнав о том, что хоббит в отряде, был так недоволен, что не захотел его видеть. От Дернхельма было мало радости. За всю дорогу он сказал всего несколько слов. Мерри закрыл глаза, потом открыл. Разницы почти не было. Под деревьями было душно и темно. Сквозь ветви не мигала ни одна звезда. Тьма, опасности, близость сражения угнетали молодого хоббита. Где-то неподалеку были орки. Несколько Всадников, посланных в разведку, не вернулись. Мерри прислушался и снова ему показалось, что вдали рокочут барабаны. Ему стало еще больше не по себе, и он подумал – как там Пин? Но от этой мысли лучше не стало. Мерри не мог представить себе Город, которого раньше никогда не видел, и любезного друга Пина в нем.

Неожиданно звуки барабанов резко придвинулись. Между деревьев замелькали прикрытые фонари. Мерри встревожено привстал и в ту же секунду об него споткнулись. Голос Эльфхельма, начальника их отряда, проклял древесные корни. Это было уже слишком!

– Я не корень, – всхлипнул Мерри. – Я – хоббит, Мериадок, что случилось?

– Да в такой тьме все может случиться, – отозвался Эльфхельм. – Приготовься, мы ждем приказа выступить немедленно.

– Враги? – ахнул Мерри. – Я слышал барабаны...

– Враги не решатся покинуть дорогу, а барабаны – это речь лесных людей из Леса Друадан.

– Каких лесных людей? – изумился Мерри. – Разве здесь живет кто-нибудь? Я никого не видел.

– Да вот я тебя тоже не видел, – резонно возразил Эльфхельм, – хоть ты и не лесной человек. Их немного, они осторожны, а прятаться умеют как никто. Стрелки хоть куда, стреляют отравленными стрелами. Я рад, что они нам не враги, хотя и союзниками никому никогда не были. Но они боятся пришедшей тьмы и сейчас предлагают союз и помощь. Они вон там, где фонари, – он махнул рукой и исчез.

Сообщение о лесных людях с отравленными стрелами отнюдь не обрадовало Мерри. Но любопытство в нем не иссякло, поэтому он вскочил и направился вслед за мелькавшими между деревьями фонарями. Шел он осторожно, по-хоббитски, и вскоре достиг поляны.

На ветке большого дерева висел фонарь. Под ним было посветлее. Мерри увидел сидящих рядом правителя и Эомера, а перед ними – странное существо, больше всего похожее на корявый пень. Короткие узловатые руки и ноги, клочкастая борода, а может просто сухой мох, травяная юбка и такая же накидка. Пень говорил низким гортанным голосом, но к изумлению Мерри, говорил на Всеобщем языке, хоть и с трудом подбирая слова и временами сбиваясь на родное наречие.

Это был Гхан-бури-Гхан, вожак лесных людей. От имени своего племени он предлагал Теодену провести войска по древней дороге через холмы. Когда-то ее проложили люди Гондора, но теперь, кроме лесных жителей, о ней никто не помнит.

– Лесные люди покажут дорогу, – говорил он. – Вы убьете орков, и ваша блестящая сталь прогонит тьму. Тогда мы вернемся в свой Лес.

Гхан-бури-Гхан не требовал никакой награды, пусть только Всадники и впредь не трогают лесных людей. Видя, что правитель сомневается, лесной вождь сказал, что сам поведет отряды, и своей жизнью

готов ответить в случае измены.

– Да будет так! – решил Теоден.

– Тогда надо спешить. Лесные люди чувят солнце, даже во мраке. Сейчас утро. Пора.

– Как бы мы не спешили, до Минас Тирита еще далеко. Успеем ли?..

Мерри предпочел убраться незамеченным. Вот-вот должен был прозвучать сигнал к выступлению. Теперь от сражения их отделял один переход. Хоббиту пришлось собрать все свое мужество, да вдобавок вспомнить о Пине, там в осажденном Городе, чтобы страх отпустил его.

Войска выступили. С флангов их прикрывали лесные люди. Ни один орк не осмелился сойти с дороги и углубиться в лес – там его ждала верная и быстрая смерть.

Отряд шел за отрядом. Каждый вел проводник из лесных людей. Старый вождь шел рядом с Теоденом. Несмотря на то, что древняя дорога проходила неподалеку от места недавней стоянки, отыскать ее без помощи лесных людей было бы невозможно. Но теперь она давала Всадникам так нужное преимущество: можно было подойти почти к самым стенам Города незамеченными.

Когда позади осталась уже большая часть пути, головной отряд встретили разведчики. Они неожиданно выскочили из зарослей. Мерри, сколько ни таращился на диковинные существа, все они показались на одно лицо. Расспросив их, Гхан-бури-Гхан сказал Теодену, что путь до самого Минас Тирита свободен. Враги так заняты осадой Города и так уверены в своих постах, перекрывших все западные дороги, что совершенно не ожидают нападения с тыла.

– Прекрасно! – вскричал Эомер. – Теперь мгла, посланная Врагом, поможет нам!

Теоден тепло простился с вождем лесных людей. Гхан повернулся, но вдруг застыл на месте, пригнувшись. Глаза у него блестели.

– Ветер меняется! – крикнул он и мгновенно исчез в чаще вместе с остальными. Уже через несколько минут звуки «барабанов» слышались снова, но глухо, издали. Никому из Всадников не пришло в голову усомниться в искренней помощи лесных людей.

После краткого привала войска двинулись дальше. Теоден спешил, впереди видны уже были красные сполохи.

Отряд Эльфхельма шел вслед за правителем и его свитой. Мерри с удивлением заметил, что Дернхельм старается незаметно продвинуться вперед, пока наконец они не оказались среди воинов передового отряда, и для всех это осталось незамеченным.

Разведка ристанийцев подтвердила, что Город объят огнем, под стенами – крупные силы Врага, а тылы не охраняются. На равнине разведчики отчетливо чувствовали, что ветер заходит к югу и может разогнать мрак.

Теоден был доволен известиями. Он проскакал вдоль колонны, обращаясь к Всадникам и призывая к победе, отдал приказы военачальникам, потом привстал на стременах и, махнув рукою, вскричал: – Вперед! Только вперед, бесстрашные Всадники!

Войска двинулись. День кончался, стало еще темнее. Они вступили на земли Анориена. Впереди была внешняя стена, возле которой, совсем недавно, застава остановила Гэндальфа и Пина.

Кони перешли в галоп. Дернхельм, держась в последних рядах головного отряда, горячил коня. Мерри изо всех сил ухватился за воина левой рукой, а правой старался достать клинок из ножен. Ему отчетливо вспомнились слова Теодена о том, что для хоббита не найдется дела в этой битве, кроме гибели. «Действительно, – подумал он, – что я буду делать? Что я могу? Мешать Всаднику и надеяться, что не слечу с седла под копыта коней?»

Они домчались до стены быстрее, чем хотелось бы Мерри. Несколько возгласов, лязг оружия – и от небольшого отряда орков перед стеной не осталось ничего. Всадники просто смели заслон.

Уже за стеной правитель остановил отряд. Мерри повертел головой и увидел, что люди Эльфхельма идут далеко справа, а они с Дернхельмом вроде бы влились в отряд Теодена. Лигах в десяти впереди

разливалось зарево большого пожара, но еще ближе, не далее, чем в лиге, виднелись походные костры орков. Равнина тонула в темноте. Не было заметно ни малейших признаков рассвета или перемены ветра.

Теперь войска двигались медленно, бесшумно, как вода, просачиваясь ближе к линии осады и за нее. Через некоторое время по знаку правителя они остановились. До Города было рукой подать. В воздухе пахло гарью. Коня беспокойно переступали ногами.

Теоден неподвижно сидел в седле, глядя на гибнущий Город. Казалось, бремя бедствий согнуло его гордую спину и заставило поникнуть плечи. Мерри с безотчетной тревогой наблюдавший за ним, вдруг и сам почувствовал страшную тоску. Неясные сомнения и предчувствия непреодолимой беды, невозможность любого действия захлестнули хоббита, и он перестал осознавать себя. Время словно застыло на месте. Все поздно, все тщетно! Казалось, сейчас Теоден горестно покачает головой и повернет обратно к холмам...

Но вдруг что-то изменилось вокруг. Поднимался ветер! Едва заметно посветлело. Далеко на юге, над горизонтом, стали видны нависшие тучи, а за ними занималось утро!

В тот же миг над Городом сверкнула пронзительная молния, соединившая небо и землю. Белая Башня Звездной Цитадели выступила из тьмы горячей желтой вспышкой, словно мрак отпрянул от нее. В воздухе пророкотал раскат грома, и всем воинам показалось, что исчезла давящая на плечи тяжесть. Тьма над Городом сомкнулась вновь, но Теоден уже сбросил оцепенение, выпрямился, и над войсками пролетел боевой клич Ристании. Правитель выхватил у оруженосца большой рог и протрубил с такой силой, что рог лопнул. На звук дружно и грозно откликнулись другие рога. Теоден что-то крикнул своему коню, и он с места рванулся вперед. За ним лавиной двинулся передовой отряд и отряд Зомера. Но правитель Ристании летел впереди всех, его никто не мог догнать. Он поднял щит, сверкнувший золотом в первых лучах солнца; трава под копытами его коня вспыхнула изумрудным ковром, потому что настало утро! Ветер с далекого Моря и солнце взяли верх, тьма отступила, полчища Мордора дрогнули в ужасе перед лавиной звуков и Всадников, катящихся на них, и побежали! А Всадники Ристании пели боевую песнь, пели и убивали врагов. И эта песнь, прекрасная и грозная, была слышна за стенами Минас Тирита.

4. ОСАДА ГОРОДА

Гэндальф разбудил Пина. За окнами по-прежнему было темно, в комнате горели свечи. Духота стояла, как перед грозой.

– Который час? – спросил Пин, зевая.

– Начало третьего, – ответил маг. – Одевайся, тебя призывает правитель. Надеюсь ты не забыл, что служишь ему?

– А он даст нам позавтракать?

– Нет. Завтрак готов, – Гэндальф кивнул на стол, – и до обеда больше ничего не будет. В Городе экономят провизию.

Пин угрюмо рассматривал небольшую краюху хлеба, очень маленькую, на его взгляд, порцию масла и чашку молока.

– И зачем ты меня привез сюда? – проворчал он.

– Чтобы помешать тебе делать глупости, – в тон ему ответил маг. – Если тебе здесь не по нраву, то кроме себя винить некого.

Пин насупился и замолчал.

Когда Гэндальф привел его в зал со статуями и колоннами, Денетор сидел на том же самом месте. Было такое впечатление, что он со вчера не сдвинулся с места.

– Ну, добрый мой Перегрин, – подчеркнуто обратился он к хоббиту, – надеюсь, ты провел вчерашний день с пользой и приятством. Вот только с питанием в Городе хуже, чем хотелось бы тебе, – он слегка развел руками.

Пин покраснел. Ему показалось, что правителю известны не только его слова, но и мысли.

– Что же ты намереваешься делать у меня на службе? – спросил Денетор.

– Я думаю, что повелитель укажет мне мои обязанности.

– Укажу. Когда узнаю, что ты можешь. А для этого лучше всего оставить тебя при себе. Будешь выполнять мои поручения, беседовать со мной, когда будет время. Петь умеешь?

– Умею, – обрадовано кивнул Пин. – Пою я хорошо, – он немного смутился, – так у нас говорят. Но наши песни не очень-то годятся для дворцовых покоев, да и для тяжелых времен тоже. Самое страшное, о чем поют в Хоббитании – это ветер или дождь, а так все больше о смешном, о пирушках, например... – тут он совсем смешался и умолк.

– Так почему бы не спеть об этом в моем дворце? – усмехнулся Денетор. – Над Гондором давно сгущается мрак, наоборот, приятно было бы услышать, что есть еще не затемненные земли. Нам бы тогда казалось, что труды наши не пропали даром.

Однако Пина эти слова не разубедили. Как-то не мог он представить себе незатейливые песни Хоббитании, звучащие в этом великолепном зале. Но Денетор уже обратился к Гэндальфу. Они заговорили о Ристании, о намерениях Теодена, об Эомере, племяннике правителя. Пин только дивился, как много известно Денетору о тамошних делах, к тому же, из разговора он понял, что правитель много лет не покидал пределов Гондора. Он уж решил было, что о нем забыли, но тут Денетор обратился и к нему.

– Отправляйся в арсенал, – сказал он, – там приготовлена для тебя одежда и вооружение. Прими подходящий вид и возвращайся.

В арсенале Цитадели Пин облачился во все черное с серебром. Теперь на нем была черная кольчуга, черный же шлем с вороньими крыльями по бокам и серебристой звездочкой в надлобье. Кольчугу спереди прикрывал шитый серебром нагрудник с изображением цветущего дерева. Длинный широкий плащ дополнял одеяние. Прежнюю его одежду убрали, позволили оставить только серый лориенский плащ, но с условием не носить его на службе. Новый наряд был роскошен, но Пин стеснялся его. В довершение к этому ему так надоел постоянный сумрак, что настроение совсем испортилось.

А сумрак сгустился. С востока, из Страны Мрака, ветер пригнал тяжелую тучу. Она словно придавила Город. Воздух на улицах был душным и неподвижным, как вода в болоте. Вся долина Андуйна замерла в ожидании бури.

Пин освободился только к вечеру. Желудок повлек его на поиски обеда. По счастью в столовой он встретил Берегонда. Они вместе поели и направились на стены, туда, где проводили время вчера.

Был час заката, но солнце не могло пробить плотный заслон туч. Только в последний миг над Морем сверкнул его прощальный луч. Именно в этот миг Фродо стоял на Перекрестке над поверженной головой каменного стража. Но на полях Пеленнора не было никакого проблеска. Холодными и темными оставались они.

Пину казалось, что вчерашний и сегодняшний день разделяют годы. Вчера еще он был простым беспечным хоббитом, на котором перенесенные опасности не оставили заметного следа, а сегодня... Сегодня он – воин в Городе, который готовится к жестокой битве. Он носит пышную, мрачную одежду: в другое время это была бы восхитительная игра, но теперь все было всерьез. Он, Пин, на службе у настоящего, гордого и могущественного правителя, и опасность, нависшая над Городом – самая настоящая. Кольчуга, шлем, плащ, все казалось тяжелым, все угнетало. Он устало вздохнул.

– Что, устал сегодня? – участливо спросил Берегонд.

– Устал, – согласился Пин. – Устанешь, когда ждешь и больше ничего. Я несколько часов простоял у дверей, пока у Денетора шел военный совет. Конечно, я понимаю, это высокая честь, да только что от нее пользы натошак... По правде сказать, и от еды в этом мраке пользы тоже не чувствуешь. И не туман, и не облака, сам воздух какой-то бурый. У вас так всегда при восточном ветре?

– Нет, – ответил Берегонд. – Это ведь не просто сумрак, это – чары Врага. Этот мрак, он смущает ум и сердце. Хорошо бы Фарамир возвращался побыстрее. Его долго нет, все в Городе обеспокоены.

– Да. Вот и Гэндальф тоже, – заметил Пин. – Он сегодня ушел с совета очень недовольный. Похоже, ждет дурных вестей...

Вдруг оба, и Берегонд и Пин, разом задохнулись. Давешний ужас сковал их члены. Пин медленно, как во сне, согнулся, зажимая уши ладонями. Берегонд, как раз решивший взглянуть на равнину через бойницу, застыл с широко открытыми глазами. С неба налетел знакомый уже леденящий вопль. Только теперь он был намного сильнее, и слышалась в нем такая злоба, что сердце готово было разорваться от страха.

Берегонд с трудом пошевелил губами. Только со второго раза ему удалось выговорить: – Смотри! Смотри же, там, внизу, на равнине, видишь?

Пин без всякой охоты взглянул.

Внизу лежал туманный Пеленнор. Хотя и неясно, но равнина была видна отсюда почти до самого Андуйна. На полпути от берега к Городу что-то происходило. Огромные, страшные тени, намного больше орла, но по виду напоминавшие коршунов, носились там в воздухе. Полет их был быстр и грозен. Иногда они приближались к стенам на расстояние выстрела, взмывали вверх и камнем падали к земле.

Пин в ужасе прошептал: – Черные Всадники! – и тут же закричал: – Назгулы в воздухе! Смотри, Берегонд, они охотятся на что-то! Посмотри, ведь это люди там, на равнине, люди на лошадях! Назгулы бросаются на них. Их там... четверо, нет пятеро... Это ужасно! – Воскликнул он, и в отчаянии закричал: – Гэндальф! Гэндальф, помоги!

Из поднебесья хлестнул еще один вопль, а сквозь него, едва слышно донесся звук рога, оборвавшийся на высокой, протяжной ноте.

– Фарамир! – вскричал Берегонд. – Это его рог!

Они смотрели, затаив дыхание. Видно было, что кони там, на равнине обезумели от страха и сбросили седоков. Только один из них оставался в седле, пытаясь собрать товарищей.

– Да, это Фарамир! – уверенно воскликнул Берегонд, – он умеет приказывать и коням и людям. Смотри! Эта тварь летит прямо на него! Да что же никто не поможет им! – с этими словами воин сбежал со

стены и бросился к Воротам.

Спрятавшийся было под каким-то выступом Пин, устыдился и выглянул снова.

По равнине, навстречу четверым воинам, спешащим к Городу, сверхъестественно быстро мчалась серебряная звезда. Вокруг нее разливалось слабое сияние. Она словно распарывала тьму, и та раздвигалась в стороны на ее пути.

– Гэндальф! – засмеялся и заплакал Пин. – Гэндальф! Ну, конечно, где самое пекло, там и он. – Вперед! – заорал он, словно на скачках размахивая руками, – вперед!

Мрачные тени, реявшие в воздухе, тоже заметили мага. Одна из них рванулась к нему с высоты, но от поднятой руки Гэндальфа ей навстречу сверкнул ослепительно-белый тонкий луч. Тень отпрянула с жалобным криком. Это заставило остальных приостановиться в полете, а потом они, все вместе, рванулись на восток и исчезли в нависших тучах.

Над Пеленнорской равниной чуть посветлело.

Оба всадника, маг и спасенный им, стояли рядом, поджидая пеших воинов. Навстречу им из Ворот выбежала целая толпа. Вместе с ней они вошли в Город. Пин заторопился к Цитадели, проталкиваясь среди тех, кто, как и он, наблюдал со стен за происходившим.

Скоро впереди послышались крики. Там повторяли имена Фарамира и Митрандира. Замелькали факелы и в окружении многих людей появились оба всадника. От Гэндальфа больше не лучился серебряный свет. На лице залегли суровые тени, а белая одежда помутнела, словно опаленная жаром. Его спутник в зеленом плаще с трудом держался в седле. Слуги приняли коней, всадники спешили и пошли к воротам Цитадели. Маг шагал твердо и слегка поддерживал Фарамира, пошатывавшегося на ходу от боли и усталости. Пин, протиснувшись вперед, заглянул в лицо гондорцу и отшатнулся. Было похоже, что пережитый ужас навсегда наложил печать на гордые и прекрасные черты. В первый момент Пина поразило его сходство с братом, но взглядевшись, хоббит вздрогнул. – ему показалось, что перед ним Арагорн. То же величие, отблеск древней и мудрой расы, но не столь явный и высокий, как у Бродяжника, озарял это лицо. Пин вспомнил, с какой преданностью говорил о своем начальнике Берегонд; Фарамир был прирожденный вождь, за которым любой пошел бы в огонь и в воду.

Пин закричал вместе с остальными: – Фарамир! – и Фарамир, уловив среди других голосов незнакомый по тембру, отыскал его глазами.

На лице воина отразилось огромное изумление. Он шагнул к Пину и спросил: – Откуда вы? Невысоклик – воин Цитадели?

Гэндальф слегка потянул его за рукав. – Он приехал со мной. Не будем терять времени, нас ждут. А ты, любезный Перегрин, следуй за нами.

Через несколько минут они входили в покои правителя. Слуги поставили три кресла вокруг жаровни с углями, принесли вино. Пин, стоя за креслом Денетора, забыл об усталости, жадно слушая рассказ Фарамира. Гэндальф поначалу, казалось, задремал. Его не интересовали ни передвижения войск Врага, за которыми следил отряд Фарамира, ни стычка с хородримцами, ни другие мелочи пограничной войны. Все это не имело значения в сравнение с событиями важнейшими.

– А теперь я должен рассказать кое-что странное, – сказал Фарамир, и неожиданно посмотрел в глаза Пину. – Этот невысоклик – не первый, которого я встречаю.

Гэндальф резко выпрямился, от его сонливости не осталось и следа. Длинные пальцы крепко оплели подлокотники кресла. Он не проронил ни звука, но бросил на Пина такой взгляд, что у того застрял в горле готовый сорваться взглас. Денетор же, напротив, не проявил к словам сына никакого интереса, и задумчиво кивнул, словно знал обо всем наперед.

В полной тишине, изредка поглядывая на Гэндальфа и Пина, Фарамир рассказывал о встрече с Фродо и Сэмом в пещере Хэннет Аннун. А Пин, холодея от страха, смотрел на руки мага, вцепившиеся в резное дерево кресла. Они мелко дрожали. Гэндальф, Гэндальф Белый был встревожен, испуган даже!

Между тем Фарамир ровным голосом продолжал говорить о том, как он простился с путниками, об их

решении идти к Кирит Унголу. Тут Гэндальф не выдержал и вскочил.

– Кирит Унгол? – переспросил он. – Так, это долина Моргула... Время, Фарамир, время! Когда ты расстался с ними? Когда они должны достичь этой проклятой равнины?

– Я простился с ними два дня назад, – слегка удивленный ответил Фарамир. – Оттуда по прямой до Моргулдуина лиг пятнадцать, значит, к крепости им не попасть раньше сегодняшнего дня. Я понимаю, чего ты боишься, Митрандир. Ты думаешь, нет ли связи между Мраком, пришедшим с востока, и целью путешествия этих невысокликков? Думаю, что нет, и вот почему. Мрак пришел позавчера и уже прошлой ночью весь Итилиен был затемнен. Видно, Враг давно задумал наслать на нас тьму, и час для этого был назначен задолго перед тем, как мне пришлось расстаться с ними.

Гэндальф, совершенно забывшись, широким шагом мерил покои взад и вперед.

– Позавчера утром, – бормотал он. – Три дня пути... Где ты с ними расстался?

– Отсюда до того места лиг двадцать пять по прямой, – прикинул Фарамир. – Но я еще заходил на остров Кеир Андрос. Наши кони оставались на том берегу. Когда пришел Мрак, я с тремя всадниками поскакал галопом к Городу, а остальных послал усилить охрану мостов в Осгилиате, – он взглянул на отца, – я правильно поступил?

– Ты спрашиваешь?! – неожиданно вскричал Денетор, сверкая глазами. – Зачем спрашивать? Ты командовал отрядом, а спрашиваешь меня? Тогда почему ты не спросил моего мнения о других твоих делах? Мои советы для тебя – ничто. Я же видел, как ты смотрел на Митрандира! Вот кто давно завладел твоим сердцем, вот от кого ты ждешь одобрения или нареканий своим поступкам!

Да, я стар, но из ума еще не выжил. Слух и зрение еще не подводят меня, так что ты напрасно старался умолчать кое о чем. Мне ведомо и это. О, как не хватает мне Боромира сейчас!

– Но если тебе не нравятся мои действия, отец, – сдержанно ответил Фарамир, – я хотел бы услышать, что в них не так? И почему ты не сказал мне, чего хочешь, перед моим уходом в разведку?

– Разве это что-нибудь изменило бы? – Денетор почти кричал. – Я знаю тебя, знаю, что ты всегда хотел быть благородным и великодушным, как древние короли. Но что хорошо для мира, не всегда годится для войны. А на войне за доброту можно поплатиться жизнью!

– Да будет так! – вскинув голову, твердо ответил Фарамир.

– Я знаю, – продолжал Денетор, – что ради своей совести ты пойдешь на смерть. Но речь не только о тебе, речь идет о жизни твоего отца и твоего народа. Ты должен думать о нем теперь, когда нет твоего брата.

– Значит, ты хотел бы видеть его на моем месте?

– Да, хотел бы. Он был верен мне, а не своему учителю-магу. Он не забыл бы о нуждах своего народа и его правителя. И уж если судьба дала бы ему в руки могучий дар, он привез бы его мне.

Фарамир нахмурился. – Отец, именно ты тогда убедил совет послать в Имладрис не меня, а брата. Он отправлялся в путь с поручением правителя Гондора.

– Я не забыл, – скорбно произнес Денетор, – и от этой ошибки чаша моя еще горше. Если бы Оно попало ко мне! – вскинул он руки, почти не владея собой.

– Полно, правитель, – сказал Гэндальф. – Боромир умер, и умер доблестно, да почиет он в мире! Но не обольщайся, он не привез бы тебе того, о чем ты сетуешь. Он оставил бы Его себе, и по возвращении ты не узнал бы собственного сына. Он только протянул руки к нему и пал, но пал с честью.

В лице Денетора проступила высокомерная холодность. – Так, значит, Боромир оказался не столь покорен твоей воле? – вкрадчиво спросил он. – Так вот, он принес бы Его мне! Ты мудр, Митрандир, но твоя мудрость – еще не все. И я говорю тебе: есть решение, свободное от глупой суеты и ухищрений чародеев.

– В чем же оно состоит? – осведомился Гэндальф.

– В том, чтобы избегать крайностей. Если нельзя им воспользоваться, то уж вовсе глупо отправлять

такое бесценное сокровище прямо в лапы Врага, да еще поручать его неразумному невысоклику, как это сделал ты и вот этот мой сын. Это не мудрость, это безумие!

Гэндальф был само смирение. И голос его прозвучал почтительно и удрученно. – Как же поступил бы на нашем месте могучий и мудрый Денетор?

– Не впадал бы в крайности! – резко ответил правитель. – Я никогда не поставил бы судьбы народов в зависимость от Этой Вещи. Я сохранил бы Его, надежно укрыв от любых глаз. И воспользовался бы Им только в самом крайнем случае для полной и окончательной победы, после которой уже не важно, как сложились бы события.

– Но кроме Гондора есть другие люди, другие страны, другие времена, – осторожно заметил Гэндальф.

– Если Гондор падет, – отчеканил Денетор, – никаких остальных не будет! Лежи Оно сейчас в подземельях Цитадели, мы не тряслись бы от страха в этом Мраке. Если ты думаешь, что это искушение не по мне, значит, плохо меня знаешь!

Гэндальф опять был самим собой: спокойным, насмешливым и уверенным. – Нет Денетор, я не доверяю тебе. А после твоих слов – и подавно. Если бы доверял, Оно давно бы хранилось в Гондоре, и множества забот удалось бы избежать. Нет, правитель, я не доверяю и себе, поэтому мне пришлось отказаться от Него даже как от подарка. Твоей силы еще хватает, чтобы владеть собой, но будь Оно здесь, будь Оно даже погребено под толщей Белых Гор, – Оно подчинило бы тебя, выжгло бы твой разум, и тогда... тогда будущее наше было бы еще страшнее, чем сейчас.

Глаза Денетора пылали гневом, когда встретились со взглядом мага. Пин снова ощутил напряжение двух могучих волей. Казалось, что воздух между ними потрескивает и из него сыплются искры. Пин затрясся в ожидании смертельного удара; но Денетор, как и в первый раз, отвел глаза и взял себя в руки.

– Если бы, если бы... – проворчал он. – Слова! Что в них толку! Оно ушло во Мрак, и мы можем только ждать, и теперь уже недолго. А пока все враги одного Врага должны быть вместе. Надежда и твердость еще нужны нам, хотя бы для того, чтобы умереть достойно, когда надежды больше не будет, – он повернулся к Фарамиру, и как ни в чем не бывало, спросил: – Что ты думаешь об обороне Оскилиата?

– Она слаба, – отвечал Фарамир. – Я послал туда отряд из Итилиена.

– Этого мало, – веско сказал Денетор. – Первый удар придется именно туда, и там нужен талантливый военачальник.

– Как и во всех других местах, – отозвался Фарамир и встал. Если бы он не ухватился за спинку кресла, то упал бы. – Разреши мне удалиться, отец.

– Да, я вижу, ты устал. Скакал долго и быстро, как я слышал, да еще эти злые тени с неба...

– Не будем говорить об этом, – сказал Фарамир.

– Хорошо, не будем, – согласился Денетор. – Иди, отдыхай, пока можно. Но завтра тебе понадобится вся твоя сила.

Гэндальф и Пин с факелом в руке шли домой. Только когда за ними закрылась дверь комнаты, Пин спросил: – Как ты думаешь, надежда еще есть? Я про Фродо, ну, и про остальных тоже...

Гэндальф ласково погладил его по голове. – Особенно большой надежды и раньше не было, разве только на чудо... А теперь еще Кирит Унгол, – маг замолчал и, подойдя к окну, долго вглядывался в темноту. – Хотел бы я знать, почему именно туда? Откровенно говоря, Пин, когда я услышал про Кирит Унгол, сердце у меня упало. Но все-таки в том что рассказал Фарамир, кроется какая-то надежда. Особенно, если Враг начал войну, когда Фродо был еще в пути. Теперь Око Врага будет шарить где угодно, но не в своих владениях, там ему нечего высматривать. Я даже отсюда чувствую, как он спешит. Ему пришлось начать раньше, чем он предполагал. Что-то поторопило его. Но что? – он ненадолго задумался, а потом сказал с усмешкой: – Может быть, это было твое любопытство, несмышлениш. Смотри, пять дней назад был низложен Саруман, и нам достался его камень. Да, – возразил он сам себе, – но мы же не можем использовать Палантир...

Вдруг Гэндальф резко выпрямился и вскинул голову:

– Ах, вот оно что! Как же я сразу не подумал! Арагорн! Его сроки приближаются. Силы и твердости ему не занимать. Смел, решителен, сможет рискнуть, если надо. Да, конечно!

Пин во все глаза, ничего не понимая, смотрел, как необычайно оживленный Гэндальф шагает из угла в угол. А маг, между тем, продолжал:

– Арагорн смотрел в Палантир и показал себя Врагу. Он сделал это не случайно, ему нужно было... – маг посмотрел на Пина словно очнувшись, – Ладно, – он устало махнул рукой, – мы узнаем обо всем от ристанийцев, если они не опоздают, – добавил он. – Тяжелые дни нам предстоят. Давай спать, Пин, пока можно.

– Но... – начал было Пин.

Глаза мага под густыми бровями сверкнули.

– Что «но»? – спросил он. – Хватит на сегодня. Давай, спрашивай, но только один вопрос.

– Я про Горлума, – сказал Пин. – Почему они вместе, почему он ведет их? И почему и Фарамиру и тебе не нравится место, куда он их ведет?

– Наверное не знаю, – покачал головой маг, – но я был уверен, что Фродо и Горлуму предстоит встретиться, как бы эта их встреча не кончилась. О крепости Кирит Унгол ты лучше молчи. Страшна не крепость, страшно предательство. А эта жалкая тварь словно создана для него. Правда, иногда бывает, что зло творит добро, само того не желая. Будь что будет. Доброй ночи, малыш!

Утро было хмурым и темным. Оживление, связанное с прибытием Фарамира, покинуло людей, и лица снова стали тревожными и подавленными.

Денетор созвал совет. Почти все военачальники считали, что сил, даже для отражения первого удара недостаточно. Надежда была только на ристанийцев. До их прихода нужно было срочно укреплять стены. Денетор не хотел оставлять без боя ни Пеленнора, ни мостов на Реке.

– Если Враг решит переходить Реку, то только у Осгилиата, – сказал он. – Так бывало и раньше, когда мосты защищал Боромир.

Фарамир, глядя прямо в глаза отцу, ответил: – Раньше – да. Но при таких огромных силах Враг может позволить себе потерять у переправы целое войско, а для нас недопустима даже потеря небольшого отряда... Если он все-таки перейдет Реку, защитникам Осгилиата уже не пробиться к Городу.

Фарамира поддержал Имрахиль. Он напомнил, что Реку можно форсировать и в других местах, поэтому нельзя стягивать к Осгилиату все силы.

– Может и так, – с досадой ответил Денетор, – но я не отдам без боя ни Пеленнор, ни Осгилиат, если только найдется кто-то, способный выполнить мою волю.

Фарамир встал. – Боромира нет, отец. Если таков твой приказ, то вместо него пойду я.

– Да, это приказ, – подчеркнуто сухо ответил Денетор.

– Прощайте, – произнес Фарамир. – Если мне суждено вернуться, думайте обо мне лучше, отец.

– Это зависит от того, как ты вернешься, – резко сказал Денетор.

Последним, перед самым отъездом, с Фарамиром говорил Гэндальф.

– Береги себя, – по-стариковски поворчал маг напоследок. – Ты еще будешь нужен здесь, и не только как воин. А отец тебя любит, это я тебе говорю. И он еще вспомнит об этом. Ну, прощай!

Уже под вечер со стороны Андуина примчался гонец. Нерадостные вести привез он. Из Минас Моргула выступило большое войско, оно приближается к Осгилиату. К нему примкнули большие отряды хородримцев. – Ведет войско Король-Призрак, – в глазах гонца бился страх. – Ужас переправился через Реку раньше, чем его войска.

Этимися словами закончился для Пина третий день пребывания в Городе. Мало кто спал в Минас Тирите в эту ночь. Надежда оставила сердца. Люди понимали, что даже Фарамиру не удастся долго

удерживать мосты.

Следующий день начался хуже, чем кончился предыдущий. Гонцы сообщили, что войска Врага перешли Реку, и Фарамир отступает к стенам Пеленнора перед силами, вдесятеро превосходящими его отряд.

– Враги идут по пятам, – сказал вестник, – они дорого заплатили за переправу, но все же меньше, чем мы надеялись. У них были готовы плоты и лодки, и они шли, как туча. Но страшнее всего – Король-Призрак. При его приближении мало кто устоит. Даже собственные воины стонут под его рукой, но выполняя приказ, готовы загрызть друг друга.

– Значит, пришло мое время, – сказал Гэндальф и тут же ускакал на восток. Пин всю ночь простоял на стене, кутаясь в плащ, и не сводя глаз с темного горизонта.

На рассвете со стороны Пеленнора послышался глухой рокот и стали видны багровые вспышки. Тревожный сигнал трубы призвал воинов на стенах к оружию.

– Стена взята! – кричали где-то. – Они идут!

С горстью всадников появился Гэндальф. Он сопровождал целую вереницу повозок с ранеными. Маг сразу же поднялся к Денетору в верхнюю комнату Белой Башни. С правителем был только Пин.

– Фарамир вернулся? – вместо приветствия спросил Денетор.

– Нет, – ответил маг, – но он жив. Во всяком случае, был жив, когда мы расстались. Он сдерживает людей, чтобы отступление не превратилось в бегство. Это не просто, потому что пришел тот, кого я боялся.

– Враг? – вскричал Пин, забывший от страха свое место.

Денетор рассмеялся. – Нет еще, добрый Перегрин. Враг появится только в миг последней победы. До тех пор он воюет руками других.

– И самый грозный из его вождей уже взял наши дальние укрепления, – сказал Гэндальф, внимательно глядя на Денетора. – Это бывший король Ангмара, великий чародей, ныне – предводитель рабов Кольца и меч ужаса в руке Саурана.

– Вот достойный противник для тебя, Митрандир, – слабо усмехнулся Денетор.

– Я давно знал, кто ведет войска. И это все, что ты принес оттуда? – насмешливо спросил он.

Пину стало страшно. Он никогда не видел Гэндальфа в гневе, и ему казалось, что момент для этого настал. Но он ошибся. Голос мага звучал так же ровно.

– Еще не время испытывать нашу силу, – говорил Гэндальф. – Если правдиво старинное предание, то этот вождь найдет гибель не от руки воина. Даже мудрейший из мудрых не знает, что его ждет. Впрочем, к делу. Я прибыл с ранеными, которых еще можно исцелить. Стены Пеленнора разбиты, к ним подходят полчища Мордора. Пал Кеир Андрос, беженцы оттуда стекаются к Городу. Из Мораннона вышло еще одно войско, оно переходит Реку сейчас. Больше мне и в самом деле нечего сообщить.

– Говорят, Митрандир, что тебе приятно приносить дурные вести. Но для меня и это – не новость. Я знаю то, что знаю. Идем вниз, посмотрим, что можно сделать для обороны Города.

К вечеру появились первые группы отступавших. Многие были ранены. На темной равнине зажглись красные огоньки. Их становилось все больше, особенно вдоль дороги от Осгилиата к Городу. Наконец, они слились в сплошную огненную реку.

В это время появился последний отряд отступавших воинов. Отряд двигался организованно, но огненная река догоняла его, грозя затопить. Тогда воины, повинаясь чьей-то команде, остановились и развернулись навстречу надвигавшемуся потоку огней. И вот тут началось!

С хриплым ревом, размахивая факелами, на воинов кинулись орки, с фланга, отрезая путь к отступлению, напали хоробримцы, и в довершение всего с темного неба с душераздирающими воплями обрушились крылатые назгулы.

Организованное отступление сменилось паническим бегством. Люди бросали оружие, крича от

страха. Но в этот момент со стены Цитадели запела труба, и вылетевший из ворот отряд всадников с громким кличем ударил на врагов. Со стен им ответил другой клич, а потом – радостные крики. В бой вступили рыцари Дол Амрота, предводительствуемые Имрахилем. Но впереди всех стремительно летел белый сияющий всадник. Луч ослепительного света порой вырывался из его вздетой руки.

Назгулы с воплями, похожими на обиженное карканье, взмыли вверх и улетели. Без своего предводителя они не могли устоять перед белым огнем. Захваченное врасплох войско Моргула не выдержало натиска и обратилось в бегство. Преследователи стали преследуемыми. Рыцари рубили и кололи с ожесточением, и скоро поле покрылось трупами орков и людей, а факелы шипели и гасли от крови.

Снова запела труба, и отряд Имрахилиа тут же прекратил преследование. Теперь он прикрывал отступление отставших воинов. Они построились и вошли в Город в боевом порядке. Люди приветствовали их, но крики сами собой стихли, когда все увидели, что от отряда Фарамира осталась едва одна треть. Самого его не было видно.

В Ворота входили рыцари Дол Амрота, опьяненные успехом первого боя. Вслед за всадниками ехал Имрахиль. Он прижимал к груди безжизненное тело сына Денетора. Когда исход схватки уже решился, случайное копьё сразило Фарамира, сдерживавшего неистовых хородримцев. Только удар рыцарей Дол Амрота спас его от мечей, готовых изрубить в куски славного воина.

Имрахиль принес Фарамира в Белую Башню и положил к ногам Денетора.

– Ваш сын вернулся, повелитель, – негромко сказал он.

Денетор встал и долго всматривался в бледное лицо, обрамленное мягкими кудрями. Потом он приказал устроить ложе здесь же, и уложить на него Фарамира, а сам поднялся в верхнюю комнату Башни. Многие видели, что в эту ночь в окнах ее долго мелькали бледные огни, потом погасли. Когда Денетор спустился и сел у изголовья ложа, лицо его было столь же мертвенно бледным, как у раненного.

Город был в осаде. Вся равнина Пеленнора была заполнена войсками Врага. Последние беженцы пришли со стороны северной дороги, их привел Ингольд, тот самый, что всего пять дней назад говорил с Гэндальфом и Пином у стены Пеленнора. Из его слов в Городе узнали, что с востока продолжают подходить новые полчища орков и людей, дороги на запад и на север перекрыты. Эта последняя весть была особенно тяжелой. Она означала, что ристанийцы не пройдут.

Ворота Города были наглухо закрыты. Со стен виднелись бесконечные шатры, черные и багрово-красные, вплоть до самой Реки.

Множество орков, словно муравьи, суеились на равнине, роя щели для защиты от стрел из Города. К стенам стягивали большие катапульты. Помешать этому было нечем. Защитники надеялись только на высоту и крепость стен, возведенных еще в те дни, когда сила и искусство Нуменора не были забыты на земле Гондора.

Но катапульты и не пытались сокрушить непобедимые стены. С громкими воплями, протяжно скрипя блоками, орки стали посылать снаряды прямо в небо. Но удивление горожан тут же рассеялось. Снаряды стали падать в нижних ярусах Города. Многие взрывались и из них летел огонь. Начались пожары. Но огонь был не самым страшным. Следом из катапульт полетели головы воинов, павших у Оспиата и у стен Пеленнора. Все они были заклеены нечистым знаком Ока, многие изуродованы, лица искажены предсмертными муками. Город наполнился плачем. Люди проклинали гнусных врагов.

Но было у Темного Властелина и еще более страшное, а главное – более надежное оружие: голод, страх и отчаяние. Над осажденной крепостью постоянно кружились назгулы, и их вопли самых отважных заставляли падать наземь. Если же кому удавалось устоять, то руки их не держали оружие, мысли путались и желали они только бегства и смерти.

Весь этот страшный день Фарамир лежал в тех покоях Белой Башни, куда его принесли. Он весь горел, бредил, и видно было, что жить ему оставалось недолго. Денетор молча сидел рядом и смотрел на сына, словно никакой осады не было, и Городу не угрожала смертельная опасность. Даже в плену у орков Пину не приходилось так круто. Правитель не отпускал его, и Пин, подавляя страх, видел, как час за часом

менялось старея, его лицо. Что-то сломило его гордую волю, и Пин не мог сказать, что терзает его сильнее: скорбь или раскаяние.

Когда на глазах Денетора выступили слезы, Пин не выдержал.

– Не плачьте, повелитель, – прошептал он, запинаясь. – Может быть он еще поднимется. Надо посоветоваться с Гэндальфом.

– Я не хочу больше слышать о колдунах, – мрачно ответил Денетор. – Наша безумная надежда обманула нас, а сила Врага умножилась. Ему ведомы наши помыслы, что бы мы не предпринимали, все оборачивается против нас. Посмотри, вот я послал сына без слов прощания, без напутствия, навстречу гибели, и вот он передо мной. С ним угасает мой род. Как бы не закончилась война, кровь Денетора иссякла, и это конец всему.

В это время из-за дверей послышались голоса, звавшие правителя. Денетор встал и громко сказал: – Оставьте меня. Я должен быть здесь, рядом с сыном. Может, перед смертью он скажет что-нибудь. Пусть обороной руководит кто-нибудь другой. Хотя бы этот Серый Безумец с его безумной надеждой. Я останусь здесь.

Так во главе защитников Города встал Гэндальф. Там, где он появлялся, к людям возвращалась надежда, страх перед крылатыми тенями исчезал. Он появлялся и у Цитадели, и у Ворот, и на стенах. Его повсюду сопровождал Имрахиль в своей сверкающей кольчуге. Видя их, люди говорили: – Это вожди древних времен. Это родичи эльфов! – но стоило им уйти, как страх снова овладевал сердцами людей.

Настала ночь. Единственным светом в ней были огни вражеских костров на равнине у подножия стен.

К дверям правителя снова пришли командиры отрядов. Они были так настойчивы, что Пину пришлось впустить их. Денетор молча повернулся к дверям.

Один из воинов выступил вперед и сказал: – Мы ждем ваших приказаний, правитель. Нижний ярус Города в огне. Люди покидают стены, не все хотят повиноваться Митрандиру.

– Каких приказаний вы ждете от меня? – медленно проговорил Денетор. – Не все ли равно, где сгореть? Возвращайтесь в свой костер, а у меня впереди – свой. У Денетора, и его сына не будет могил, их заменит огонь. Так было до того, как с запада пришел первый корабль, так будет и теперь, когда Запад гибнет. Возвращайтесь в костер!

Воины вышли без поклона и нахмурившись.

Денетор отпустил руку Фарамира, встал и долго смотрел на сына. Пин с трудом разобрал его слова: – Он горит! Он уже горит!

Потом он подошел к хоббиту и, положив руку на плечо, взглянул в глаза.

– Прощай! – произнес он размеренно, – прощай Перегрин, сын Паладина. Недолго служил ты мне, сегодня твоя служба кончилась. Ступай и умри как хочешь. Можешь идти к своему неразумному приятелю, это он привел тебя к гибели. Пришли сюда моих слуг. Прощай!

Пин склонил колено. – А я не прощаюсь с вами, повелитель! – дерзко сказал он, потом вскочил на ноги и посмотрел прямо в глаза Денетору. – Вы правы, мне нужно повидать Гэндальфа. Напрасно вы считаете его неразумным. Разума ему хватит на весь этот Город и еще останется. И пока он не потерял надежду, я тоже не буду думать о смерти. Хоть вы и освобождаете меня от службы, я-то не хочу быть свободным от своей клятвы. Если врагам суждено ворваться в Цитадель, я надеюсь быть с вами рядом до конца, и заслужить оружие, полученное из ваших рук.

В начале его слов в глазах Денетора мелькнуло легкое удивление, но тут же погасло и сменилось усталым равнодушием. – Поступай как хочешь, Перегрин, – тихо ответил он. – Моя жизнь окончена. Иди теперь и позови слуг, – он слабо махнул рукой и снова сел у ложа Фарамира.

В покои вошли шестеро рослых слуг. Денетор удивил их, кротким голосом попросив укрыть Фарамира и поднять его вместе с ложем. Ссутулившись, опираясь на посох, Денетор вышел, следом слуги несли Фарамира, за ними шел Пин.

Медленно, как на похоронах, они покинули Белую Башню и окунулись во мрак, озаряемый

багровыми отсветами пожаров, медленно пересекли двор и постояли перед засохшим деревом. Затем, выйдя из ворот Звездной Цитадели, направились в шестой ярус. Здесь находилось Место Успокоения – усыпальница королей и правителей Гондора. Вслед за процессией Пин вошел в большой сводчатый зал. В нем рядами стояли невысокие каменные постаменты. На каждом из них покоилась фигура со сложенными на груди руками. Ближайший к выходу постамент был пуст. На него, по знаку правителя, слуги опустили Фарамира. Денетор поднялся по ступеням и лег рядом с сыном. Их накрыли одним покрывалом.

– Здесь мы будем ждать, – тихо прошепел голос правителя. – Бальзамирования не будет. Вот мой последний приказ: принесите побольше сухих дров и сложите вокруг. Это все. Прощайте.

Пин не мог больше выносить этого ужасного зрелища, и выбежал из обители смерти. – Бедный Фарамир! – твердил он. – Его лечить нужно, а не оплакивать. Бедный Фарамир! – внезапно он остановился и хлопнул себя по лбу. – Нечего причитать! – прикрикнул он сам на себя. – Надо найти Гэндальфа.

Пин обернулся к слугам, закрывавшим за ним двери. – Слушайте, – торопливо сказал он, – не спешите выполнять приказы правителя. Он не в себе. Пока Фарамир жив, не делайте ничего. Подождите Гэндальфа.

– Разве в Минас Тирите приказывает не правитель Денетор, а Серый Волшебник? – угрюмо спросил старший из слуг.

– Или Серый Волшебник, или никто! – отрезал Пин, и помчался в Город.

Ворота Цитадели охранял Берегонд. Увидев хоббита, он жадно стал расспрашивать о том, что делается в Цитадели. Пин сообщил ему только, что Фарамир по приказу правителя отнесен в усыпальницу.

Берегонд низко опустил голову, скрывая слезы. – Говорили, что он умирает, – пробормотал он, – а он уже умер...

– Да нет, – с досадой воскликнул Пин, – он жив и его можно спасти, но ваш правитель пал раньше своего города. Он лишился рассудка, понимаешь? Мне нужен Гэндальф. Как его найти?

– Он там, на стенах. Ищи его в самой гуще.

– Ладно. Я сейчас побегу за ним, но прошу тебя, Берегонд, останови правителя, если можешь. Иначе он убьет Фарамира.

– Но я не могу покинуть пост без приказа, – растерялся Берегонд.

Пин чуть не плюнул с досады. – Выбирай: или приказ, или жизнь Фарамира! Я же сказал: правитель сошел с ума! Я уйду, мне некогда. Если смогу, вернусь, – и он побежал к Воротам. Встречные, увидев его плащ воина Цитадели, окликали его, чтобы расспросить о здоровье Фарамира, но он, не отвечая, пробежал мимо. Вот уже стали видны языки пламени, пылавшего за Воротами.

Но Пина поразила тишина. Все словно замерло. В этой тишине вдруг послышался тяжелый, глухой удар, и вслед за ним – ужасный вопль. От страха и неожиданности у Пина подкосились ноги, но он все же обогнул последний угол, и тут остановился как вкопанный. Перед ним была привратная площадь. Гэндальф был здесь, но вместо того, чтобы окликнуть его, Пин молча отступил и притаился в тени.

Что же происходило перед Воротами в тот час, когда Денетор, забыв о Городе, отдавал свои последние приказы?

Враги атаковали непрерывно. Гремели барабаны, к небу рвалось багровое пламя. Но взгляды всех защитников были прикованы к самому страшному: огромные, черные звери, похожие одновременно и на быков и на медведей, в окружении сотен свирепых орков и троллей, быстро тащили к Воротам невиданной величины таран. Это был могучий стофутный ствол дерева, окованный черной сталью. Его передний торец был изготовлен в виде головы свирепого волка с наложенными разрушительными заклятиями. Он приближался неотвратно. Стрелы не могли остановить ни страшных зверей, ни орков. Защитники были так поглощены видом тарана, что не сразу заметили позади него могучего мрачного всадника в черном плаще. Всадник остановил коня и взмахнул длинным мечом, испускавшим бледное мерцание. Волна ужаса плеснула на стены, заставив смолкнуть голоса и опуститься руки.

Черный Предводитель привстал на стремях, и над равниной троекратно прозвучало древнее заклинание. Ни камни, ни люди не в силах были противостоять ему. Трижды ударил в Ворота таран;

пространство между землей и небом пронизала молния, и с третьим ударом Ворота рухнули грудой обломков. Именно этот последний удар и слышал Пин. Предводитель назгулов, а это был именно он, – огромная черная тень в ореоле ужаса и отчаяния – въехал в пролом. Через мгновение площадь перед Воротами была пуста. Люди бежали, даже не думая о том, что бегут.

Посреди площади Короля-Призрака ждал Гэндальф. Беллазор под ним был похож на мраморное изваяние. Неторопливо ехавший Черный Всадник ударился, словно о стену, о звучный голос мага.

– Остановись! Тебе не дано войти сюда. Возвращайся в бездну, откуда пришел. У тебя и твоего хозяина нет будущего в этом мире. Уходи!

Черный Всадник откинул капюшон плаща. Багровые отсветы заиграли на его стальной короне. Но корона венчала пустоту! Невидимый рот разразился мертвым смехом.

– Старый глупец! – раздался вслед за тем низкий голос. – Это м_о_й час! Ты не узнаешь смерть, даже когда она перед тобой. Ты умрешь напрасно! – Всадник взмахнул мечом; по лезвию клинка струились волны холодного пламени.

Однако Гэндальф не шевельнулся. В этот самый миг где-то далеко, в сердце Города, звонким и ясным голосом запел петух. Для него не существовало ни войны, ни древней магии, но он чувствовал там, высоко в небесах, встающее над тенью смерти утро.

Крик его не успел замереть в воздухе, как вдали ему стройно и грозно отозвались боевые рога, и темные склоны Белых Гор эхом отразили их звуки. Это были рога передового отряда ристанийцев.

5. ПЕЛЕННОРСКАЯ БИТВА

Атакой на Гондор руководил не простой предводитель орков. Тьма исчезла слишком рано, до срока, назначенного Темным Владыкой, удача изменила предводителю в тот самый миг, когда он уже протянул за ней руку. Но рука была длинной и сильной. Под его началом было огромное войско. Это был Король, Слуга Кольца, Предводитель назгулов. Да, он покинул Ворота, исчез, но для него это не было поражением, а для защитников – победой.

Теоден Ристанийский свернул к Городу, от которого его отделяло не больше лиги. Он придерживал коня. Рыцари собрались вокруг него, с ними был юный Дернхельм. Впереди, ближе к стенам Города, отряд Эльфхельма громил осадные машины и истреблял врагов, загоняя их в ямы, полные огня. Вся северная часть Пеленнора была захвачена Всадниками, шатры орков пылали, а сами они бежали, спасаясь, к Реке. Но осада еще не была снята, Ворота не освобождены и в южной части поля стояли свежие силы врага. По ту сторону дороги собирались войска хородримцев. Их предводитель заметил Теодена, вырвавшегося далеко вперед с немногими ристанийцами; он поднял знамя с черным змеем на красном поле и кинулся на правителя Ристании.

Теоден тоже заметил его и рванулся навстречу. Северные и южные всадники сшиблись в яростной схватке, но северян, хоть и не столь многочисленные, были более искусны в битве и быстро уничтожили отряд из Харада. А Теоден одним взмахом меча рассек их предводителя и его змеиное знамя. Уцелевшие южане повернулись вспять и бежали.

Но вдруг блеск золотого щита Теодена потускнел. Небо померкло, на землю упала тень. Кони начали храпеть и взвизгивать на дыбы, сбрасывая всадников.

– Ко мне! Ко мне! – вскричал Теоден. – Не бойтесь тени! – но его конь, словно обезумев поднялся на дыбы, забил в воздухе копытами, и захрапев, грянулся оземь: из груди у него торчало черное копье. Падая, он с размаху придавил собою Теодена.

Огромная тень, подобная туче, опускалась на землю. Это было крылатое чудовище, похожее на исполинскую птицу без малейшего признака перьев, кожистые крылья, растянутые между длинными, когтистыми лапами издавали ужасный смрад. Это было порождение древнего мира, птенец последнего, забытого Временем выводка, родившегося где-то в затерянных горных дебрях. Темный Владыка отыскал этот выводок и кормил падалью, пока детеныши не стали крупнее любого другого летучего создания. Потом он дал их вместо коней своим слугам.

Страшное существо спускалось кругами все ниже, потом растопырив лапы, выгнув длинную, голую шею, разевая усаженный острыми зубами клюв, чудовище село и, качнувшись, угнездились на труп коня.

На его спине сидел всадник, огромный и грозный, закутанный в черный плащ. Железная корона венчала его, но между короной и плащом был только мрак и мертвенный блеск глаз. Это был предводитель назгулов. Исчезнув от Ворот, он вернулся по воздуху, а теперь спустился, неся гибель, превращая надежду в отчаяние, победу в смерть. В руке он держал железную палицу.

Все рыцари, сопровождавшие Теодена, были либо убиты, либо унесены обезумевшими конями. Только Дернхельм, чья верность превышала страх, остался на месте. Все это время Мерри безопасно сидел позади него, но когда на землю пала тень, конь сбросил их обоих и умчался в ужасе. Мерри упал и быстро отполз на карачках, оглушенный и ослепленный страхом.

– Встань! – Встань! – твердил он себе. – Ты же должен быть при Теодене. «Как отец будете вы для меня» – ты же сам это сказал, – но воля была бессильна. Он не осмеливался даже открыть глаз и оглядеться.

Потом ему послышался голос Дернхельма, странно похожий на другой, очень знакомый ему. – Прочь, нечистый сын мрака, пожиратель падали! Оставь мертвых в покое!

И другой голос, полный холодной злобы, сварливо возразил: – Не становись между назгулом и его добычей, умрешь. Я унесу тебя туда, где твою плоть сожрут, а душу отдадут во власть Бессонного Ока.

Лязгнул меч, выхваченный из ножен. – Что ж, попробуй, если сможешь! А я, если смогу, помешаю

тебе!

– Помешаешь мне? Глупец! Ни один воин не может помешать мне!

И тут Дернхельм засмеялся и в его голосе был звон стали. – Но я не воин. Перед тобой женщина! Я Эовин, дочь Эомунда. Не становись между мною и моим родичем и повелителем! Ты не забыл древнее предсказание? Так уходи! Будь ты живой или только оживший, прикоснись к нему – и погибнешь.

Крылатое чудовище неожиданно тонким и противным голосом закричало на нее, но Черный Всадник молчал, казалось, глубоко озадаченный услышанным. От изумления Мерри забыл страх и открыл глаза. В нескольких шагах от него сидело чудовище, вокруг него распространялся мрак, над ним грозной тенью возвысился назгул. Немного левее, обратясь лицом к нему, стоял тот, которого Мерри звал Дернхельмом, но теперь шлем упал с головы воина, освободив золото волос, рассыпавшихся по плечам. Серые как море глаза смотрели твердо и гневно. В одной руке воин сжимал меч, в другой – щит, которым заслонялся от взгляда страшного врага.

Да, это была Эовин. Мерри вспомнил, как она стояла в Северной Лощине, прекрасная, но потерявшая надежду и радость жизни. Сердце хоббита наполнилось жалостью и восхищением, и в нем проснулась медлительная отвага его племени. Он приподнялся и, стиснув руки, прошептал: – Она не умрет! Такая прекрасная, такая печальная... По крайней мере, она умрет не одна!

Черный Всадник не замечал его, а Мерри все не решался двинуться, чтобы не привлечь на себя губительный взгляд. Потом, очень медленно начал отползать в сторону. Но Вождь-Призрак все думал о женщине, стоявшей пред ним и о древнем предсказании.

Вдруг крылатое чудовище взмахнуло своими зловонными крыльями, прыгнуло в воздух и ринулось на Эовин, крича и стараясь ударить ее клювом.

Эовин не дрогнула: она была истинной дочерью Ристании, тонкой и стройной как стальной клинок и такой же гибкой и упругой. Ее удар был молниеносным и смертельным: он обрушился на вытянутую шею и она упала как камень. Эовин отскочила назад и обезглавленное чудовище, раскинув огромные крылья, рухнуло на землю. В тот же миг мрак исчез, и волосы Эовин заблестели на солнце.

Но Черный Всадник уже стоял перед нею, огромный и грозный. Со злобным криком, нестерпимым для слуха, он нанес удар палицей. Щит Эовин разлетелся, рука, державшая его, переломилась, и сама она зашаталась и упала на колени. Тогда Всадник навис над ней как туча и вновь взмахнул палицей, чтобы нанести последний удар...

Но вдруг он отпрянул, вскрикнув от страшной боли, и удар палицы безвредно обрушился на землю. Это Мерри вонзил в него сзади нуменорский клинок из могильника, пробив черный плащ и невидимое тело ниже панциря. В тот же миг Эовин, встав, последним усилием вонзила меч в пустоту между плащом и короной. Меч разлетелся вдребезги. Корона покатилась со звоном. Эовин упала на поверженного врага. Но плащ и панцирь были пусты и лежали на земле, смятые и бесформенные, а в воздухе пронесся, замирая, бесплотный жалобный голос, и навеки затих в поднебесье.

Мерри стоял среди тел, мигая как сова днем, слезы слепили его. словно в тумане видел он золотые косы Эовин, распростертой неподвижно, и лицо Теодена, погибшего в час своей славы. Хоббит наклонился и взял его руку, чтобы поцеловать. Глаза Теодена открылись.

– Прощай, мой добрый Мериадок, – с трудом произнес правитель. – Я весь разбит. Я умираю, но не жалею об этом: я убил змею. Утро было мрачное, но день будет радостным, а вечер – золотым.

Мерри не мог говорить и только плакал. – Простите меня, повелитель, – всхлипнул он наконец. – Я послушался вас и вся моя служба была в том, что я плакал, прощаясь с вами.

Теоден слабо улыбнулся. – Не печалься! Я простил тебя. Нельзя запретить доблесть. Живи и будь счастлив, и не забывай меня. Никогда уже не придется мне сидеть с кубком и слушать твои рассказы, – он закрыл глаза и умолк, потом заговорил снова: – Где Эомер? Мне хотелось бы видеть его, пока зрение не угасло. Он будет правителем после меня. И пусть известит Эовин. Она не хотела отпускать меня, и я никогда больше не увижу ее. – Но, повелитель... – запинаясь, проговорил Мерри, – она...

Только тут он услышал кругом шум, возгласы и звуки рогов. Оглядевшись, он вспомнил, что находится

на поле битвы. Ему казалось, что с тех пор, как Теоден упал, прошло много времени, хотя в действительности это было всего несколько минут назад. На них как волна прибоя надвигалась новая схватка и вот-вот должна была захлестнуть их. С юга и с востока подходили отряды Мордора, с севера были сомкнутые ряды ристанийцев, а из Города выходил большой отряд под голубым знаменем Дол Амрота.

Эомер первым подскакал сюда, увидел убитое чудовище и поверженного Теодена. Соскочив с коня, он скорбно остановился над правителем. Один из его рыцарей взял знамя Ристании из рук убитого знаменосца и поднял его. Теоден медленно открыл глаза, увидел знамя и жестом попросил приподнять себя. – Ты – мой приемник, – сказал он. – Веди войска к победе! И простись за меня с Эовин, – он закрыл глаза и умер, так и не узнав, что Эовин была рядом с ним до конца. Всадники заплакали о Теодене. Все они любили его.

Тогда возвысил голос Эомер: – Не надо плакать, друзья! Унесем тело с поля битвы, чтобы кони не затоптали его. Тела его рыцарей тоже надо унести, – он оглядел убитых, называя их по имени, и вдруг узнал среди них сестру. Пошатнувшись, словно ему в сердце вонзилась стрела, он побледнел от гнева и скорби, а глаза вспыхнули яростью: – Эовин! – вскричал он. – Смерть, смерть всем им! – он затрубил в рог и снова закричал своим воинам: – Смерть! Бейте врагов! Пусть ни один из них не уйдет отсюда!

Крик его подхватили отряды. «Смерть! Смерть!» – прокатилось по рядам, и воины помчались за предводителем. Ристанийцы не пели больше, но ударили на врага с такой яростью, что сразу смяли и расстроили его ряды.

Мерри стоял в стороне и плакал, никто его не замечал. Потом он вытер слезы, и подобрав зеленый щит, который дала ему Эовин, забросил его за спину. Потом начал искать свой меч. В тот миг, когда он нанес удар Королю-Призраку, правая рука его отнялась и оружие выпало, теперь он мог действовать только левой рукой. Вскоре он увидел меч, но клинок дымился, как ветка, брошенная в костер, и пока Мерри изумленно смотрел, он съезжился истлел и исчез.

Так оправдались слова древнего предсказания о Короле-Призраке: погиб от руки не человека, а хоббита, другой удар был нанесен не воином, а женщиной. Мерри в тот миг забыл и Тома Бомбадила и могильник, в котором бесчисленные годы ожидал его нуменорский клинок, выкованный на погибель слугам Мордора. Ни один другой меч, даже в самой могучей руке не мог бы нанести вождю назгулов такой смертельной раны, не смог бы разрубить узы, скреплявшие незримое тело с черной душой.

Воины подняли тело правителя и на носилках из копий и плащей понесли в Город. Другие на таких же носилках несли Эовин. Тела рыцарей из свиты Теодена сложили подальше от убитого чудовища и обнеси оградой из копий. Когда бой окончился, чудовище сожгли, а коня Теодена похоронили там, где он погиб, и воздвигли на могиле камень с эпитафией на языках Гондора и Ристании.

На этой могиле трава всегда была зеленой и пышной, а место, где сожгли чудовище, всегда оставалось черным и безжизненным.

В глубокой печали шел Мерри рядом с носилками, не думая больше о войне. Он устал, все тело болело и его бил озноб. Ветер с моря принес тучу с дождем, и казалось, что само небо оплакивает смерть Теодена Ристанийского и отважной Эовин.

Как в тумане Мерри видел движущийся навстречу отряд из Города. Его вел Имрахиль. Приблизившись, он спросил:

– Какую ношу несут воины Ристании?

– Правителя Теодена, – был ответ.

Имрахиль спешил и, преклонив колена, почтил павшего вождя. Потом взглянул на Эовин и был поражен ее красотой. Он прикоснулся к маленькой, но твердой руке, взгляделся в лицо и спросил:

– Есть ли лечители в Городе? Она ранена, быть может смертельно, но еще жива, – с этими словами он поднес к губам Эовин свою блестящую латную рукавицу, и полированный металл чуть затуманился от слабого дыхания.

Имрахиль со своими людьми поспешил на поле, сразу вступив в бой. Из Мордора подошли свежие силы, а из Города, на помощь Эомеру, вышли войска союзников Гондора, но между ними и ристанийцами

вклинивались все новые и новые отряды врагов.

Вдруг со стен Города слышались громкие крики. Время близилось к полудню, солнце разогнало тучи, и в ярком свете дозорные увидели зрелище, наполнившее сердца несказанным смятением.

Немного ниже Города Андун делал два изгиба, и с городских стен русло Реки просматривалось на несколько лиг. Все увидели, что с юга, подгоняемый ветром и веслами, приближается большой флот под черными парусами.

– Умбарские пираты! – кричали на стенах. – Умбарские пираты идут! Это конец!

В Городе кто-то ударил в колокол, трубы стали призывать воинов к возвращению, потому что новая грозная опасность пришла со стороны Реки. Но зов не был услышан, ветер, надувавший паруса кораблей, относил звуки.

Но теперь и ристанийцы увидели черные паруса. Эомер в пылу боя увел их слишком далеко от Города к Реке. Воины Эомера оказались окруженными со всех сторон. Но это его не испугало.

Собрав вокруг себя Всадников, он решил биться до последнего. Стоя на холме под развернутым знаменем, он смеялся, глядя на черные корабли и грозил мечом. Но это был смех отчаяния.

И вдруг ликующий крик вырвался у него из груди. Он высоко подбросил меч, поймал его и запел. На переднем корабле развевалось большое знамя с Белым Деревом под семью звездами и короной. Эти символы ослепительно сверкали на солнце драгоценными камнями, вплетенное в шитье руками прекрасной Арвен, дочери Элронда.

Не пираты поднимались на кораблях по Андуну. Это подходил отряд Арагорна, прошедшего страшным Путем Мрака и вернувшегося в мир обновленным. Всадники узнали его, ликующие возгласы прокатились над равниной, а в Городе им вторили трубы и колокола. Войска Мордора, напротив, сковали изумление и ужас. Судьба явственно обернулась против них, обрекая их на верную гибель. Они уже чувствовали близкую силу Возрожденной Молнии.

Гондорцы ударили на восток, тесня троллей и орков, Эомер – на юг, а на северном крыле в бой вступили войска, пришедшие на кораблях и только что высадившиеся на берег. Здесь были воины из южных областей Гондора, и Леголас, и Гимли, и Элладан с Элроиром со звездами на челе, и Следопыты. Их вел Арагорн, в руке у него сверкал нестерпимо Андрил, а на челе горела звезда Исилдура.

Прошло немного времени, и Эомер с Арагорном встретились посреди битвы. Опершись на мечи, они взглянули друг на друга и улыбнулись.

– Вот мы и встретились снова, хотя все силы Мордора разделяли нас, – сказал Арагорн. – Не так ли говорил я в Хорне?

– Так, – ответил Эомер, – но тогда я еще не знал всей вашей силы. Дважды благословенна помощь, которой не ждали, и никогда еще друг не радовался так, встретив друга, – их руки сомкнулись в крепком пожатии. – Вы пришли вовремя, мой друг. Великие беды обрушились на нас сегодня!

– Так отомстим за них! – воскликнул Арагорн, и они плечом к плечу бросились в самую гущу боя.

Битва продолжалась до самого вечера. Вастаки были сильны воинами, закаленными в битвах, они не просили и не давали пощады; хородримцы были отважны и свирепы, и пользовались каждой передышкой и каждым укрытием, чтобы собрать силы и снова кидаться в атаку.

Но солнце наконец зашло, и небо окрасилось закатным пурпуром: холмы и горы казались окровавленными, Река пылала и трава на Пеленнорской равнине стала красной от крови. Великая Пеленнорская битва кончилась. В Мордор ушли единицы, а в страну Харада вернулись только рассказы о гневе и ярости Гондора.

Трое вождей – Арагорн, Эомер и Имрахиль – вернулись в Город, от усталости не ощущая ни скорби, ни радости. Но никто из них не был ранен.

6. КОСТЕР ДЕНЕТОРА

Король-Призрак исчез, а Гэндальф все еще стоял неподвижно перед Воротами. Пин поднялся на ноги, с него словно спала огромная тяжесть, и стоял, слушая звуки рогов. Ему казалось, что сердце сейчас разорвется от радости.

Никогда больше до конца своих дней он не мог слышать дальнего пения рога без слез.

Но вдруг он вспомнил о своем деле и кинулся к магу, уже тронувшему коня.

– Гэндальф! Гэндальф! – закричал он, и белый конь остановился.

– Что ты здесь делаешь? – сурово спросил Гэндальф. – Разве ты не знаешь, что воинам Цитадели нельзя покидать крепость без разрешения правителя?

– Он разрешил, – ответил Пин. Он отослал меня. Но я боюсь. Там может случиться что-то страшное. Кажется, мой правитель лишился рассудка. Я боюсь, что он убьет и себя, и Фарамира. Гэндальф! Сделай что-нибудь!

Маг взглянул в зияющий проем ворот, прислушался к шуму битвы на равнине. – Мое место там, – сказал он. – Черный Всадник на свободе, мне некогда.

– Но Фарамир! – вскричал Пин, чуть не плача. – Он же еще жив, а они сожгут его. Надо остановить их!

– Сожгут? – переспросил Гэндальф. – В чем дело? Говори скорее!

Торопясь, путаясь в словах, Пин рассказал ему о происшедшем. – Я сказал Берегонду, но он не может покинуть пост, – закончил он, дотрагиваясь дрожащей рукой до колена Гэндальфа. – Спаси Фарамира!

– Может быть я и мог бы спасти его, – ответил маг, – но боюсь, тогда погибнут другие. Хорошо, – вдруг решился он, – я пойду к нему. Другого спасения для него нет. Я вижу – даже в сердце этой крепости Враг сумел посеять смуту. Я чувствую здесь его волю, – он подхватил Пина, посадил впереди себя, и они помчались по крутым улицам Минас Тирита к Цитадели. Повсюду они видели воинов, стряхнувших с себя страх и отчаяние. Они строились в ряды. Военачальники вели к Воротам все новые отряды.

Им встретился Имрахиль, окликнувший их: – Куда вы, Митрандир? Ристанийцы вступили в бой, нам нужно собрать все силы.

– Собирайте всех, кого найдете! – крикнул на скаку Гэндальф, – и поскорее. Я приду, как только смогу, но сейчас спешу по делу Денетора. Принимайте командование, пока его нет!

Ветер дул им в лицо. Высоко в небе занимался слабый отблеск утра. Но это не внушало надежды. Подступило новое горе, и было страшно опоздать.

– Тьма уходит, – сказал Гэндальф, – но над Городом она еще держится.

У ворот Цитадели никого не было, они повернули обратно и поспешили ко входу в усыпальницу. Обычно он был закрыт, но сейчас дверь была распахнута настежь и на пороге ее лежал мертвый привратник. Ключей у него на поясе не было.

– Дело рук Врага, – сокрушенно произнес Гэндальф. – Он любит, когда друг восстает на друга, когда верность сменяется предательством.

Маг спешился, помог сойти Пину и попросил Беллазора вернуться на конюшню. – Наше с тобой место на поле битвы, – сказал он коню, – но мне предстоят здесь другие дела. Жди меня и поспеши, когда я позову.

Они вошли и стали спускаться по длинному извилистому коридору. Мрак рассеивался и по сторонам, как серые призраки, проступали высокие колонны и каменные изваяния. И вдруг впереди послышались возгласы и лязг мечей: таких звуков не было здесь от века. Они ускорили шаги, почти бегом достигли усыпальницы, купол которой черной тенью возвышался в сумраке.

– Стойте! – вскричал Гэндальф, взбегая по ступенькам. – Остановитесь, безумцы!

На пороге перед дверью Берегонд бился со слугами Денетора. Двое уже пали, обагрив ступеньки

кровью, но остальные, с мечами и факелами в руках, теснили его и проклинали, называя предателем и отступником. А изнутри, из-за двери усыпальницы, раздавался голос Денетора: – Скорее! Делайте, как я велю! Убейте этого изменника! Неужели и это я должен делать сам!

Дверь, которую Берегонд держал левой рукой, распахнулась, и за спиной у него возник правитель Города с мечом в руке. Глаза его горели диким огнем.

Но Гэндальф был уже на ступенях. Слуги попятились от него, закрывая глаза руками, потому что в гневе маг был похож на белую молнию. Он поднял руку, и занесенный меч вырвался у Денетора и упал куда-то назад, во тьму, а сам правитель невольно отступил перед магом.

– Что это значит, повелитель? – грозно спросил Гэндальф. – Обитель мертвых – не место для живых. И почему ваши люди бьются здесь, когда Враги подступают к Воротам Города? Или Враг уже в ограде успокоения?

– С каких пор правитель Города должен отчитываться перед тобой? – злобно возразил Денетор. – Разве я не могу приказывать собственным слугам?

– Можешь, но другие могут не признавать твоей воли, если она обратилась к безумию и злу. Где твой сын?

– Он там, внутри, – сказал Денетор. – Он горит, уже горит! Огонь в его теле. Скоро сгорит все. Запад пал. Он весь сгорит и останется только пепел, а пепел развеет ветер!

Видя, что он безумен, Гэндальф отстранил его и бросился внутрь, за ним – Пин и Берегонд. Они увидели Фарамира, лежащего в забытьи на каменном пьедестале, вокруг были навалены дрова, пропитанные маслом, так же как одежда и покрывало Фарамира, но огня еще не было. И тут Гэндальф показал, что под серым плащом скрыта не только сила знания. Он легко взбежал на груды дров, как ребенка поднял раненного на руки и понес к дверям. Фарамир застонал и сквозь забытие позвал отца.

Денетор вздрогнул, словно пробуждаясь. Пламя в его глазах погасло, он со слезами взмолился: – Не забирай моего сына! Он зовет меня!

– Да зовет, – ответил Гэндальф, – но ты не подойдешь к нему. Пока не поздно, его нужно лечить. А твой долг, правитель, вести войска и защищать Город, хотя бы и ценой собственной жизни! Не мне напоминать тебе об этом!

– Он не проснется больше! – застонал Денетор. – Все напрасно. Зачем нам жить! Зачем ты разлучаешь нас перед смертью?

– Ни тебе, ни кому другому не дано приблизить час своей смерти, – сурово ответил Гэндальф. – Только побежденные силой Мрака в гордости и отчаянии убивали себя, – с этими словами он вынес Фарамира из усыпальницы и опустил на те самые носилки, на которых раненного принесли сюда. Денетор, не сводя глаз с лица своего сына, шел за ними, но перед порогом остановился.

– Идем! – обернулся к нему Гэндальф. – Тебя ждут великие дела!

Но Денетор вдруг засмеялся, отступил к столу и выхватил что-то из-под подушки, на которой недавно покоилась его голова. Вернувшись к порогу, он поднял этот предмет – шар темного хрусталя с красным огнем внутри. Пин узнал Палантир, точно такой же, как Камень Ортханка и, задрожав, поспешно отвел глаза. Камень в руке правителя запылал, озаряя его лицо красным светом. Оно казалось высеченным из гранита – жестокое, гордое и страшное.

– Гордость и отчаяние! – вскричал Денетор. – Не думаешь ли ты, что Белая Башня ослепла? Нет, Серый Безумец, я видел больше, чем тебе кажется! Твоя надежда – от неведения! Ступай исцелять кого хочешь, бейся с кем хочешь. Все будет напрасно. Сила, обратившаяся против Гондора непреодолима. Запад пал, и нам пора уйти, если мы не хотим стать рабами.

– Такие речи на пользу Врагу! – воскликнул Гэндальф.

Денетор в ответ гневно рассмеялся. – Разве я не видел, чего ты добивался, Митрандир? Ты хотел править вместо меня, править на севере, на юге и на западе. Разве не ты приказывал этому невысокликлу молчать или говорить, когда нужно? Разве не ты подослал его ко мне? Но я знаю, о чем ты думаешь. Одной

рукой ты держишь меня, как щит против Мордора, а другой ведешь на мое место Бродягу с Севера. Но я не уступлю ему, не признаю прав этого выскочки.

– Что же, по-твоему, нужно делать? – сдержанно спросил Гэндальф, словно не замечая упреков.

– Я бы оставил все, как было всегда. Я правил бы Гондором и передал бы власть сыну. Он стал бы правителем, а не учеником чародея. Но судьба решила иначе, и теперь я не хочу ничего: ни жизни, ни любви, ни чести.

– Ни честь, ни любовь не страдают, если уступаешь тому, чьи права больше, – возразил Гэндальф. – А что до твоего сына, – дай ему возможность выбирать самому.

При этих словах глаза Денетора снова вспыхнули. Он выхватил из-за пояса кинжал и бросился к носилкам, но Берегонд успел заслонить их собою.

– Вот как! – воскликнул Денетор. – Ты похитил у меня любовь сына, а теперь похищаешь верность моих воинов? Но одного ты не похитишь у меня: права распоряжаться своей судьбой, – и обратиться к своим слугам, он крикнул: – Ко мне, если вы еще верны мне!

Двое из них подбежали к нему. Он схватил факел из рук ближайшего и кинулся к костру. Не успел Гэндальф помешать ему, как он ткнул факел в сухие дрова, и они мгновенно вспыхнули.

Тогда Денетор вскочил на стол, схватил лежащий там жезл правителя и, сломав о колено, бросил в огонь. Потом он прижал Палантир к груди обеими руками и лег.

Говорят, с тех пор всякий, заглянувший в этот Камень, если его воля недостаточна, чтобы направить взгляд к другой цели, видел в нем только две старческие обугленные руки.

Гэндальф отвернулся и закрыл дверь. Некоторое время оттуда слышался только треск и шум огня, потом раздался громкий вопль и все смолкло.

– Вот конец Денетора, сына Эктелиона, – произнес Гэндальф. – И это конец прежнего Гондора. Злые дела совершались здесь. Забудьте вражду между собой, – обратился он к воинам, – она рождена Врагом, и все вы попали в его сети. А вы, – он тяжело взглянул на слуг правителя, – вы, слепые в своем повиновении, запомните, что только «измена» Берегонда спасла жизнь Фарамиру, Стражу Белой Башни. Унесите своих павших товарищей, им не место здесь. Мы отнесем Фарамира. Отныне он – правитель Гондора. Жить ему или умереть – это уже не нам решать.

Вдвоем с Берегондом они подняли носилки, а Пин пошел сзади. У распахнутой двери Берегонд бросил взгляд на убитого привратника. – Вот в чем я всю жизнь буду раскаиваться, – сказал он. – Но я спешил, а он не хотел слушать и обнажил меч... – он закрыл глаза и запер дверь. – Эти ключи нужно отдать теперь Фарамиру.

– Сейчас командует Имрахиль, вождь Амрота, – сказал Гэндальф, – но его нет здесь. Придется решать мне. Пусть ключи останутся у тебя, пока в Городе не установится порядок.

Они были уже в верхнем ярусе и шли к госпиталю. Он располагался у южной стены Цитадели. Вокруг него зеленели огороды, сады и цветники. Во всем Городе это было единственное зеленое место. Сейчас там хозяйничали женщины, умевшие ухаживать за ранеными.

В тот самый миг, когда Гэндальф и его спутники вступали на порог, с поля за Воротами раздался жуткий вопль, высоко и пронзительно пронесся в небесах и замер. Так страшен он был, что на мгновение все оцепенели. Но на смену ему пришли тишина, принеся такая радость и надежду, каких они не помнили со дня прихода мрака с востока, и им показалось, что вокруг стало светлее и солнце выглянуло из-за туч.

Печаль и тревога на оставляли Гэндальфа. Поручив Берегонду и Пину устраивать Фарамира, он поднялся на стену. Глазами мага он увидел и понял, что произошло в поле: и когда Эомер выехал вперед и остановился перед павшими, он вздохнул и закутавшись в плащ, спустился со стены. Когда Берегонд с Пином вышли из госпиталя, Гэндальф ждал их у дверей. После долгого молчания голос мага прозвучал глухо и показался Пину старческим.

– Друзья мои, великие и печальные дела свершились сейчас. Плакать нам или радоваться?

Короля-Призрака больше нет. Вы слышали его предсмертный вопль. Но эта победа оплачена дорогой ценой. Я не допустил бы этого, но безумие Денетора отвлекло меня. Вот как далеко протянулась рука Врага! И теперь я понимаю, как это могло случиться.

У Денетора хранился один из Палантиров, и правитель часто смотрел в него, особенно после отъезда Боромира. Денетор был достаточно силен, чтобы не подчиниться воле Саурона, но Темный Владыка позволял ему видеть только то, что ослабляло его волю и подтачивало отвагу.

Берегонд прервал мага. – Когда Фарамира принесли в Башню, многие из нас видели странный свет в ее окнах. Но так бывало и раньше. В Городе давно уже говорили, что наш правитель силой мысли борется с Врагом.

Гэндальф покачал головой. – Значит, я прав, – произнес он. – Вот каким путем воля Саурона проникла в город, – потом, помолчав, добавил, что должен сейчас идти встречать воинов, и позвал с собою Пина. А Берегонду велел пойти и доложить о случившемся начальнику воинов Цитадели. – Тебе больше не быть воином Цитадели, – сказал он, – но это не беда. Отправляйся в госпиталь. Ты спас Фарамира от огня, служи ему и дальше. Охраняй его и будь при нем, когда он очнется, – если только очнется когда-нибудь, – вздохнул маг. – Ступай! Я скоро вернусь.

С этими словами он повернулся и вместе с Пином отправился в нижние ярусы Города. Пока они шли, ветер принес тучу с дождем, огни погасли, и от костров поднялся густой дым.

7. В ГОСПИТАЛЕ

Когда печальная процессия входила в разрушенные Ворота Города, Мерри от слез и усталости ничего не видел вокруг. Воздух был наполнен дымом и чадом: много осадных машин было сожжено и сброшено в огненные ямы, повсюду валялись трупы орков, троллей и вастаков. Дождь перестал, из туч выглянуло солнце, но Нижний Город был окутан едким дымом.

Теодена и Эовин несли на носилках, и все встречные склоняли головы в скорбном поклоне. Шествие медленно поднималось по каменным улицам. Мерри казалось, что этому пути, как в кошмарном сне, не будет конца.

Постепенно огни факелов то ли исчезали, то ли гасли, стало темно, и он вдруг подумал: «Мы идем к могиле и, наверное, останемся там навсегда». Но тут сквозь бред до него дошел живой голос: – А, Мерри! Ну, наконец-то я нашел тебя!

Он с трудом огляделся и туман перед глазами немного рассеялся. Перед ним в узком переулке стоял Пин. Вокруг больше никого не было. Он протер себе глаза.

– Где правитель? – спросил он. – Где Эовин? – но тут же пошатнулся, сел на камень и заплакал.

– Они уже в Цитадели, – с тревогой ответил Пин. – Ты, верно, заснул на ходу или свернул не туда, куда нужно. Когда мы увидели, что тебя нет, Гэндальф сразу послал меня за тобой. Бедняжка Мерри! Но до чего же я рад, что снова вижу тебя! Ты, конечно, устал, а я мучаю тебя разговорами. Скажи мне, ты ранен?

– Нет, – ответил Мерри, – то есть, мне кажется, что нет. Но правая рука у меня не действует, отнялась, когда я ударил его. А мой меч сгорел, как деревянный.

Пин решил, что он бредит, и еще больше встревожился. – Идем, идем-ка со мной. Я бы понес тебя, да не сдюжу. Что же это они оставили тебя? Но уж ты извини их. Знаешь, в Городе было так страшно, такое творилось, что не мудрено было потерять одного бедного хоббита, идущего с поля боя.

– Это не так уж плохо, когда тебя не замечают, – отозвался Мерри, едва ворочая языком. – Вот недавно меня тоже не заметили и... Нет, не могу говорить об этом. Помоги мне, Пин! Опять темно и холодно...

– Обопрись на меня, друг Мерри. Идем. Давай-ка, раз, два. Здесь недалеко.

– Ты ведешь меня, чтобы похоронить? – покорно спросил Мерри.

– Да ты что! Нет, конечно! – ужаснувшись, воскликнул Пин. Сердце у него сжалось от страха и жалости. – Нет, мы с тобою идем в госпиталь.

Они вышли из переулка на главную улицу, ведущую к Цитадели, и теперь медленно поднимались по ней. Мерри шатался и бормотал что-то в бреду.

– Так мне никогда не довести его, – подумал Пин. – И помочь некому! Не могу же я бросить его здесь! – но тут их догнал какой-то мальчик, и Пин очень обрадовался, узнав Бергиля, сына Берегонда.

– Бергиль! – воскликнул он, – рад видеть тебя живым! Куда ты?

– Бегу с поручением от целителей, – ответил Бергиль. – Прости, но мне некогда!

– Беги, беги, только передай, что тут со мной раненый невысоклик, и что он не может сам идти. Скажи о нем Гэндальфу, он обрадуется.

Бергиль убежал. «Подожду здесь», – подумал Пин. Он осторожно уложил Мерри на землю, сел и взял голову друга к себе на колени. Рука Мерри была холодна как лед.

Через несколько минут их нашел Гэндальф. Он склонился к Мерри, погладил его по лбу и бережно поднял на руки. – Его нужно было бы внести в Город с почетом, – сказал он. – Этот малыш полностью оправдал мои надежды. Не уступи тогда Элронд и не отпусти он вас с отрядом, этот день мог бы стать куда печальнее, – он вздохнул. – Идем, у меня еще много дел, а исход битвы до сих пор не решен.

Так Фарамир, Эовин и Мериадок оказались в госпитале. Уход за ними был очень хорошим. Хотя немало знаний со времен расцвета Гондора было потеряно, все же здешние целители хорошо справлялись

со многими ранами и болезнями. Но сейчас ни их искусство, ни их знания не помогали, ибо людей поражала болезнь, от которой не было исцеления. Ее называли порождением мрака, потому что причиной этой болезни были назгулы. Те, кого они поразили, впадали во все более глубокий сон, их сковывало молчание и смертный холод, и они умирали. Целители сразу поняли, что невысоклика и воительницу из Ристании тяжело поразила именно эта болезнь. Сначала они еще говорили, что-то шептали сквозь сон, и целители прислушивались к их словам, надеясь отыскать в них ключ к болезни. Но больные все дальше уходили во тьму беспомысленности, и когда солнце начало клониться к закату, лица Мерри и Эовин стали землистого цвета. Фарамира же, напротив, снедал лихорадочный жар, и его ничем нельзя было унять.

Гэндальф озабоченно переходил от одного к другому, а целители рассказывали ему все, что слышали. День уходил, великая битва все продолжалась с переменным успехом, а маг все выжидал и не мог покинуть больных. Когда в небе разлились краски заката, стоявшим рядом показалось, что лица больных порозовели. Можно было подумать, что болезнь отступает, но это была обманчивая надежда.

Тогда Иорет, старшая из служительниц госпиталя, со слезами посмотрела на Фарамира и сказала: – Горе, если он умрет. Но его не спасти. Только древние вожди, исцелявшие силой прикосновения, могли бы помочь ему. Если бы явился такой вождь...

Гэндальф прервал ее. – Иорет, люди надолго запомнят твои слова. В них есть надежда. Может быть, такой вождь уже здесь, в Гондоре. Разве ты не слышала, что говорят в Городе?

– Мне было не до слухов, – сварливо ответила Иорет. – Для меня самое важное, чтобы больных не тревожили.

Гэндальф поспешно вышел. Закат угасал, и серый, как зола, вечер спускался на холмы и равнины.

В это время Арагорн, Эомер и Имрахиль в окружении своих воинов приближались к Городу. У Ворот Арагорн оглянулся и сказал:

– Посмотрите, как полыхает закат! В эти дни все выглядит значительным. Старое уходит, приходит новое. Может быть, мы стоим на рубеже двух эпох. Страной и Городом долго и славно правили мудрые и сильные люди, и хотя мои права вам известны, я не хочу входить непрошеным.

Война не кончена, нельзя давать повод смутам. Я отказываюсь предъявлять какие бы то ни было права до победы. Если правитель захочет видеть меня, мой шатер будет стоять здесь.

Эомер пылко возразил ему: – Вы уже подняли знамя древних вождей. Все видели Звезду Исилдура. Вас ждут. Неужели вы хотите обидеть людей пренебрежением?

– Нет, – ответил Арагорн. – Но я считаю, что время еще не пришло и не хочу ссориться ни с кем, кроме Врага и его слуг.

Имрахиль согласился с ним. – Ваши слова разумны. Правитель Денетор мой родич. Мне хорошо знакомы его упорство и гордость. А сейчас к тому же он потрясен потерей сразу двоих сыновей. Но все же мне не хотелось бы оставлять вас перед дверью, как просителя.

– Ну, какой я проситель? – улыбнулся Арагорн. – Я веду отряд Следопытов. Они не привыкли к городам и каменным домам. – С этими словами он приказал свернуть знамя и отдал его на хранение сыновьям Элронда. Они попрощались. Имрахиль и Эомер отправились в Цитадель к правителю. Но в тронном зале его не было. Там на возвышении покоился на смертном ложе Теоден Ристанийский, горели факела и почетным караул несли двенадцать ристанийских и гондорских рыцарей. Отблески света плясали не седицах Герцога, лицо было молодо и прекрасно. Казалось, он спит.

Отдав низкий поклон памяти правителя, Имрахиль спросил: – Где же Денетор? И где Митрандир?

Тогда вперед выступил один из стражей: – Правитель Гондора находится в госпитале.

Эомер растерянно оглядел зал. – А где Эовин? Она должна покоится вместе с правителем Ристании, и с не меньшими почестями. Где ее положили?

Имрахиль участливо опустил руку ему на плечо. – Прекрасная Эовин была еще жива, когда ее принесли сюда. Разве вы не знали этого?

Глаза Эомера вспыхнули надеждой. Он не сказал больше ни слова, быстро повернулся и вышел.

Имрахиль последовал за ним.

На улице стемнело. Когда они подходили к госпиталю, в небе появились звезды. У дверей их встретил Гэндальф. Рядом с ним стоял кто-то в сером плаще. – Митрандир, – обратился Имрахиль к магу, – мы ищем правителя. Нам сказали, что он здесь. Но почему? Разве он ранен? И что случилось с прекрасной Эовин? Где она?

– Здесь, – ответил Гэндальф, – она еще жива, но смерть стоит рядом. Правителем Гондора стал Фарамир, Денетор погиб в пламени, – он коротко рассказал о недавних событиях. – Фарамир ранен, судя по всему, отравленной стрелой, – озабоченно добавил маг, – он тоже здесь, и его пожирает лихорадка.

– Дорого обошлась наша победа, – произнес Имрахиль. – В один день и Гондор, и Ристания лишились своих правителей. Но если у Ристании есть Эомер, то кто же будет править Гондором? А между тем, властитель здесь, у ворот. Надо призвать Арагорна, – твердо закончил он.

Тогда человек в плаще откинул капюшон и вышел в свет фонаря над дверью.

– Я здесь, сказал он. Это был Арагорн. Кольчугу его прикрывал эльфийский плащ, скрепленный на шее зеленым камнем, тем самым, что подарила ему Галадриэль. – Я пришел по просьбе Гэндальфа, – продолжал он, – и не как правитель, а как простой воин. Городом до выздоровления Фарамира должен править вождь Дол Амрота. Но я хочу, чтобы в битве с Врагом все наши силы подчинились одному начальнику. В этой войне одной воинской доблести не достаточно. Нужна еще и мудрость. Поэтому, пусть Гэндальф руководит нами.

Имрахиль и Эомер согласились с ним. Тогда Гэндальф взял их под руки. – Идемте, время дорого. Единственная надежда тех, кто лежит здесь, это – Арагорн. В словах целительницы из этого дома мне открылось предначертанное. Я уверен, что она права.

Арагорн вошел первым, за ним – остальные. У двери они увидели двоих воинов в форме защитников Цитадели: один был рослый, другой по виду совсем подросток. Как только открылась дверь, он вскрикнул от радости.

– Бродяжник! Вот здорово! Знаешь, я первым угадал, что на черных кораблях идешь ты. Но все кругом кричали о пиратах и никто не хотел меня слушать. Как же это так получилось?

Арагорн засмеялся и взял хоббита за руку. – Вот добрая встреча! – сказал он. – Но сейчас не время для рассказов. Мы спешим. Идем с нами.

Они пошли дальше и по пути Гэндальф поведал им о подвигах Эовин и Мерриадок. – Я слежу за ними уже много часов, – сказал он. – Сначала они еще говорили, но сейчас уходят во мрак смерти все дальше и дальше.

Арагорн подошел сначала к Фарамиру, потом к Эовин, а напоследок к Мерри. Он вгляделся в их лица и вздохнул. – Всех моих сил и способностей может оказаться недостаточно, – проговорил он. – Ах, если бы здесь был Элронд! Он самый старший из нас и у него куда больше сил. Но я сделаю все, что смогу.

Эомер предложил сначала отдохнуть и подкрепиться, но Следопыт отказался. – Для этих троих, – сказал он, – особенно для Фарамира, время истекает, я должен спешить.

Он велел позвать Иорет и спросил, есть ли в доме целебные травы, а именно – целема. Иорет непонимающе посмотрела на него. – Ацелас! – нетерпеливо произнес Арагорн. На этот раз женщина обрадовано кивнула, но выяснилось, что в доме травы нет. За ней послали. Арагорн склонился над Фарамиром, взял его руку и прикоснулся ко лбу. Раненый не пошевелился.

– Он обессилен, – через плечо бросил Арагорн Гэндальфу. – Но это не от раны. Добрый знак! Если бы его поразила стрела назгула, он был бы уже мертв. Я думаю, его ранили южане. Кто вытащил стрелу? Она сохранилась?

– Вытащил я, – выступил вперед Имрахиль, – но не сохранил. Там было не до этого. Но, помнится, это была не стрела, а дротик, и он был похож на те, которыми пользуются южане. Меня еще тогда удивило, что рана неглубокая и такой лихорадки быть не должно. Поэтому я и подумал про крылатый ужас. Какова же по-вашему причина?

– Причин много, – покачал головой Арагорн. – Это и усталость, и огорчение, нанесенное отцом, и рана, а самое главное – Дыхание Мрака. Он человек сильной воли, но еще до битвы долго пробыл под Тенью. Мрак медленно овладевал им, но пока его не ранили, он держался. Мне нужно было прийти раньше!

Он опустился на колени у ложа Фарамира, снова положил ему руку на лоб и застыл. Так прошло несколько минут. Воздух над ложем словно накалился и звенел. Все почувствовали, как Следопыт, напрягая волю, борется с чем-то; лицо у него осунулось, глаза запали. Время от времени он повторял имя Фарамира, но с каждым разом все тише и слабее, как будто и сам он ушел от всех и уходил все дальше, окликая затерявшегося во мраке.

В этот момент в залу вбежал Бергиль. Он принес несколько листьев, завернутых в чистую тряпицу. – Я нашел ацелас! Правда, он немного подвял: его сорвали с неделю назад. Годится? – Мальчик взглянул на Фарамира и неожиданно заплакал.

Но Арагорн встал и улыбнулся. – Годится, – сказал он. – Самое плохое уже позади. Успокойся! – он взял два листка травы, подышал на них, потом размял в пальцах. Комната тотчас наполнилась таким свежим ароматом, словно воздух проснулся и заискрился радостью. Бродяжник бросил листья в чашу с кипящей водой, и сердца тех, кто был в зале, возрадовались, когда они вдохнули запах: каждому припомнилось росистое утро в стране его юности. Арагорн выпрямился, словно ощутив прилив новых сил, и когда он поднес чашу к лицу Фарамира, глаза его улыбались.

Прошло еще несколько мгновений и Фарамир шевельнулся, открыл глаза и увидел Арагорна. Взгляд у него просиял, и он сказал едва слышно: – вы звали меня, и я пришел. Приказывайте мне!

– Вот мой приказ, – ответил Арагорн. – Вернись из страны теней, пробудись к жизни! Сейчас ты устал. Отдыхай, пей, ешь и жди меня.

– Я буду готов, повелитель, – сказал Фарамир. – Кто же будет лежать праздно, когда вернулся подлинный вождь?

– Пока прощай, – промолвил Арагорн. – Я нужен другим, – и он вышел из комнаты, сопровождаемый Гэндальфом, Имрахилем, Эомером и Пином. Берегонд с сыном остались у ложа правителя. Уже закрывая дверь за собой, Пин услышал восклицание Иорет: – Вождь! Вы слышали, я же говорила: он исцеляет одним прикосновением! – И вскоре все в госпитале узнали, что явился могучий вождь, дарующий исцеление. И эта весть распространилась по всему городу.

Арагорн осмотрел Эовин и сказал: – Вот кто принял тяжелый удар! Сломанная рука – не беда, она срастется, если жизнь возьмет свое. А вот с правой рукой куда хуже. Через нее прошло такое зло, что хотя она и цела, но жизни в ней нет.

Девушка подняла меч на такого врага, который не по силам многим витязям. Нужно быть тверже стали, чтобы выстоять в таком поединке. Злая судьба скрестила их пути. Могучий род вождей взрастил это прекрасное юное деревце для жизни и счастья, а ей выпала другая доля. Глядя на нее, я вспоминал цветы, выкованные древними эльфийскими мастерами. Они были прекрасны, но это был металл. Какой-то холод остановил движение токов жизни в этом чудесном создании. Ее болезнь началась задолго до этого дня, верно, Эомер?

Эомер поднял на него страдальческий взор. – Что спрашивать меня? Вы и сами все знаете. До встречи с вами сестра была полна жизни. У нее были и страхи и тревоги, она делила их со мной, пока Грима Черный был советником правителя, но не здесь причина ее печали.

– Друг мой, – участливо вступил Гэндальф, – у вас есть кони, боевые подвиги, вольные поля, а ее дух, отвагой равный вашему, заключен в теле женщины. Она любила правителя как отца и ухаживала за ним, страдая от того, что мрак и дряхлость на глазах одолевают его. А правитель, над которым смыкался мрак, обращал на нее внимания не больше, чем на свой посох. А чего стоили речи Гримы Черного, изо дня в день, как червяк, точившего все, ради чего она жила и во что верила?

Все молчали, молчал и Эомер, глядя на сестру, словно заново обдумывая прошлое.

Тишину нарушил Арагорн.

– Нет на свете печальнее безответной любви прекрасной и отважной девы. С тех пор, как я простился с ней в Северной Лощине и вступил на Путь Мрака, у меня не было большего страха, чем за судьбу Эовин. Но вот что скажу я, Эомер. Вас она любит и знает, а во мне любит только свою мечту о славе и подвигах, мечту о новых незнакомых странах, – Арагорн говорил, а глаза его все больше обращались внутрь; видно было, что он собирает силы для борьбы со смертью. – Я могу исцелить ее тело и вернуть из страны теней. Но если, проснувшись, она не сможет преодолеть своего отчаяния, то умрет, разве что найдется другое лекарство, от меня не зависящее... Подвиги ее равны делам славнейших вождей, нельзя отдавать ее смерти.

Арагорн наклонился и долго вглядывался в белое, как лилия, но застывшее, как могильный камень лицо. Он поцеловал ее в лоб и негромко позвал: – Эовин, дочь Эомунда, проснись! Твоего врага больше нет.

Она не пошевелилась, но стала дышать ровнее и глубже. Арагорн размял в пальцах еще два листика целемы и бросил их в кипящую воду. Этой водой он омыл ей лоб и правую руку, холодную и безжизненную, недвижно лежавшую на одеяле.

И тогда, – потому ли, что Арагорн действительно обладал забытыми силами Нуменора, или то было действие его слов, – всем присутствующим показалось, что в окно ворвался свежий ветер, такой, каким он рождается на вершинах гор, высоко под звездами, или на побережье, над серебряной пеной моря.

– Проснись, Эовин! – повторил Арагорн и взял ее правую руку. – Проснись! Тень исчезла, мрак ушел! – Он вложил ее руку в ладонь Эомера и отступил. – Позови ее, – посоветовал он и тихонько вышел из комнаты.

– Эовин, Эовин! – Вскричал со слезами Эомер.

Внезапно девушка открыла глаза и промолвила: – Эомер! О, какая радость! А они говорили мне, что ты убит. Нет. Это были темные голоса в моем сне. Долго ли я спала?

– Нет, сестра, не долго. Не думай больше об этом.

– Как я устала, – медленно проговорила она, мне нужно отдохнуть. Скажи только, что с правителем?

Эомер опустил глаза.

– Хорошо, не говори. Я знаю сама. Он умер, как и предчувствовал.

– Он умер, – подтвердил Эомер, – но перед смертью завещал мне проститься с тобой. Он любил тебя больше, чем дочь. Теперь его тело с почестями покойся в Цитадели Города.

– Как горько... – Произнесла Эовин, – но это и лучше. Теперь все видят, что честь правителя Ристании не погибла. А что с оруженосцем Теодена, с невысокликом? – Встрепенулась она. – Вот кто настоящий рыцарь, брат! Немного найдется людей, отважнее его.

– Мериадок здесь, в госпитале, – поспешил ответить Гэндальф. – Выздоровливайте, я буду возле него. Я счастлив, что столь доблестная воительница возвращается к жизни.

– К жизни? – Повторила Эовин. – Может быть. По крайней мере, пока я нужна здесь... Но потом...

Гэндальф и Пин вошли в комнату к Мерри и увидели склонившегося над ним Арагорна.

– Мерри! Бедный мой друг! – Вскричал Пин, бросаясь к нему. Мерри был так недвижим, что Пин испугался.

– Не бойся, – успокоил его Арагорн. – Здесь я успел вовремя и уже позвал его. Сейчас он слишком устал. Трудная работа у него позади. Вдвоем с Эовин они изгнали из мира страшную тень. Но как бы то ни был ужасен этот бой, дух его остался веселым и сильным, хотя и скорбь теперь не забудется. Но она не омрачит его сердце, а только научит мудрости.

Он положил руку на голову Мерри и, проведя по темным кудрям, прикоснулся к векам и снова позвал по имени. Снова запах целемы разлился по комнате, как аромат цветущих садов и ульев, полных меда. Мерри открыл глаза и сказал:

– Хочу есть. Который час?

– Ужин уже прошел, – растерялся Пин, – но я принесу тебе чего-нибудь, если мне позволят.

– Конечно, позволят, – подбодрил его Гэндальф. – Позволят все, чего будет угодно пожелать отважному Всаднику, все, что только найдется в Минас Тирите, где его имя окружено почетом.

– Ладно, – согласился Мерри. – Тогда, значит, поужинать и глоток вина... – Тут лицо у него затуманилось. – Нет, не надо вина. Кажется, я никогда не буду больше пить вина.

– Почему? – Недоуменно спросил Пин.

– Видишь ли, – медленно произнес Мерри, мой господин умер. А вино напомнит мне о нем. Он сказал, что никогда не придется ему сидеть с кубком и слушать мои рассказы. Это были почти что его последние слова. Я никогда больше не смогу пить, не вспомнив о нем и о нашей встрече в Скальбурге. И о том, как он погиб...

– Так пей и вспоминай! – Воскликнул Арагорн. – Он был великим вождем и всегда держал слово. Он сумел подняться из тени к последнему своему яркому утру. Хотя ты и не долго служил ему, но, думаю, более почетной службы у тебя больше не будет. Вспоминай о нем с радостью.

Мерри улыбнулся.

– Согласен. Если Бродяжник достанет из сумки мою фляжку, я выпью и буду весел. Вот только уцелела ли в бою фляжка...

– Ну, знаешь, Мериадок! – Притворно рассердился Арагорн, – если ты думаешь, что я прошел через горы и реки с огнем и мечом только для того, чтобы вернуть нерадивому воину потерянную им сумку, то ошибаешься. Ищи ее сам, а мне пора. Я не спал в такой постели, как твоя, с тех пор, как выехал из Северной Лощины, а не ел со вчерашнего вечера.

Мерри поймал его руку и поцеловал.

– Прости меня, – сказал он, – иди, конечно; с тех пор, помнишь, в Бри, мы только и делаем, что мешаемся тебе. Но что с нами поделаешь! Когда приходит высокая минута, как вот сейчас, мы говорим пустяки, потому что боимся сказать слишком много, а то и вовсе не можем найти нужных слов.

– Да знаю я вас, знаю, – отмахнулся Арагорн. – Пусть Хоббитания никогда не узнает Тени! – С этими словами он поцеловал Мерри в лоб и вышел, а Гэндальф последовал за ним.

Пин остался со своим другом. – Ну, что? Где найдешь другого такого, как наш Бродяжник? – Спросил он. – Кроме Гэндальфа, конечно. Ты знаешь, по-моему, они в родстве. Кстати, дорогой мой ослик, твоя сумка лежит около кровати, а когда я тебя встретил, была у тебя за спиной. Бродяжник ее, конечно, видел. Да что там! У меня ведь тоже есть фляжка, и не пустая. Вот, возьми, а я побегу, поищу тебе чего-нибудь поесть. А потом уж мы с тобой отдохнем. Мы, хоббиты, такой народ, что не можем долго оставаться на вершинах.

– Да, – подтвердил Мерри, – я, вот, не могу. По крайней мере, сейчас. Но мы можем, Пин, хотя бы видеть и чтить их. Конечно, мы любим свою землю, но, наверное, есть что-то еще выше этого. И если бы не так, то ни один садовник не смог бы мирно трудиться в своем садике. Все равно – знаем мы об этом высшем или нет. Я рад, что теперь хотя бы догадываюсь об этом.

Арагорн с Гэндальфом нашли смотрителя госпиталя и дали ему указания относительно Фарамира и Эовин.

– Эовин должна пролежать еще дней десять, – сказал ему Арагорн. – Не позволяйте ей вставать, даже если она захочет.

А Гэндальф добавил, что Фарамиру можно сообщить о смерти Денетора, но нельзя ни слова говорить о поразившем правителя безумии.

– Проследите, чтобы не говорили об этом ни Берегонд, ни хоббиты, они тоже были при этом, – сказал он.

Смотритель спросил, что делать с Мерри, если он захочет встать, и Гэндальф ответил, что это можно. – Он может даже погулять с друзьями, когда захочет, – добавил он.

– Замечательный народ! – Сказал смотритель, покачивая головой. – Хрупкий с виду, но внутри – очень крепкий.

У дверей госпиталя собралась целая толпа. Все хотели видеть Арагорна, чтобы он исцелил их родичей и друзей, больных или раненых, или пораженных Дыханием Мрака. Арагорн послал за сыновьями Элронда и втроем они трудились до глубокой ночи. И все в Городе говорили: – Вот пришел подлинный вождь и правитель!

К утру Следопыт почувствовал, что силы покидают его. Тогда он закутался в серый плащ и выскользнул из Города, вернувшись к себе в шатер.

А утром перед Цитаделью развивалось знамя Дол Амрота с белым кораблем-лебедем на голубых волнах. Люди смотрели на него и умилялись. Многие ужасы прошедшей ночи казались теперь сном.

8. ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

Утро после битвы было свежее и ясное. Ветер заходил с запада, по небу бежали легкие облачка. Леголас и Гимли с зарей были на ногах и просили разрешения пойти в город; им хотелось повидать Мерри и Пина.

– Приятно узнать, что они живы, – сказал Гимли. – Это же скольких трудов они нам стоили! Вот было бы обидно, пропади они даром.

– Проведайте их, – согласился Арагорн, – а заодно передайте благородному Имрахилью, нынешнему правителю города, что я жду его, Эомера и других военачальников у себя в шатре. Еще не время мне входить в Город, но нам нужно посоветоваться о важном деле.

Эльф и гном вместе вошли в Минас Тирит, с любопытством озираясь по сторонам и не обращая внимания на удивленные взгляды встречных.

– Здесь есть неплохая каменная кладка, – степенно говорил Гимли, поглаживая бороду, – но не везде, а вот улицы можно бы устроить и получше. Если Арагорн станет правителем здесь, я предложу ему пригласить наших лучших мастеров, и мы сделаем город таким, что им будут гордиться.

– И хорошо бы побольше садов, – мечтательно добавил Леголас. – Дома здесь мертвы; мало зелени – мало радости. Если Арагорн станет правителем, то лихолесские эльфы пришлют ему певчих птиц, цветов и вечнозеленых деревьев.

Они нашли Имрахилья, и Леголас, признав в нем родича эльфов, низко поклонился. – Приветствую великого вождя! – сказал он. – Мы хотим видеть наших друзей, Мериадока и Перегрину, нам сказали, что они на вашем попечении.

– Вы найдете их в госпитале. Позвольте, я провожу вас туда, – учтиво предложил Имрахиль.

Но Леголас поблагодарил его и попросил только дать им провожатого. Он передал вождю Дол Амрота приглашение Арагорна. – Митрандир уже там, – добавил он.

– Мы скоро придем, заверил Имрахиль и любезно простился с ними.

Вскоре пришел слуга и проводил их до госпиталя. Там, в саду, они нашли своих друзей; встреча была радостной. Так хороша была эта короткая минута покоя и отдыха, но Мерри быстро устал. Тогда они сели отдохнуть на стене. Позади был сад, а далеко впереди – сверкающий на солнце Андуин.

Хоббиты расспрашивали друзей о том, что случилось с ними с момента прощания в Северной Лощине. Гимли все еще не мог забыть и простить себе своего страха, поэтому не стал ничего говорить. Подробности они узнали от Леголаса.

– После Эреха мы скакали еще четверо суток, – говорил эльф, – и чем дальше мы продвигались по затемненным землям, тем более сильной и грозной выглядела Армия Теней у нас за спиной. Теперь все видели, что под знаменами Короля Мертвых идут и всадники и пешие, но и те и другие двигались с одинаковой быстротой, в полном молчании, и глаза их горели мрачным огнем битвы. На скалах Ламедона они было обогнали нас, но по команде Арагорна снова заняли свое место. Даже тени были послушны его воле.

В один из дней мы так и не дождались рассвета, и в мгlistых сумерках миновали Кирил, потом Рингло, и наконец прибыли к устью Джилорейна. Местный гарнизон из последних сил удерживал переправу от натиска умбарских пиратов и хородримцев, поднимавшихся по реке. С нашим приходом сражение окончилось, потому что и защитники и нападавшие побросали оружие и бежали, завывая от страха, перед войском Короля Мертвых. Только у Энгбора, Правителя Ламедона, достало мужества встретить нас. Арагорн приказал ему собрать свой народ, пропустить призраков и следовать за ними. «В Пеларгире вы можете понадобиться Наследнику Исилдура», – сказал Арагорн, и Энгбор только молча поклонился, безоговорочно признав его власть.

За Джилрейном мы немного отдохнули, но Арагорн торопил, потому что Минас Тирит был в осаде. Ночь еще не миновала, а мы уже мчались по равнинам Лебеннина. Когда-то в песнях они звались зелеными, а теперь были темными и угрюмыми. Враги бежали перед нами, и у них на плечах мы

вырвались наконец к Великой Реке.

В первый момент, при виде бескрайних вод, под пронзительные крики чаек я подумал, что мы вышли к Морю. Но это была дельта Андуйна.

Здесь, в Пеларгире, стоял основной флот умбарских пиратов – пятьдесят больших кораблей и бесчисленное число лодок и баркасов. Вместе с толпами бегущих в гавань ворвался страх. Несколько кораблей успели уйти вниз по Реке, но это не спасло их. Отряды хородримцев, прижатые к Реке, приготовились к обороне. Они все еще представляли собой сильное, хорошо обученное войско.

Но Арагорн вскричал: «Вперед, клятвопреступники! Черным Камнем заклинаю вас, вперед, в бой!», и призраки серыми волнами хлынули в гавань. Глухой ропот голосов заполнил берег, словно из-под земли звучали боевые рога. Над Рекой как будто восстали из прошлого звуки какого-то забытого сражения Темных Времен. Повсюду мерцали бледные клинки, но надежнее мечей врагов разил слепой ужас. Никто и ничто не могло остановить войска Мертвых.

Они прошли по всем кораблям, стоявшим у причалов, и по тем, которые успели отплыть – вода не остановила призрачных воинов. Пираты на кораблях сходили с ума и бросались за борт. Остались только прикованные к веслам рабы. Мы проскакали через весь Пеларгир, и враги вокруг падали, словно листья с деревьев. К концу дня не осталось никого, кто мог бы сопротивляться. Одни были убиты, другие утонули, третьи бежали на юг. На каждый из захваченных кораблей Арагорн послал человека из отряда Хальбарада. Они освободили пленников и расковали рабов.

Я еще подумал тогда, – задумчиво сказал эльф, – странно и символично, что слуги Мордора оказались побеждены силами мрака и смерти – собственным оружием Темного Владыки.

Помню, я взглянул на нашего Бродяжника и вздрогнул. Каким великим и ужасным властителем мог бы стать он с помощью Кольца! Мордор страшится не напрасно. Но благородство духа Арагорна выше разума Саурана.

Поднявшись на палубу самого большого корабля, Элессар подал знак Королю Мертвых. Вокруг сомкнулись безмолвные и почти невидимые ряды призраков. Только изредка в глазах их багрово вспыхивали отсветы пламени горящих кораблей.

«Слушайте Наследника Исилдура! – Громко произнес Арагорн. – Вы исполнили свою клятву, теперь я исполню свою. Вы свободны. Уходите, и не тревожьте больше живых. Я даю вам вечный покой.»

Тогда вперед выступил Король Мертвых. Он переломил свое копье, и обломки упали на землю, тут же вспыхнув бледными огоньками. Потом он низко поклонился и пошел прочь, а за ним – все его воинство. Они исчезли, как ночной туман под порывом утреннего ветра. Их не стало, и люди будто очнулись ото сна.

В ту ночь в порту кипела работа. Среди рабов было множество гондорцев, людей из Либеннина и Этира. Вместе с отрядом Энгбора набиралось большое войско. Узнав, что Арагорн идет освобождать Минас Тирит, все они просили взять их с собой. Имя Наследника Исилдура было для них маяком во мраке ночи. Корабли за ночь подготовили к походу, и утром мы отплыли на север.

Мы покинули Ристанию всего шесть дней назад, хотя многим из нас казалось, что мы уже месяцы в пути. Арагорн спешил. Он просил бывших рабов приналеж на весла. Они и без того выбивались из сил, но ветер и течение были против нас.

Однако в полночь моряки из Этира сказали, что ветер меняется. Он и в самом деле стал попутным, мы смогли поднять паруса, и к утру знамя Арагорна уже реяло на Пеленнорской равнине над нашими войсками, идущими в бой.

Это был великий день и для меня, и для всего Средиземья!

Имрахиль, Эомер и другие военачальники собрались в шатре Арагорна. Там уже были Гэндальф и сыновья Элронда.

– Нужно решать, что делать дальше, – обратился маг к собравшимся. – Денетор говорил перед смертью, что силы врага неодолимы. Надо признать, что так оно и есть. У нас нет надежды на победу, если мы будем надеяться только на оружие.

– Так что же, отступить или ждать гибели? – невольно воскликнул Эомер.

– Вовсе нет. Я сказал, что победы нельзя добиться оружием, но я верю в другую победу. Ибо в центре этой войны стоит Кольцо Всевластья, – опора Черной Крепости и надежда Саурана. Если оно вернется к нему, то вся наша доблесть будет напрасной, Враг победит – быстро и навсегда. Но если оно будет уничтожено, то он падет, падет тоже навсегда, станет развоплощенной тенью до конца этого мира.

По словам мага получалось, что Темный Владыка знает теперь совершенно точно о находке Кольца. Не знает только – где оно. Он думает, что кольцом владеет один из Вождей Запада, и теперь будет следить за нами и ждать, когда вокруг Кольца начнутся раздоры, а Враг – великий мастер ими пользоваться. Он все еще надеется вернуть Кольцо. Его пристальный взгляд прикован к Гондору, свои владения его не интересуют.

– Арагорн, Враг видел тебя в Палантире Ортханка? – Неожиданно спросил маг.

– Да, перед самым выходом из Хорне, – ответил Арагорн. – Это было на десятый день после Рэроса. Десять дней Хранитель был в пути. Я решил отвлечь Око от его собственной страны. Правда, я никак не предполагал, что Саурон ответит на мой вызов так быстро и сильно.

Однако Гэндальф одобрил его, сказав:

– Ты поступил именно так, как нужно. Но я думаю о том, что делать сейчас. Кольца у нас нет, а без него нам не победить Врага силой. Но мы просто обязаны отвлечь его внимание. Мое предложение – выступить немедленно, сейчас же. Я предлагаю стать приманкой, в которую Саурон вцепится мертвой хваткой, потому что будет искать среди нас нового обладателя Кольца. Может статься, всем нам судьба погибнуть в этой битве, может статься, никто из нас не узнает, чем кончилось дело: уничтожено ли Кольцо, пал ли Саурон, но мы должны дать Хранителю использовать свой единственный шанс, каким бы мизерным он не был.

Каждый из присутствующих понимал, что совет мага разумен, и когда Арагорн заявил, что принимает его, все присоединились к нему. Подсчитали войска, оказалось, что военачальники могут собрать около семи тысяч конных и пеших, а в Гондоре после этого останется войск не меньше, чем перед началом военных действий.

Через два дня войска собрались на Пеленнорской равнине, готовые выступить.

Леголас и Гимли должны были ехать вместе, в одном отряде с Арагорном, Гэндальфом и сыновьями Элронда. Мерри, к его великому огорчению, пришлось остаться в Городе.

– Пойми, – увещевал его Арагорн, – тебе рано отправляться в такой поход. Не горюй. Даже если до конца войны, каким бы он не был, ты не сделаешь больше ни шагу, славу ты заслужил великую. А Хоббитанию в походе будет представлять Перегрин. Надо дать ему возможность сравняться с тобой в подвигах. А что до опасности, то она одинакова и для тех, кто идет в Мордор, и для тех, кто остается здесь. Прощай!

Итак, Мерри уныло стоял на стене и смотрел, как собираются войска. Рядом с ним сидел печальный Бергиль: его отец не был больше воином Цитадели и теперь уходил в поход с войсками вождей Запада в одном отряде с Пином.

Под звуки труб войска двинулись. Мерри провожал их взглядом, пока они не скрылись вдали. Последний раз блеснуло утреннее солнце на копьях и шлемах, а он все стоял, склонив голову, чувствуя себя одиноким и покинутым. Все, кого он любил, уходили навстречу мраку, надежда увидеться с ними еще раз была очень мала.

То ли оттого, что он очень переживал, то ли по какой другой причине, боль в руке усилилась. Мерри ощутил слабость и свет у него перед глазами померк. Но тут Бергиль осторожно тронул его за плечо.

– Пойдемте, добрый друг, – сказал он. – Вам опять плохо. Давайте я провожу вас до Цитадели. Не грустите! Они вернутся. Людей из Минас Тирита одолеть очень трудно. А с ними идут сейчас и доблестный Арагорн, и мой отец, и ваш друг.

К полудню войска достигли Осгилиата и, перейдя Андуйн, двинулись по широкой прямой дороге,

некогда соединявшей Крепость Заходящего Солнца с Крепостью Восходящей Луны – теперь это был Минас Моргул. Первая стоянка была объявлена в лигах пяти за Осгилиатом.

Арагорн и другие военачальники продолжали идти вперед и еще до вечера достигли Перекрестка. Вокруг все словно вымерло, и гнетущая тишина лежала под деревьями-великанами. Ни одна стрела не вылетела из чащи, но с каждым шагом напряжение нарастало. Деревья и камни, трава и листья – все прислушивалось. Вдали, за Андуином, садилось солнце, и белые вершины гор розовели в лазури неба, но Черные Горы были окутаны тьмой. Арагорн выслал трубачей на каждую из четырех дорог, в тишине чисто протрубили трубы и герольды возгласили на все стороны света о возвращении этих земель правителю Гондора. По приказу Арагорна уродливую одноглазую голову сбросили с плеч каменного стража и разбили на части, а оплетенную белыми и желтыми цветами водрузили на место, предварительно стерев с нее злобные руны. Среди гондорцев раздались голоса, призывавшие разрушить Минас Моргул и через него ворваться в Страну Мрака. Но Гэндальф остудил горячие головы. По его словам в этой долине обитает незримое зло, наполняющее души живых людей безумием и ужасом. – Кроме того, – напомнил он, – Фарамир говорил, что Хранитель выбрал именно эту дорогу, значит, к ней ни в коем случае нельзя привлекать внимание Черной Крепости.

Когда на следующий день на Перекрестке собрались все войска, решено было оставить здесь небольшой заслон на случай, если подойдут войска из Моргула или с юга.

Гэндальф и Арагорн далеко обогнали передовой отряд и остановились у края Моргульской долины.

– Он здесь, – произнес Арагорн, указывая на проклятую Крепость, – я это чувствую. Можно подумать, что он уже был у меня в руках. Увы! Почему нельзя войти и взять его? Тогда я знал бы, как бороться с Врагом.

– Да, он здесь, – задумчиво кивнул маг. – Враг не смеет прикоснуться к нему, пока не добудет кольца. А раз так, не будем здесь долго задерживаться. Поспешим к Мораннону.

Крепость была темна и безжизненна: орки были истреблены, а назгулы улетели. Но самый воздух долины был насыщен страхом и злобой. Имрахиль приказал разрушить мост через отравленный ручей и выжечь ядовитые луга по берегам. Войска двинулись дальше.

Пройдя через весь Итилиен, они только однажды встретились с небольшим отрядом орков и без труда разбили его. Время от времени по знаку Гэндальфа звучали трубы и герольды возглашали: – слушайте правителей Гондора! Слушайте и покоряйтесь! Непокорные должны покинуть страну!

Имрахиль посоветовал изменить слова и вместо «правитель» говорить «правитель Элессар». – Это на самом деле так, – объяснил он, – а имя «Элессар» заставит Врага задуматься, – и с этого момента трижды в день герольды возглашали имя правителя Элессара. Но никто не отвечал им.

После Перекрестка войска шли еще четыре дня. Живые земли кончились. Дальше простиралась каменистая, переходящая в ущелье пустыня. Отсюда видны были Гиблые Болота, тянущиеся до самых Серых Гор далеко на север. Местность была так безотраднa, такая тоска брала за душу, что некоторые воины, для которых Мордор раньше был только страшной сказкой, не смогли идти дальше. Раньше они были мирными земледельцами из южных областей Гондора, и теперь один вид Страны Мрака, раскинувшейся перед ними, наполнял их сердца трепетом.

Арагорн не стал гневаться на слабодушных и отпустил их, дав задачу по силам: отбить у врага остров Кеир-Андрос и удерживать до конца, защищая Ристанию и Гондор. Кое-кто сумел преодолеть страх и отважился продолжать поход, но многие ушли, радуясь, что могут принести посильную пользу. После их ухода, считая отряд, оставленный у Перекрестка, войска насчитывали едва ли шесть тысяч человек. Слишком мало, чтобы бросить вызов Черным Воротам и всей мощи Мордора.

Отсутствие врагов настораживало. Арагорн неспешным маршем вел войска вперед, следя, чтобы отдельные отряды не отставали. На исходе пятого дня, миновав долину Моргула, они разбили привал, окружив стоянку кострами. Но мало кому удалось заснуть в эту ночь. Повсюду чудились какие-то блуждающие тени. Во мраке завывали волки. Ветер утих, воздух стал абсолютно неподвижен. Молодой месяц на ясном небе временами окутывал не то туман, не то дым, сочащийся из ям и трещин в земле. К утру резко похолодало. Поднялся северный ветер. Его порывы постепенно усиливались. Ночные призраки

исчезли, местность совсем опустела. К северу тянулись опаленные холмы и дымящиеся провалы; с юга, и теперь уже совсем близко высились Черные Ворота с высокими темными башнями по сторонам. На последнем переходе войска Запада, покинув старую дорогу, свернули на восток и теперь приближались к Мораннону с северо-запада, как когда-то приближался и Фродо.

Огромные створы Черных Ворот были плотно закрыты. На бастionaх не было видно ни души. Кругом царило выжидающее молчание. Люди понимали, что достигли конца своего отчаянного пути. Отряды, стоявшие в холодном предрассветном сумраке перед огромными стенами и башнями Мораннона, казались особенно жалкими и одинокими. Все ясно видели, что войскам Запада никогда не взять эти стены и башни, даже если бы они привели с собой могучие осадные машины, а у Врага не было бы других войск, кроме охранявших Ворот. А другие войска, конечно, были. В холмах и скалах вокруг Мораннона ощущалась затаившаяся злоба, темное ущелье за ним дышало ненавистью. В довершение ко всему над башнями, словно коршуны, поднялись и собрались в стаю назгулы. Недостигаемые для стрел, с высоты они внимательно следили за всем, что происходило внизу. Враг все еще выжидал.

Оставалось довести задуманное до конца. Арагорн расположил войска на двух больших холмах, между ними и Моранноном тянулось обширное зловонное болото. Потом вожди Запада выехали к Воротам. Их сопровождали знаменосцы, трубачи и герольды. Впереди ехал Гэндальф, за ним – Арагорн с сыновьями Элронда, Зомер и Имрахиль. Их сопровождали Леголас, Гимли и Перегрин. Маг хотел, чтобы у Ворот собрались представители всех врагов Мордора.

Они приблизились к Мораннону на расстояние голоса. Знамена развернулись, затрубили трубы, а когда они смолкли, вперед выступили герольды.

– Выходите! – Вскричали они. – Пусть Темный Властелин выйдет к нам. Мы призываем его к ответу! Он незаконно шел войной на Гондор и занял его земли. Правитель Гондора требует, чтобы он исправил содеянное им зло и ушел навсегда. Пусть он выйдет!

Но крепость никак не отвечала на их призывы. Саурон хотел сначала поиграть своей добычей, и только потом нанести смертельный удар. Всадники уже решили повернуть обратно, но в этот миг раздался рокот барабанов, оглушительно взревели трубы. Средние створы Ворот распахнулись и выпустили посольство Черной Крепости.

Впереди на огромном коне ехал воин, огромный и страшный, с лицом, похожим на уродливую маску. С головы до пят он был одет в черное, но это был не призрак, а живой человек. Он так долго пробыл наместником Барад-Дура, что забыл даже свое имя и сам себя называл Голосом Саурана. Рассказывали, что родом он был из Нуменора, из тех людей, что возлюбили темное знание и добровольно подчинились Саурону. Жестокостью он превосходил любого орка.

Его сопровождал небольшой отряд воинов под черным знаменем с изображением багрового Ока. Недоезжая несколько шагов до всадников, он остановился, окинул их презрительным взглядом и рассмеялся. – Ну, кто тут из вас достаточно знатен, чтобы говорить со мной? – Спросил он. – Или хотя бы достаточно умен, чтобы понять меня? Уж не ты, конечно! – насмешливо кивнул он на Арагорна. – Чтобы стать настоящим вождем, мало куска эльфийского стекла, а такой сброд вместо войска способен набрать любой бродяга!

Арагорн не сказал ни слова, но поймал его взгляд и некоторое время удерживал. Прошла минута, Арагорн не шевельнулся и не притронулся к оружию, но посланец Мордора вдруг вскрикнул и отшатнулся, словно от удара.

– Я глашатай и посол, на меня нельзя нападать! – Суматошно закричал он.

– Там, где этот закон соблюдается, – медленно проговорил Гэндальф, – послы не ведут себя так нагло. Но никто и не угрожает тебе. Делай свое дело и не бойся нас. Но если твой господин не стал умнее, то тебе, как и всем его рабам, грозит большая опасность.

– Ах, вот оно что! – воскликнул посланец. – Значит, говорить будешь ты, старик? Мы и раньше слыхали о тебе, знаем, что ты бродишь вокруг и строишь свои козни. Но на этот раз ты сунул нос слишком далеко, почтенный Гэндальф, и сейчас увидишь, что бывает с теми, кто плетет интриги против Саурана Великого. У меня есть кое-что показать вам, особенно тебе, раз ты посмел явиться, – он кивнул одному из воинов, и тот

подал ему какой-то сверток из черной ткани.

Посланник Мордора сдернул ткань и показал им сначала короткий Сэмов меч, потом серый плащ с эльфийской пряжкой и, наконец, кольчугу из мифрила. При виде этих предметов у многих, стоявших перед Воротами, потемнело в глазах и последний луч надежды погас. Пин, до сих пор прятавшийся за спиной Имрахила, отчаянно вскрикнул и рванулся вперед.

– Молчи! – Сурово приказал Гэндальф, оттаскивая его, но черный посланец громко рассмеялся.

– Так у вас есть и еще один такой! – Вскричал он. – Не знаю, зачем они вам, но послать их шпионами в Мордор мог только безумец. Ну, хоть на одно он сгодился. Теперь ясно, что все это он видел и раньше, так что вам не открыться. Вам эти вещи тоже знакомы.

– Конечно, – спокойно произнес Гэндальф, – я-то знаю их историю, а вот ты, я вижу, с ней не знаком. Зачем ты принес их сюда?

– Кольчуга гномов, эльфийский плащ, меч павшего Запада и шпион из ничтожной Хоббитании... Ага, вздрогнули! – Мы хорошо знаем их, – вот признаки заговора! Может, вам и не нужна та маленькая тварь, которой принадлежат эти вещи, а может, наоборот, она дорога вам? Если так, поразмыслите, коли способны на это! Саурон не любит шпионов, а судьба этой твари будет зависеть от вашего выбора.

Ему никто не ответил, но бледность лиц и ужас в глазах были красноречивее слов. Снова послышался его скрежещущий смех. – Так, так! А малыш был вам дорог, как я вижу. Да и дело у него было серьезное, а? Но сорвалось, сорвалось. Теперь его ждут годы медленных мучений. Мы уж постараемся, чтобы они не скоро кончились. Вы его больше не увидите, разве что его сломают и переделают, а тогда уж я не забуду отправить его к вам. И это обязательно будет, если вы не примете условий моего Повелителя.

– Назови условия, – голос Гэндальфа был твердый, но стоявшие поблизости видели в глазах мага тревогу, и вдруг заметили, что он стар, потрясен и разбит. Они не сомневались в его согласии на любые условия.

А условия были тяжелыми. Войскам Гондора и его союзникам предлагалось немедленно отойти за Андуйн, предварительно поклявшись не выступать против Саурона ни явно, ни тайно. Весь Итилиен навсегда отходил к Саурону, а все страны западнее Реки до Мглистых Гор и до Ристанийского Ущелья обязывались сложить оружие и платить Мордору тяжелую дань. Они обязывались восстановить разрушенный Скальбург. – Он станет владениями наместника Саурона, – сказал посланец, – но это будет не Саруман – он оказался недостойным – а другой, кому Владыка доверяет больше, и все поняли, что этим наместником будет он сам. Поняли они также, что условия Саурона означают рабство для всех стран Запада на вечные времена. В этот момент неожиданно прозвучал ответ мага: – Слишком много вы хотите на одного пленника! Столько твой господин мог бы получить ценою долгой войны. Или на полях Гондора он потерял надежду на победу? А если ценить этого пленника так высоко, то где залог, что Саурон, великий обманщик и предатель, выполнит свои обязательства? Где пленник? Приведи его и отдай нам, а тогда мы подумаем над условиями.

И тут Гэндальфу, не сводившему глаз с посланца, показалось, что на одно мгновение тот растерялся и смехом попытался скрыть это.

– Остерегайся говорить дерзко с Голосом Саурона! – Вскричал он, – ты требуешь залога? Саурон не дает их. Если ты хочешь его милостей, выполняй его требования. Условия вам известны. Поступайте теперь как хотите!

– Вот как мы поступим, – произнес вдруг Гэндальф. Он распахнул плащ и яркая белизна одежд сверкнула в этом мрачном месте подобно обнаженному мечу. От его воздетой руки посланец попятился, а маг подошел и просто отобрал у него кольчугу, меч и плащ. – Это мы возьмем в память о нашем друге, – буднично сказал он. – А ваши условия отвергаем бесповоротно. Уходи, твое посольство окончено, и смерть теперь ближе к тебе, чем когда либо. Мы пришли сюда не для того, пререкаться с подлым Сауроном, а тем более – с его рабами. Уходи!

Посланец Мордора не смеялся больше. От гнева и изумления лицо его исказилось и стало похоже на морду дикого зверя, у которого из-под носа увели добычу. От ярости он издавал странные, сдавленные

звуки. Но страх в нем был сильнее гнева. Вскрикнув, он повернул коня и помчался обратно. Его воины тоже повернули коней и затрубили условный сигнал. Они еще не достигли Ворот, а ловушка Саурона уже захлопнулась.

Оглушительный грохот барабанов обрушился на равнину. Ворота Мораннона распахнулись настежь, исторгнув огромное войско, хлынувшее, как вода в наводнение. Вожди Запада поспешно вернулись к войскам. Пыль тучей поднялась в воздух, когда с востока кинулись толпы, до этого скрывавшиеся в тени Изгарных Гор. Со склонов по обе стороны Мораннона стекали бесчисленные потоки орков. Армия Запада оказалась окруженной, враги превосходили их численностью в десятки раз. Саурон схватил приманку мертвой хваткой.

Арагорн едва успевал отдавать приказы. Он стоял с Гэндальфом на одном из холмов, и над ним развивалось знамя с Деревом и Звездами, на другом холме рядом плескались знамена Ристании и Дол Амрота: Белый Конь и Серебряный Лебедь. Каждый из холмов ошетинился во все стороны мечами и копьями. Впереди, лицом к Мораннону, стояли сыновья Элронда, а слева от них – дунаданцы Арагорна, а справа – Имрахиль со своими воинами.

Подул ветер, и звуки труб слились со свистом стрел. Солнце окуталось дымом и покраснело, словно перед закатом, а из мрака слетали, злобно рыча, назгулы, и гибельные взмахи их крыльев гасили последнюю надежду в сердцах.

Когда Гэндальф отверг условия Мордора, и тем самым обрек Фродо на несказанные мучения, Пин содрогнулся от ужаса, но потом овладел собой и теперь, стоя рядом с Берегондом в первом ряду воинов Гондора, хотел только умереть, раз уж все погибло. – Хорошо бы Мерри был здесь, – бормотал он, глядя как на них надвигаются вражеские полчища. – Теперь я понимаю несчастного Денетора. Мы с Мерри тоже могли бы умереть вместе. Но раз нет, значит, нет. Надеюсь, что его смерть будет полегче. А я сделаю, что смогу, пусть даже и не так много.

Он обнажил меч и всмотрелся в красные с золотом руны, начертанные на клинке. «Эх, – подумалось ему, – вот для кого он выкован – для этой образины, что похвалялась тут. Кабы я мог убить его, тогда, глядишь, и сравнялся бы с Мерри. Ну, что ж... Видно не судьба мне прославиться. Не пропадать же даром такому клинку. Хоть пару этих вражин я свалю. Хотелось бы мне еще разок увидеть солнышко и травку в Хоббитании!»

В этот миг на них обрушилась первая волна атакующих. Правда, передовые орки приостановились, влетев в болото перед холмами, и только осыпали осажденных градом стрел. Но сзади спешили, рыча как звери, горные тролли – огромные, покрытые твердой чешуйчатой шкурой – они держали в руках круглые черные щиты и тяжелые молоты. Болото не задержало их. Как буря налетели они на воинов Гондора и схватились с ними врукопашную. Берегонд от страшного удара зашатался и упал, а тролль, сваливший его, наклонился, протягивая жадные лапы. У этих гнусных созданий в обычае было перегрызать горло поверженным врагам.

Пин завизжал и изо всех сил ударил тролля снизу вверх. Украшенный нуменорскими рунами клинок легко пронзил грубую шкуру и глубоко вошел в огромное тело, отворив целый фонтан черной крови. Тролль покачнулся и рухнул, как утес, прямо на Берегонда и Пина. Мрак и боль захлестнули хоббита, и он ощутил, что проваливается в бездонную тьму.

«Значит, это и есть конец?» – Подумал он и засмеялся, радуясь, что страхи и тревоги окончились. Но перед тем, как окончательно кануть в забвение, он еще услышал, словно из далекого прошлого, чей-то знакомый голос, кричавший: «Орлы! Орлы летят!»

На мгновение Пин словно задержался на пороге беспамятства. «Бильбо! – Мелькнула мысль. – Это из его сказки. Хотя нет, из моей. И она окончилась. Прощайте все!» – И мир для него исчез.

КНИГА VI

9. КРЕПОСТЬ КИРИТ УНГОЛ

Сэм с трудом поднялся. В первую минуту он не мог вспомнить, где находится, а потом весь ужас и отчаяние разом нахлынули на него. Прямо перед ним в глубокой тени высились закрытые ворота крепости орков. Он помнил, как в отчаянии и ярости бросился на них, но что было дальше и сколько пролежал он здесь? Дрожа от холода, он подполз к воротам и приник к ним ухом.

Где-то за стенами ему слышались голоса орков, но вскоре отдалились или стихли. Превозмогая головную боль и радужные искры в глазах, Сэм заставил себя успокоиться и подумать. Не было времени ждать, пока ворота снова откроются. Надо спасти друга, даже если для этого придется погибнуть.

– Погибнуть – это скорее всего, да и легче всего, – мрачно сказал он себе, вкладывая в ножны Разитель. Медленно, почти ощупью, он вернулся в подземный ход, не решаясь достать подарок Галадриэли. Он шел и пытался обдумать все то, что произошло с ним после Перекрестка. Интересно, какое время дня сейчас?... и какой день? Скорее всего завтра уже наступило, а может и послезавтра... Он потерял счет дням в Стране Мрака, где время течет не так, как в обычном мире. Всякий, вступивший в эту страну, переставал существовать для оставшихся в мире.

– Интересно, что у них там делается? – он неопределенно махнул рукой перед собой. Но здесь, в подземельях Шелоб, он стоял теперь лицом на юг, а не на запад.

На западе же, в широком мире, приближался к полудню четырнадцатый день марта. Там Арагорн вел черный флот из Пеларгира, Мерри скакал по древней дороге с войском ристанийцев, В Минас Тирите вздымалось пламя, и Пин видел растущее безумие в глазах Денетора. Но среди всех этих тревог мысли друзей непрестанно обращались к Фродо и Сэму. О них не забывали, хотя друзья были слишком далеко, и их мысли не могли помочь Сэму. Он был совсем один.

С трудом добрался Сэм до устья пещеры, где все еще шевелились и развевались под холодным ветром лохмотья страшной паутины Шелоб. После душного мрака, оставшегося позади, Сэма охватила дрожь, но дыхание ветра было живительным. Хоббит осторожно выполз наружу. Кругом было зловеще тихо. Сумеречный свет ненастного дня еще приглушали тучи, летевшие из Мордора на Запад; огромный шатер из облаков и дыма, подсвеченный снизу тусклым багровым светом.

Сэм смотрел на крепость, и вдруг в ее узких окнах, словно красные глаза, сверкнул огонь. Может быть, это был сигнал... Недавнее возбуждение спало и вернулся страх перед орками. Но сколько не раздумывая, путь был единственный: надо искать вход в ужасную башню. Ноги у хоббита подкашивались, но все же, настороженно прислушиваясь и вглядываясь в густые тени утесов у тропы, он миновал место, где упал Фродо и еще чувствовался мерзкий запах Шелоб, и там, где ему повстречался отряд Шаграта и пришлось одеть Кольцо, остановился и сел. Казалось, двигаться дальше нет сил. За перевалом начиналась земля Мордора, и Сэм чувствовал, что оттуда уже не будет возврата.

Бездумно он достал Кольцо и снова надел его. Оно было тяжелым, и все сильнее и настойчивей чувствовал Сэм злобный взгляд. Око Мордора искало его, силясь проникнуть сквозь мглу, созданную для своей же защиты, а сейчас ставшую помехой, источником тревог и сомнений.

Как и прежде, слух мгновенно обострился, но мир словно выцвел и подернулся дымкой. Издали доносились стенания раненой Шелоб, но их заглушали крики и лязг металла. Сэм вскочил на ноги и прижался к утесу у края тропы. Ему показалось, что на подходе еще один отряд орков, но слух, усиленный Кольцом, обманул его: крики орков доносились из башни, левый зубец которой был теперь прямо у него над головой. Там творилось что-то недоброе. Может быть, несмотря на приказ, жестокость орков взяла верх и они мучают Фродо, или даже рвут его на части! Но чем дальше он вслушивался, тем сильнее разгоралась в нем искра надежды. В башне несомненно шла драка, орки ссорились между собой. Видно, отряды Шаграта и Горбага что-то не поделили. Сэм больше не колебался и с криком: – Я иду, Фродо! – побежал к вершине перевала. Тропа сразу же свернула влево и пошла круто вниз. Сэм вступил на землю Мордора.

Ощущая смутную опасность, он снял Кольцо.

– Лучше уж видеть, пусть самое худшее, чем спотыкаться в тумане, – пробормотал он.

Суровая, мрачная и безотрадная страна простиралась перед ним. У самых его ног гребень отрога Черных Гор круто обрывался в темное ущелье, другой его край был ниже и скалился черными утесами на фоне багровых отсветов. Далеко впереди, за обширным озером мрака, словно пылал гигантский костер. Над ним стояли столбы дыма, тускло-красные у основания, и угольно-черные вверху, там, где они сливались с клубящимся покровом, нависшим над всей проклятой страной. Это был Ородруин, Гора Ужаса. По временам пламя в глубинах ее пепельного конуса разгоралось ярче, и из трещин в склонах выплескивались огненные реки. Горящие потоки текли к Барад-Дуру, извивались по каменистой равнине, застывая, становились похожими на огромных, скрюченных драконов, извергнутых измученной землей.

В этих угрюмых сполохах Сэм стоял, окаменев от ужаса, потому что только теперь охватил взглядом всю могучую крепость Кирит Унгол. Рог, возвышавшийся над перевалом, был одной из самых ее высоких башен. С востока крепость вздымалась тремя большими террасами, с запада прилегал к огромному утесу, облепив его ярусами бастионов. Футах в двухстах внизу зубчатая стена окружала темное пространство. Юго-восточные ворота выходили на широкую дорогу, сразу поворачивавшую к югу, к Горгоратской равнине и дальше, к крепости Барад-Дур. Тропа, на которой стоял Сэм, крутыми уступами падала вниз, к хмурым воротам крепости.

Сэм вдруг понял, что крепость не столько преграждает дорогу в Мордор, сколько закрывает выход оттуда. Он вспомнил, что это одно из древних гондорских укреплений, восточный форпост обороны Итилиена времен Последнего Союза, когда люди запада стерегли страну Саурана, не давая злу вырваться в мир. Но внимание стражей ослабело, и Темный Властелин коварством овладел крепостью. Когда Саурон снова обосновался в Мордоре, крепость понадобилась ему, чтобы не дать своим рабам вырваться на свободу. Она же вставала на пути тех, кому удалось бы ускользнуть от бдительности Моргула и алчных лап Шелоб.

Сэм ясно понимал, как мало у него шансов миновать ворота. А если даже он и пройдет, дорога внизу наверняка охраняется; черные тени утесов не скроют от орков, видящих в темноте. Но как ни страшна дорога, его задача еще страшнее – не избежать ворот, а войти в них, войти и выйти, да еще выйти не одному.

Кольцо не помогало, а только усиливало тревогу. На виду у Ородруина, возле великого пламени, в котором оно родилось, сила и власть Кольца росли. Только могучая воля могла укротить его. Чувствуя тяжесть на шее, Сэм ощущал себя словно одетым в огромную искаженную тень самого себя, зловещей угрозой нависшую над Мордором. Либо терпеть Кольцо, как бы оно не терзало его, либо объявить своим и бросить вызов силе в мрачной крепости по ту сторону долины теней. Кольцо искушало его, подтачивая волю и разум, рождало безумные фантазии. Вот он, Сэм Скрамби, Сэм Могучий, Герой Всего Мира, скачет с пламенным мечом в руке, собирает войска и ведет их на Барад-Дур, вот разошлись тучи, засияло солнце, и по велению Сэма Горгоратская долина зазеленела и оделась садами. Надо только надеть Кольцо, объявить себя его хозяином и все сбудется!

В этот роковой час Сэма спасла не только преданность другу и ответственность за судьбы Средиземья. Простой здравый смысл говорил, что он не годится для таких свершений, даже если бы они не были только приманкой Врага. Маленький садик вольного садовника, а не сад величиной с королевство – вот что ему нужно. Ему достаточно своих рук, он не привык полагаться на слуг.

– Эти мечты – один обман, – ворчал он. – Если я надену Кольцо здесь, в Мордоре, Он увидит и прикончит меня. Не стоит и пробовать. Может и хорошо быть невидимым, да только уж лучше так...

Сэм сошел вниз. С каждым шагом он словно становился меньше, и уже через несколько минут на тропе был просто испуганный маленький хоббит. Теперь и без помощи Кольца он слышал за стеной крепости крики и шум сражения.

Сэм был уже на полдороги между тропой и воротами крепости, когда оттуда выскочили два орка. Даже не взглянув по сторонам, они бросились к главной дороге, но не сделав и десяти шагов, споткнулись, упали и остались лежать неподвижно. Сэм не видел стрел, но они могли вылететь только из ворот

крепости. В тени стены слева он не особенно боялся, что его заметят, его смущало другое. В каменной кладке, поднимавшейся перед ним футами в тридцати, не было видно ни трещинки, ни выступа. Нечего было и думать перелезть через нее. К тому же, заканчивалась она выступающим широким карнизом. Оставались только ворота.

Потихоньку приближаясь к ним, Сэм прикидывал, сколько же орков может быть в крепости. В отряде Шаграта было около сорока, вдвое меньше, чем у Горбага. Но отряд Шаграта был частью гарнизона крепости. Непонятно было, из-за чего они могли сцепиться между собой. Как ни гнал Сэм от себя эту мысль, но никакой другой причины, кроме имущества своего хозяина и самого Фродо, он придумать не мог. Сэм стал вспоминать, что у Фродо было с собой, и вдруг его прошиб холодный пот. «Да ведь на Фродо кольчуга из Мифрила!» – вспомнил он. А уж это ли не ценность для орков! Конечно, кто-то из них попытался завладеть ею, а другим это не понравилось. Перед таким искушением эти лиходеи забудут даже приказы Черной Крепости, а они одни только и охраняли жизнь Фродо до сих пор.

– Ну же, не трусь! – прикрикнул на себя Сэм. – Давай, надо идти, – с этими словами он выхватил из ножен Разитель и кинулся к открытым воротам. Но миновав высокую арку, он с размаху натолкнулся на невидимое препятствие. Что-то, куда сильнее его, преграждало путь. Сэм беспомощно оглянулся по сторонам и только тут заметил в тени ворот Стражей. Это были огромные, каменные истуканы: три сросшихся тела, три головы с лицами, обращенными на дорогу, внутрь крепости и на ворота. Стражи сидели на каменных тронах, их когтистые руки были сложены на коленях, каменные лица, напоминавшие хищных птиц, были озарены какой-то внутренней жизнью злобного бдительного духа. Стражи знали, кто их враг. Зримые или незримый, он не смог бы не войти, не выйти.

Сэм собрал все силы и рванулся вперед, но не продвинулся ни на дюйм. Тогда с мрачным отчаянием он медленно достал из-за пазухи фиал Галадриэли и поднял его вверх. Жемчужно-белый свет разросся, разгоняя тени под сводами, и ярко осветил уродливые лица и фигуры Стражей. Сэм успел уловить в их глазах злобное выражение и похолодел от страха, но тут же почувствовал, что злая воля, преграждавшая путь, тает и обращается в ничто. И тогда он снова ринулся вперед.

Миновав ворота и спрятав чудесный дар Владычицы Лориена на груди, он сразу почувствовал выросшую за спиной незримую стену. В тот же миг изваяния испустили короткий пронзительный вопль, эхом отдавшийся в каменных стенах. В ответ, высоко вверх, прозвучал одинокий дребезжащий удар колокола. Сэм был внутри крепости Кирит Унгол.

– Ну вот, – проворчал он, – я и позвонил у дверей. – Эй вы, там! – закричал он, с трудом заставляя голос не дрожать. – Скажите Шаграту, что явился великий воин, эльф с волшебным мечом!

Но ему не ответили. Сэм шагнул вперед, все еще сжимая в руке Разитель, и споткнулся обо что-то мягкое. Свету было мало, и он не сразу заметил, что весь внутренний двор крепости усеян трупами орков. Возле самых его ног валялись двое орков-стрелков. Руки их сжимали ножи, одновременно вонзенные в спины друг друга. Дальше лежали кто в одиночку там, где его свалил меч или стрела, кто по двое, еще вцепившись друг в друга... Все погибли в яростной схватке, до последнего вздоха рубя, душа, кусая. Камни были скользкими от черной крови.

Сэм заметил, что орки были одеты по разному: у одних на одежде был знак Багрового Ока, у других – Лунного Лика, но он не стал останавливаться и присматриваться. По ту сторону двора, у подножья башни была большая полуоткрытая дверь, оттуда исходило красноватое свечение, на пороге валялся мертвый орк. Сэм перешагнул через него и вошел, растерянно оглядываясь.

Широкий, гулкий коридор вел от двери внутрь. Он был тускло освещен факелами, горевшими в канделябрах по стенам, но дальний конец коридора тонул во мраке. По обеим сторонам располагалось множество дверей и проемов, но кроме двух-трех валявшихся на полу трупов, там было пусто. Из того, что Сэм подслушал в разговоре предводителей отрядов, он знал, что Фродо, живого или мертвого, нужно искать где-то на самом верху башни, но где именно?

– Наверное, ближе к задней стене, – пробормотал Сэм. – Вся крепость карабкается чем дальше от входа, тем выше. И уж, во всяком случае, надо придерживаться факелов.

Он двинулся по коридору. Шаги гулко отдавались в тишине, напоминая шлепанье огромных ладоней

по камню. Одиночество, трупы, сырые черные стены, в отсветах факелов словно окровавленные, страх, подстерегающие в тени или за дверью смерти, а в глубине души – ощущение зоркой злобы, поджидающей у ворот – это было слишком для Сэмовых сил. Он предпочел бы открытую схватку, лишь бы врагов было не очень много сразу. Он заставил себя думать о Фродо, лежащем где-то здесь, о Фродо, связанном и раненом или мертвом. Миновав освещенное факелами пространство, он приблизился к большой сводчатой двери в конце коридора – как он правильно догадался, это была внутренняя сторона нижних ворот, – как вдруг наверху раздался ужасающий хриплый вопль. Сэм так и застыл на месте. Потом он услышал приближающиеся шаги. Кто-то торопливо сбегал по гулкой лестнице сверху.

Воля Сэма не смогла остановить его руку, потянувшуюся к цепочке Кольца. Но он не успел надеть его: в тот самый миг, когда пальцы охватили цепь, по лестнице с лязгом и стуком скатился орк. Выскочив из теней ниши справа, он бежал прямо на Сэма и заметил его только когда был шагах в шести. Не маленького человечка, с трудом державшего меч в руке, увидел он перед собой, а высокую, темную, безмолвную тень со сверкающим длинным мечом в одной руке; в другой, прижатой к груди, скрывалась могучая и страшная угроза, для которой не было названия.

Орк, содрогнувшись от ужаса, с пронзительным воплем повернулся и бросился обратно. Сэм, донельзя обрадованный этой неожиданной победой, заорал и погнался за врагом.

– Ага! Что, видели Эльфа-воина! – кричал он. – Я иду! А ну, покажи мне дорогу наверх, или я изрублю тебя в куски.

Но орк был у себя дома, сытый и бодрый, а Сэм, голодный и утомленный, едва добрался сюда. Крутая лестница вилась бескончаемо, и Сэм начал задыхаться. Орк исчез из виду, лишь слабый топот слышался все дальше и дальше. Орк вопил от страха, и стены отзывались эхом. Но постепенно все звуки затихли.

Сэм не останавливался. Он чувствовал, что идет верным путем и это его очень подбадривало. Спрятав Кольцо и поправив пояс, он сказал себе: – Ну, ну, если они все так боятся нас с Разителем, то дело-то может еще и выгорит. Сдается мне, что Шаграт и Горбаг сделали почти всю работу за меня. Кроме этой испуганной крысы никого больше живого не видеть.

И тут он резко остановился, словно стукнувшись о каменную стену. До него дошел смысл собственных слов: никого живого! Чей же это вопль он слышал? – Фродо! Фродо, друг мой! – вскричал Сэм, почти рыдая. – Если тебя убили, что я буду делать? Я здесь, я пришел наконец! – и он бросился наверх, как на крыльях.

Лестница все поднималась и поднималась. Было темно, только изредка на повороте или на площадке встречались одинокие факела. Сэм пытался считать ступеньки, но после двухсот сбился. Теперь он шел тихо, ему казалось, что он слышит голоса где-то выше. Видно, в живых осталась не одна крыса. И вдруг, когда силы уже оставляли его, лестница кончилась. Он остановился. Голоса раздавались теперь близко и отчетливо. Сэм огляделся. Он стоял на плоской крыше третьего, самого высокого яруса башни: это была открытая площадка ярдов двадцати в диаметре, обнесенная низким парапетом. Лестница оканчивалась в маленькой сводчатой камере с низкими дверями на восток и на запад. На востоке Сэм увидел темную равнину Мордора и Огненную Гору вдаль. Из ее мрачных недр снова изливались багровые реки, пылавшие столь ярко, что даже на таком расстоянии по стенам башни трепетали блики. Вид на запад закрывало основание башни, вершина которой поднималась над гребнями окружающих гор. В узкое окошко лился свет. В десяти ярдах от себя Сэм увидел другую дверь, поменьше. Именно оттуда и слышались голоса. Но Сэм не сразу их услышал, пораженный зрелищем внизу. Весь дворик был усеян трупами орков, отрубленными головами, руками, ногами. Запах смерти стоял в воздухе. Яростное рычание, за которым последовали удар и крики, заставили Сэма отскочить в укрытие. Раздался гневный голос, который он узнал сразу: это мог быть только Шаграт, начальник крепости.

– Так ты говоришь, что больше не пойдешь туда, а? Будь ты проклят, Снага, гнусный червяк! Ты думаешь, раз я ранен, можно меня не слушать! Так ты ошибаешься! Подойди, я тебе глаза вырву, как сейчас Радбугу. А когда придет смена, уж я с тобой посчитаюсь. Отправлю к Шелоб, так и знай!

– Смена не придет, а если и придет, то ты ее не дождешься, – огрызнулся Снага. – Я же говорил тебе, что Горбаговы скоты подошли первыми к воротам, а из наших никто не успел выйти. Выбежали только Лагдуф и Музгаш, и их застрелили. Я видел из окна.

– Ну и убирайся! Я останусь. Но я ранен. Погибель на этого гнусного изменника Горбага! – Шаграт забормотал сплошные проклятья. – Я угостил его лучше, чем он меня, но пока я душил его, он успел ударить кинжалом, скотина! Иди! Иди, или я съем тебя! Нужно немедленно дать знать в Барад-Дур, иначе мы оба попадем в Черную Яму. Да, да, и ты тоже. Не надейся отсидеться здесь!

– Я не пойду вниз! – прорычал Снага, – мне плевать – начальник ты или нет! А ну, брось кинжал, а то получишь стрелу в бок! Тебе недолго осталось командовать. Как только Они услышат обо всем, что здесь случилось, тебе конец. Я защищал башню от этих моргульских крыс, а вы, двое начальников, вы все испортили, подравшись из-за добычи!

– Хватит! – резко оборвал его Шаграт. – У меня был приказ. Начал Горбаг, когда хотел стащить эту красивую рубашку.

– Да. А ты свалил его! Хотя ты и сильнее, а он был умнее тебя. Он же говорил тебе, что самый опасный из них еще на свободе, а ты не хотел слушать. И сейчас не хочешь. Горбаг был прав, говорю тебе! Тут, в крепости, могучий воин, один из этих кровожадных эльфов, а может даже – тарк. Он здесь, говорю тебе! Ты слышал колокол? Он прошел мимо Стражей, а кто кроме тарка мог это сделать? Сейчас он на лестнице. И пока он не уйдет, я не спущусь, будь ты хоть назгулом!

– А, вот ты как! – зашелся от гнева Шаграт. – Это ты будешь делать, а то – нет? А когда он придет, сбежишь и бросишь меня? Ну уж нет!

Из двери башни выбежал давешний орк. За ним гнался Шаграт, огромный, с такими длинными руками, что на бегу они задевали пол. Но одна рука висела бессильно, из нее текла кровь; другой он прижимал к себе большой сверток. В красном свете Сэм, притаившийся за дверью, на мгновение увидел его свирепое лицо: оно было изодрано, словно острыми когтями, и испачкано кровью. С торчащих клыков капала пена, и он рычал, как дикий зверь. Сэм наблюдал, как Шаграт гонялся за Снагой по всему дворику, пока тот не кинулся обратно в башню и не скрылся там. Тогда Шаграт остановился. Сэм хорошо видел, как он стоит у парапета, тяжело дыша, сжимая и разжимая лапу. Он положил свой сверток на пол, вытащил длинный кинжал и зачем-то поплевал на него. Потом перегнулся через парапет и дважды крикнул, но ответа не было.

И вдруг, пока Шаграт смотрел вниз, повернувшись спиной к площадке, Сэм с изумлением увидел, как одно из распростертых тел пошевелилось, а потом поползло. Оно протянуло когтистую лапу и вцепилось в сверток, шатаясь, поднялось. В другой руке у него был обломок копья с широким лезвием. Он замахнулся для удара. Но в этот миг у него сквозь сжатые зубы вырвалось шипение не то от боли, не то от злобы. Шаграт мгновенно как змея отпрянул, обернулся и всадил кинжал в горло врагу.

– Вот тебе, Горбаг! – вскричал он. Ты живой еще, да? Ну, я тебя прикончу!

Горбаг рухнул, как подкошенный. Удостоверившись в том, что он мертв, Шаграт запрокинул голову и разразился хриплым, торжествующим воплем. Потом облизал кинжал, взял его в зубы и, подхватив сверток, заковылял к ближайшей двери на лестницу вниз.

Сэму некогда было раздумывать. С этим орком нельзя было долго играть в прятки, и Сэм совершил то, что было, наверное, самым удачным поступком в его жизни: закричал и прыгнул навстречу Шаграту. Кольцо, пусть даже не надетое, ужасало всех рабов Мордора, в руке Сэм сжимал меч, поражающий орков нестерпимым блеском: так блестят безжалостные звезды в ужасной стране эльфов – самая мысль о них была кошмаром для всего проклятого племени. У Шаграта была только одна рука и для защиты и чтобы охранять свое сокровище. Он остановился и закричал, оскалив клыки, потом отскочив в сторону, как всегда делают орки, он сильно ткнул ему в лицо свертком, используя его как щит и как оружие. Сэм зашатался и не успел выпрямиться, как Шаграт метнулся мимо и загремел вниз по лестнице. Вскрикнув, Сэм кинулся было в погоню, но мысль о Фродо остановила его. Он вспомнил, что другой орк убежал в башню. Снова нужно было выбирать, а времени не было. Если Шаграт бежал, он вскоре вернется с подмогой. Но если гнаться за ним, другой орк может совершить в башне жуткое дело. К тому же, Шаграта уже не догнать. Сэм повернулся и побежал вверх. – Опять не так, наверное, – сказал он себе. – Но уж пусть я сначала поднимусь на самый верх, а там – будь что будет!

Далеко внизу Шаграт загремел, сбегая по лестнице, выбежал во двор и кинулся к воротам, не

выпуская своей драгоценной добычи. Если бы Сэм знал, сколько горя принесет это бегство, он бы заплакал. Но он мог думать только о цели своих поисков. Осторожно приблизившись к дверям, он шагнул через порог. Внутри было темно, но справа мерцал тусклый свет. Это светило окно, выходящее на другую лестницу, такую же темную и узкую; она поднималась спиралью, и где-то наверху горел факел.

Сэм осторожно начал подниматься. Он достиг капающего смолой факела, укрепленного над дверью, напротив узкого окна на запад; это и был один из красных глаз, которые они с Фродо видели снизу, от начала подземного хода. Сэм быстро миновал дверь и поспешил на второй ярус, все время боясь, что сзади вот-вот кто-нибудь накинется. Но вот лестница кончилась. Сэм прокрался в коридор. С обеих сторон здесь было по низкой двери, но обе – заперты. И нигде ни звука!

– Карабкался, карабкался, – пробормотал Сэм, – и забрался в тупик. Но это – не вершина башни. Что-то же должно быть дальше?

Он спустился на один ярус и попробовал дверь. Она не поддавалась. Тогда он снова взбежал наверх, весь в поту. Минуты уходили одна за другой, а он ничего не мог сделать. Сэм не думал больше о Шаграте, ни о Снаге. Ему нужен был только Фродо: хоть один его взгляд или прикосновение. И снова ему вспомнилось то, что он видел в Зеркале Галадриэли: себя самого, блуждающего по бесконечным коридорам и лестницам в поисках чего-то, самого важного в мире.

Наконец, усталый, окончательно обескураженный, он сел на ступеньку и уронил голову на руки. Было тихо, странно тихо. Факел затрепетал и погас, и Сэм почувствовал, как его заливают волны тьмы.

И тут, после всех напрасных поисков, во мраке отчаяния, Сэм, к собственному своему удивлению, начал тихонько петь. Голос у него был тонкий и дрожащий – голос одинокого, отчаявшегося хоббита. Он мурлыкал старые детские песенки, отрывки из песен, сочиненных Бильбо, мелькавшие у него в мыслях, как мимолетные видения родной страны. А потом вдруг в нем поднялись какие-то новые силы, голос окреп и неожиданно родились свои собственные слова, слившиеся с незатейливой мелодией. Он пел о том, что знал и любил: о весенней листве, о небе, о звездах, о радости лежать в густой траве под распускающимися ветвями. И вдруг ему почудился чей-то слабый ответный голос. Он прислушался. Все утихло. Нет, что-то слышно опять, но это не голос, это приближающиеся шаги.

Скрипнув, открылась дверь в коридоре наверху. Сэм затаился, прислушиваясь. Дверь закрылась, глухо стукнув, а потом послышался визгливый голос орка.

– Эй ты! Заткнись, грязная крыса! Брось пищу, а то я поднимусь и покажу тебе! Понятно?

Ответа не было.

– Ладно, – продолжал Снага, а это был именно он, – все равно я поднимусь поглядеть, что ты там делаешь.

Петли скрипнули снова, и Сэм, выглянув из-за угла, увидел свет, мелькнувший в открытой двери, и темный силуэт орка, несущего лестницу. Сэм вдруг догадался: в самую верхнюю камеру вела подъемная дверь в потолке коридора. Снага поставил лестницу, укрепил ее, и поднявшись, исчез из виду. Сэм услышал стук отодвигаемого засова. Потом противный голос заговорил опять: – Лежи смирно, иначе наплачешься! Думаю, тебе недолго придется жить тут спокойно. А чтобы ты не очень скучал, вот тебе задаток! – послышался звук, похожий на удар бича.

Сэма охватила бешенная ярость. Он мигом подбежал к лестнице и, как кошка, вскарабкался вверх. Лестница выходила в люк посреди большой круглой камеры. С потолка свисала красная лампа; проем выходившего на запад окна был высоким и темным. На полу под окном что-то лежало, над ним нависла черная фигура орка. Бич поднялся снова, но удара не последовало.

Сэм с криком прыгнул вперед и взмахнул Разителем. Орк быстро обернулся, но не успел и двинуться, как Сэм отрубил ему лапу с бичом. Взвыв от боли и страха, орк стремглав кинулся на него. Второй удар Сэма не достиг цели и, потеряв равновесие, он упал вместе с налетевшим на него орком. Еще не успев подняться, он услышал вопль и глухой стук: орк зацепился за выступающий конец лестницы и рухнул в открытый люк. Сэм тут же забыл о нем. Он бросился к лежащему под окном. Это был Фродо.

Он был без сознания. Голый, на груди грязного тряпья, рука прикрывала голову, а на боку виднелся

красный рубец от удара бичом.

– Фродо! Фродо, милый друг! – вскричал Сэм, обливаясь слезами. – Это я, Сэм! Я пришел! – он приподнял тело и прижал к груди. Фродо открыл глаза.

– Опять сон? – чуть слышно пробормотал он. – Но другие сны были страшные...

– Нет, не сон! – всхлипывал Сэм. – Это я, настоящий. Я пришел!

– Мне не верится, – прошептал Фродо, крепко ухватившись за него. – Только что был орк с бичом, а вдруг превратился в Сэма... Значит, мне не приснилось, когда я слышал твоё пение внизу и хотел ответить? Это был ты?

– Конечно, я. Я уже почти потерял надежду. Я никак не мог найти вход сюда. – Ну вот, теперь ты нашел, Сэм, милый, – произнес Фродо и улегся в заботливые объятия Сэма, закрыв глаза, как ребенок, ночные страхи которого развеяны любимым голосом или прикосновением.

Сэм чувствовал, что может сидеть так бесконечно, в полном блаженстве, но это было невозможно. Найти друга мало, нужно еще спасти его. Он поцеловал Фродо в лоб. – Очнись, Фродо! – прошептал он, стараясь говорить так же весело, как бывало в Торбе-на-Круче, когда он распахивал окно летним утром.

Фродо вздохнул, открыл глаза и сел. – Где мы? Как я попал сюда?

– Некогда рассказывать, надо уходить скорее, – волнуясь, сказал Сэм. – Мы на вершине башни, той самой, которую видели от подземного хода. Потом орки схватили вас... я не знаю, когда? Может, вчера, а может, позавчера...

– Вчера? – переспросил Фродо. – А мне кажется, прошли уже недели. Что-то ранило меня, верно? И я спал и видел страшные сны, а потом проснулся, – а действительность еще страшнее. Везде орки. Кажется, они лили мне в горло какое-то отвратительное питье. Я был слабый и было больно... Они раздели меня, а потом два огромных, страшных, стали допрашивать и допрашивали, пока я не почувствовал, что схожу с ума. Они стояли надо мной и рычали, и хватались за кинжалы. Никогда не забуду их когтей!

– Не забудете, если будете вспоминать, – сказал Сэм. – Но если мы не хотим снова увидеться с ними, надо уходить. Можете вы идти?

– Да, могу, – ответил Фродо, медленно вставая. – Я не ранен, Сэм. Только очень устал, и вот здесь больно, – он прикоснулся к шее сзади у левого плеча. Сэму показалось, что он одет в пламя: лампа, свисавшая сверху, заливала его обнаженное тело алым светом. Он сделал по камере несколько шагов.

– Вот так лучше, – сказал он, приободрившись. – Я боялся двигаться, пока был один. А потом начались крики, драка. Кажется, они перессорились из-за меня и моих вещей. Я испугался и лежал совсем тихо. А когда все кончилось, стало еще страшнее.

– Да, похоже, они передрались: их здесь было сотни две, этих мерзких тварей. Пожалуй, многовато для меня одного! Но они сами управились. Это, конечно, хорошо, но уходить все-таки надо, и побыстрее. Только не нагишом же вам идти...

– Они все отняли у меня, Сэм, – с отчаянием произнес Фродо. – Все, ты понимаешь? Все! – он снова опустился на пол, поникнув, словно только сейчас понял всю глубину постигшего его несчастья. – Мы разбиты, Сэм. Даже если мы выйдем отсюда, нам не спастись. Да и незачем спасаться. Может, эльфам еще удастся уйти за Море...

– Нет, Фродо, нет, мы еще не разбиты! Я взял его у вас, простите меня. И я его сберег. Вот оно, здесь, на шее, и оно ужасно тяжелое, – Сэм нащупал на груди цепочку Кольца. – Но теперь, я думаю, вы возьмете его обратно.

– Оно у тебя?! – вскричал Фродо. – У тебя, здесь? Сэм, ты – чудо! – Но вдруг его тон мгновенно и страшно изменился. – Отдай! – крикнул он, вскочив и протянув дрожащую руку. – Отдай сейчас же! Тебе нельзя его трогать!

– Хорошо, Фродо, – ответил удивленный и испуганный Сэм. – Вот оно.

Он медленно достал Кольцо и снял с шеи цепочку. – Мы теперь в Мордоре. Когда вы выйдете отсюда,

то увидите – Ородруин совсем близко. Кольцо стало трижды опасным и очень тяжелым. Если вам будет слишком трудно с ним, может, я помогу... то есть я ведь могу... если вы понимаете, что я хочу сказать.

– Нет, нет! – вскричал Фродо, выхватывая у Сэма из рук Кольцо. – Нельзя! Ты – вор! – он задыхался, не сводя с Сэма испуганных и злобных глаз. Потом вдруг стиснул Кольцо в кулаке и побледнел. Взгляд у него прояснился, и он провел рукой по лбу. Опять он принял за действительность страшное видение, помстившееся его затуманенному сознанию: у него на глазах Сэм превратился в орка, в гнусное существо с алчным взглядом и истекающим пеной ртом, протягивающее лапы к его сокровищу. Но видение тут же исчезло. Перед ним на коленях стоял Сэм с глазами, полными слез, с такой мукой на лице, словно его смертельно ранили.

– О, Сэм! Что я сказал? Что я сделал? Прости меня! После всего, что ты совершил... Это Кольцо! Оно виновато! Лучше бы его никто никогда не находил! Ладно, не бойся за меня, Сэм! Я должен нести свое бремя до конца, мне нельзя делить его ни с кем. Не надо становиться между мной и моей судьбой.

– Хорошо, Фродо, – всхлипнул Сэм, утирая глаза рукавом. – Я понимаю, но ведь я все-таки могу помочь, правда? Могу вывести вас отсюда... прямо сейчас же. Только сначала нужно достать одежду, оружие и еду. С одеждой – это просто. Раз мы в Мордоре, то и одеваться должны по-мордорски, все равно другого выбора нет. Боюсь, вам придется переодеться орком. Да и мне тоже. Если мы пойдем вместе, нам же легче будет. А пока наденьте вот это.

Он расстегнул свой серый плащ и накинул его на плечи Фродо. Потом снял сумку и положил на пол, достал из ножен Разитель: лезвие по краям слабо багровело.

– Я и забыл, Фродо. Нет, они не все отняли у вас. Вот и Разитель, вы сами мне его отдали, если помните, и склянка из Лориена. Но пусть побудут у меня еще некоторое время. Я пойду, поищу, что смогу. А вы оставайтесь здесь. Походите немного, чтобы размяться. Я скоро вернусь.

– Ты поосторожнее, Сэм, – заботливо предупредил Фродо, – и недолго. Здесь могут быть еще и живые орки...

– Придется рискнуть, – ответил Сэм. Он шагнул к открытой двери и мигом спустился по лестнице. Однако через минуту его голова появилась снова, и он бросил на пол длинный кинжал.

– Пригодится, – сказал он. – Это – того орка, что ударил вас; он сломал себе шею. И, вот что, втащите-ка лестницу наверх, и не опускайте, пока не услышите моего пароля: «Элберет». Ни один орк не сможет произнести этого пароля.

Некоторое время Фродо сидел, дрожа, и в душе у него одни страхи сменялись другими. Потом он встал, закутался в эльфийский плащ, и начал расхаживать взад и вперед по своей темнице.

Прошло много времени – Фродо показалось – не меньше часа, и голос Сэма тихонько окликнул снизу: – Элберет!

Фродо опустил лестницу, и Сэм, отдуваясь, поднялся наверх, неся на голове тяжелый тюк.

– Теперь быстро, Фродо, – произнес он. – Это должно подойти нам. Я не встретил никого живого, но мне что-то беспокоит. Такое чувство, что за этим местом следят. Не могу объяснить вам, ну, вроде как тут летает один из этих Черных Всадников, высоко летает, нам его не видать, а все-таки он тут.

Сэм развернул тюк. Фродо посмотрел на вещи с отвращением, но выбора не было: либо одеваться, либо остаться голым. Он надел лохматые, из какого-то грязного меха, штаны и грязную кожаную рубашку. Поверх нее – плотную кольчугу и подпоясал ее поясом с коротким широким мечом. Сэм принес несколько шлемов, и Фродо выбрал один – черный колпак с железным, обшитым кожей ободком. На клювоподобном забрале был изображен знак Ока.

– Одежда моргульских орков из отряда Горбага была бы удобнее, – заметил Сэм, – но кажется, их знаки в Мордоре не годятся, особенно в таком деле, как наше. Ну вот, Фродо, прекрасный невысокий орк из вас получился! Если бы еще закрыть лицо и вытянуть руки подлиннее, да ходить на кривых ногах – было бы совсем хорошо. Вот это прикроет недостатки, – он накинул Фродо на плечи длинный черный плащ. – Готово! А щиты возьмем, когда выйдем отсюда.

– А ты, Сэм? – спросил Фродо. – Мы же должны выглядеть одинаково.

– Хорошо бы, коли так, – отозвался Сэм. – Но мне лучше не оставлять здесь ничего из своих вещей, а как их уничтожишь? Оркову кольчугу поверх всей моей одежды не надеть. Остается только прикрыть ее.

Он опустил на колени и тщательно свернул свой серый плащ. Получился на удивление маленький сверток, который он спрятал в сумку. Поднявшись, он надел шлем, а на плечи накиннул другой черный плащ. – Вот так! Теперь мы с вами достаточно похожи. Можно идти.

– Только знаешь, Сэм, не очень быстро, хорошо? – слабо улыбнулся Фродо. – Неплохо бы еще разузнать насчет попутных трактиров. Ты, видно, забыл, но есть-пить изредка надо, верно?

– Да, признаться, забыл! – Сэм огорченно вздохнул. – Честное слово, Фродо, с тех пор, как вы исчезли, у меня во рту маковой росинки не было. Я забыл обо всем, пока вас искал. Но дайте подумать! Когда я смотрел в последний раз, от припасов Фарамира оставалось еще кое-что. При экономном расходе, с неделю продержаться можно. А вот воды у меня во фляжке на глоток, не больше. На двоих не хватит, конечно. Да что, разве орки не едят, не пьют? Или они питаются только дымом да ядом?

– Нет, Сэм, и едят и пьют. Мрак, из которого они вышли, не может создать ничего настоящего. Думаю, это не он породил их, разве только изуродовал тела и души. Если они хотят жить, то и питаться должны, как всякие живые твари. Они не откажутся от гнилой пищи и тухлой воды, но дым все-таки не едят. Они ведь кормили меня. Здесь где-то должна найтись и вода и пища.

– Но искать некогда, – торопился Сэм.

– Ладно, сейчас идем. Пока тебя не было, мне тоже повезло кое в чем. Они действительно взяли не все. Я нашел свою сумку с провизией. Они, конечно, рылись в ней, но, видно, эльфийские лепешки понравились им еще меньше, чем Горлуму. Они только расшвыряли их, но пропало не так уж много. А вот фляжку пробили.

– Ну, так и говорить не о чем. Пока нам хватит, вот только с водой трудно придется. Идемте, Фродо! Уйдем отсюда, иначе и целое озеро нам не понадобится.

– Пока не съешь хоть кусочек, Сэм, – твердо сказал Фродо, – я не сделаю ни шагу. Вот, ешь эту лепешку и допей все из своей фляжки. Наши дела так плохи, что нет смысла беспокоиться о завтрашнем дне, он может и вовсе не наступить.

Наконец они собрались в путь. Лестницу Сэм убрал за собой и положил в коридоре рядом с трупом орка. На ступенях в башне было темно, но выйдя на плоскую крышу, они могли еще видеть отсвет горы, хотя и сильно потускневший. На площадке крыши беглецы выбрали себе по щиту, и двинулись дальше.

Они спустились по большой лестнице. Оставшаяся позади камера в башне казалась им почти уютной. Теперь скрыться было негде, а стены вокруг дышали ужасом. Быть может, в крепости Кирит Унгол и не было больше никого живого, но она сама была – воплощенное зло.

Достигнув двери, ведущий во внешний дворик, они остановились. Здесь уже ощущалась злобная воля безмолвных Стражей ворот. Когда беглецы пробирались между трупами орков, то каждый шаг давался им со все большим трудом. Не доходя до ворот пришлось остановиться. Продвинуться дальше хоть на дюйм было выше всяких сил.

Фродо слишком ослабел для подобной борьбы. Он сел.

– Я не могу больше, Сэм. Мне очень плохо. Не знаю, что со мной.

– Зато я знаю, Фродо. Вставайте. Это ворота, а на них – злые чары. Но я же вошел, значит, и выйти можно. Хуже, чем было, не будет. Ну, идемте!

Сэм снова достал звездный фиал. Словно воздавая честь его отваге, светильник своим великолепием венчал верную, загорелую руку, совершившую столько подвигов. Яркий небесный свет разлился по двору. Все вокруг стало четким и ясным, как при свете затянувшейся молнии.

– Элберет! – вскричал Сэм, неожиданно вспомнив встреченных еще в Хоббитании эльфов, отогнавших тогда Черных Всадников. – Эльберет и Лучизнь! – воскликнул и Фродо, шаг в шаг идя за Сэмом. Воля Стражей исчезла на этот раз так внезапно, словно лопнула струна, и Фродо с Сэмом чуть не повалились на

землю. Потом они стремглав ринулись в ворота мимо огромных сидящих изваяний со сверкающими глазами. Раздался треск. Верхний камень свода обрушился им почти на пятки, и стена рухнула, рассыпаясь обломками. Они чудом ускользнули от гибели. Зазвонил колокол и Стражи разразились пронзительным, жалобным криком. Высоко вверху из мрака послышался ответный крик. С черного неба, как молния, упала крылатая тень, разрывая тучи ледящим душу воплем.

10. В СТРАНЕ МРАКА

Выбежав из крепости, Сэм снова спрятал склянку у себя на груди.

– Бегом, Фродо! – крикнул он. – Нет, не туда, там обрыв. Сюда, за мной!

Они бежали по дороге, спускавшейся от ворот. Шагов через пятьдесят она круто свернула за один из бастионов, заслонив их от взглядов Крепости. На время они были спасены. Прислонившись к каменной стене, они переводили дыхание, и вдруг оба схватились за сердце: на развалинах ворот, словно огромный гриф, сидел назгул и жутко орал. Утесы вокруг отзывались эхом.

Беглецы в ужасе поспешили дальше. Вскоре дорога снова круто свернула к востоку, и на один ужасный миг снова открылась крепость. Метнувшись в сторону, они успели увидеть на стенах огромную черную тень, потом спрыгнули между утесов на тропинку, круто спускавшуюся к Моргульской дороге. Орков не было видно, никто не отвечал на крики назгула, но конечно, тишина не могла продержаться долго и погони было не миновать.

– Так не годится, Сэм, – задыхаясь сказал Фродо. – Будь мы настоящими орками, нам нужно было бы спешить в крепость, а не прочь от нее. Первый же встречный опознает нас. Нужно уходить с этой дороги.

– Но мы не можем, – чуть не плача отозвался Сэм. – У нас ведь нет крыльев.

Восточные склоны Черных Гор обрывались отвесными утесами в темную лощину между хребтами. Недалеко от слияния дорог, после нового крутого спуска, путь преградила пропасть. Через нее перекинулась каменная арка моста. За ним дорога уходила в сплошной лабиринт утесов и пропастей. Из последних сил Фродо и Сэм кинулись к мосту, но не успели перебежать его, как позади раздались крики и шум. Крепость была уже далеко, ее тускло светившиеся окна чуть виднелись. Там снова ударил хриплый колокол и раскатился оглушительный трезвон. Затрубили рога. Далеко за мостом им ответили крики. В темной лощине, отрезанные от гаснущих огней Ородруина, Фродо и Сэм ничего не видели впереди, но уже слышали топот железных башмаков, а по дороге дробно щелкали подковы.

– Живо, Сэм, прыгаем! – крикнул Фродо. Они вскочили на низкий парапет моста. К счастью, больших пропастей здесь не было, но темнота мешала определить глубину.

– Была не была! – крикнул Сэм, – прощайте, сударь!

Он прыгнул, Фродо тут же прыгнул за ним. Еще во время прыжка они слышали топот всадников по мосту и бегущих за ними орков. Приземлившись, Сэм едва не расхохотался. Хоббиты прыгали в бездонную пропасть, полную острых камней на дне, но пролетев не больше десяти футов угодили в то, чего никак не могли ожидать: в густой колючий кустарник. Сэм боялся шевельнуться и сидел тихо, зализывая исцарапанную руку.

Когда шум наверху смолк, он отважился на шепот: – Честное слово, Фродо, я и не знал, что в Мордоре что-нибудь растет. Но уж если что-то и должно расти, то именно такая гадость. Это не колючки, а копы, они прокололи насквозь и плащ и куртку! Жалко, что я без кольчуги!

– Кольчуга тоже не спасает, – ответил Фродо, – и кожаная рубашка...

С большим трудом они выдрались из колючих зарослей. Колючки и ветви были крепкими, как проволока, и цепкими, как когти. Беглецы изодрали плащи, пока освободились.

– Теперь вниз, Сэм, – прошептал Фродо. – Скорее вниз, в долину, а там свернем на север, как только сможем.

Во внешнем мире снова начался день и далеко за пределами Мордора на востоке всходило солнце, но здесь было по-прежнему темно, как ночью. Гора погасла. Восточный ветер, дувший с тех пор, как они покинули Итилиен, утих. Медленно, на ощупь, они спускались среди камней и кустов, в кромешной тьме, все ниже и ниже, пока усталость не заставила их остановиться. Тогда они сели рядом, прислонившись спиной к большой каменной глыбе. Сэм вытер пот и сказал: – Если бы сам Шаграт принес мне стакан воды, я пожал бы ему лапу.

– Не говори так, – остановил его Фродо, – от этого только хуже. – У него закружилась от усталости

голова, он лег и некоторое время молчал. Потом с трудом приподнялся и с изумлением увидел, что Сэм спит.

– Проснись, Сэм, – позвал он, – вставай! Нам нужно сделать еще одно усилие.

Сэм с трудом поднялся. – Ну вот, – пробормотал он, – я, кажется, задремал. Давно уже не спал по-настоящему, вот глаза и закрываются сами собою.

Теперь Фродо шел впереди, и пробираясь среди камней и валунов, густо усеивавших дно долины, пытался не потерять направление на север. Но вдруг он остановился.

– Это бесполезно, Сэм, – задыхливо произнес он. – Я не выдержу. Эта кольчуга меня доконает. Даже моя, из мифрила, казалась тяжелой, когда я уставал. А эта гораздо тяжелее. И какая от нее польза? С боем мы к цели не прорвемся.

– С боем или без боя, – возразил Сэм, – но есть еще кинжалы и случайные стрелы. И Горлум еще жив. Нельзя, чтобы между вами и ударом из темноты не было ничего, кроме кожаной рубашки.

– Послушай, Сэм, милый, – сказал Фродо, – я устал и больше ни на что не надеюсь. Но я все равно буду идти к Горе, пока могу двигаться. С меня хватит одного Кольца. Этот лишний груз меня доконает. Я знаю, чего тебе стоило найти для меня кольчугу и все остальное, но я не могу больше...

– Ладно, Фродо, не надо. Я бы понес вас... Ладно, бросим эту тяжесть.

Фродо снял плащ, потом кольчугу и отбросил ее подальше. Он дрожал.

– Хорошо бы что-нибудь теплое... Становится холодно или меня знобит.

– Возьмите мой плащ, Фродо, – предложил Сэм. Он развязал сумку и достал оттуда серый эльфийский плащ.

Фродо оделся. – Вот это лучше! Теперь я могу идти. Но этот мрак проникает мне в самое сердце! Когда я лежал в темнице, Сэм, то пытался вспомнить Брендибуин, и Кроличью Балку, и воду, бегущую на мельнице в Исторбинке. Но сейчас я их не вижу!

– Ну вот, Фродо, теперь и вы заговорили о воде, – грустно улыбнулся Сэм. – Если бы Галадриэль могла нас видеть, я бы сказал: «С Вашего позволения, нам нужны только свет и вода, они лучше всяких драгоценностей». Но до Лориена далеко, – он вздохнул и махнул рукой в сторону Черных Гор, чьи вершины едва угадывались на стылой черноте небес.

Они снова двинулись в путь, но не успели пройти и нескольких шагов, как Фродо остановился. – Над нами Черный Всадник, – прошептал он. – Я его чувствую. Лучше переждать.

Притаившись за большим камнем, они настороженно посматривали на запад. Потом Фродо облегченно вздохнул: – Улетел!

Они встали и ахнули. Далеко на юге небо серело, черные вершины горного хребта начали проступать все явственнее. Там, позади, разгорался свет, растекаясь к северу. Было похоже, что где-то высоко в небесах шло сражение. Клубящиеся тучи Мордора отступали, их края лохматились и рвались, и ветер из живого мира гнал их назад к мрачному логову. Из-под складок темного полога в Мордор проник слабый свет, словно бледное утро сквозь пыльное окошко тюрьмы.

– Смотрите, Фродо, – вскричал Сэм, – смотрите! Ветер переменился. Что-то происходит! Не все идет так, как ему хочется! Его мрак отступает. Хотел бы знать, в чем тут дело!

Это было утро пятнадцатого дня марта. Над долиной Андуйна вставало солнце, дул юго-западный ветер. На Пеленнорской долине умирал Теоден.

Пока Фродо и Сэм смотрели, светлая полоса распространилась вдоль всех Сумрачных Гор, и на ее фоне они увидели черную точку, быстро приближающуюся с запада. Она росла, как молния влетела под мрачный полог туч и пронеслась высоко у них над головами. В небе раздался пронзительный крик назгула. Но этот крик уже не внушал ужаса: в нем были скорбь и отчаяние. Предводитель Рабов Кольца встретил свою судьбу.

– Не говорил ли я! Там что-то происходит, – встревожено пробормотал Сэм. – «Война идет хорошо», –

говорил Шаграт, но Горбаг сомневался. И пожалуй был прав. По-моему, все не так уж плохо, а, Фродо? Может быть, надежда все-таки есть...

– Вряд ли, Сэм, – вздохнул Фродо. – Это за горами, далеко. К тому же мы идем на восток, а не на запад. Я устал, я так устал! И кольцо все тяжелее, Сэм. Я все время вижу его мысленно, оно как огромное огненное колесо.

Оживление Сэма пропало. Он обеспокоенно взглянул на друга и взял его за руку. – Смелее, Фродо! – сказал он. – Я вот уже получил, что хотел: немного света. Этого довольно, чтобы помочь нам, вот только не было бы это опасно! Давайте пройдем еще немного, а потом устроим привал. Но сейчас съешьте хоть что-нибудь, ну, хоть кусочек лепешки, это вас подкрепит.

Поделив лепешку и стараясь ее помедленнее жевать, они пошли дальше. Хотя света было не больше, чем в серые сумерки, его все же хватало, чтобы видеть глубокую лощину, по которой они брели. Она отлого поднималась к северу, и ее дно было руслом высохшего потока. За ним виднелась тропа, извивавшаяся вдоль подножья западных утесов.

Для хоббитов тропа была опасна, но выбора не было. Нужно было спешить, а Фродо чувствовал, что не сможет больше карабкаться между каменными глыбами по бездорожью. Он считал, что именно в северном направлении преследователи меньше всего будут искать их. На дороге к востоку на равнине или на перевале, на западе – вот где их будут искать. Только уйдя далеко на север от Крепости, он рассчитывал свернуть и искать тропу на восток, – к последнему страшному этапу пути. И так, они перешли каменное русло, вышли на тропу и некоторое время шли по ней. Утесы снова нависали у них над головой, прикрывая от взгляда сверху, но тропа делала множество поворотов и за каждым могла поджидать опасность.

Света не прибавлялось, потому что Ородруин продолжал извергать тучи дыма. Уносимый вверх противоположными ветрами, дым поднимался все выше, пока не достигал спокойного воздуха и не растекался огромным шатром, центральная опора которого поднималась из тьмы за горизонтом. Они брели уже больше часа, когда услышали звук, заставивший их остановиться. Невероятно, но где-то рядом журчала вода! Из расселины слева текла струйка – последние остатки какого-то сладостного дождя, рожденного озаренными солнцем морями, но обреченного пролиться над Черной Страной и теперь бесплодно стекающего в придорожную пыль. Вода сочилась из скалы, пересекала тропу и быстро исчезала среди мертвых камней.

Сэм кинулся к ней. – Если я увижу Галадриэль снова, я скажу ей! – вскричал он. – Свет, а теперь и вода! – тут он остановился. – Дайте мне попить первому, Фродо.

– Пей. Но ведь здесь хватит обоим...

– Да я не о том, – возразил Сэм. – Я думал, если она ядовитая или еще что-нибудь такое, то лучше пусть буду я, если вы понимаете, про что я толкую.

– Понимаю. Все-таки будь осторожен, если она очень холодная.

Вода была холодная, но не ледяная, и вкус у нее был неприятный, и горький и маслянистый одновременно. Сэм обязательно так и сказал бы, будь он дома. Но здесь это была прекрасная вода. Они напились вдоволь, и Сэм еще наполнил фляжку. После этого Фродо почувствовал себя лучше, и они прошли еще несколько лиг, пока дорога не стала шире. По краям появилась грубая ограда, значит, неподалеку была еще одна крепость.

– Вот здесь мы свернем, Сэм, – сказал Фродо, – свернем на восток, – он вздохнул, глядя на мрачный гребень по ту сторону долины. – Я очень устал. Надо поискать укрытие.

Ручей был теперь ниже тропы. Переходя его, они с удивлением увидели множество маленьких прудков, питаемых откуда-то сверху. По внешнему краю, вдоль западных гор Мордор был умирающей страной, но он еще не умер. Здесь попадались даже кое-какие растения, жесткие, искривленные, горькие, отчаянно боровшиеся за жизнь. На склонах по ту сторону долины цеплялись за камни низкорослые, похожие на кустарник деревья, между камней пробивались пучки жесткой травы, по камням стлался жесткий мох, и повсюду, где только можно, извивались колючие спутанные лозы. Одни были вооружены длинными острыми колючками, другие – зазубренными шипами, резавшими как ножи. На них висели

выцветшие сморщенные прошлогодние листья, изъеденные гусеницами почки только-только раскрывались. Жужжали и кусались мухи, бурые, серые и черные. У них было красное, наподобие глаза пятно на крыльях, как на плащах у орков. Над зарослями колючек висели тучи голодных комаров.

– Одежды орков мало, – ворчал, отмахиваясь Сэм. – Лучше бы у меня была их шкура.

Наконец Фродо остановился, так и не дойдя до седловины хребта.

– Мне надо отдохнуть, Сэм, – еле выговорил он, – и поспать, если смогу, – он огляделся, но никакой зверь не посмел бы забраться в эту унылую местность. Усталые донельзя, они заползли под куст колючих лоз, свисавших с выступа камня, словно циновка.

Надо было поесть. Оберегая драгоценные лепешки на черный день, они съели половину оставшихся фарамировых припасов: несколько сушеных плодов и кусочек вяленного мяса, и выпили немного воды. По пути они пили из черных луж в долине, но сейчас жажда опять мучила их. В воздухе Мордора стояла какая-то горечь, она иссушала рот. Сэму даже думать о воде было страшно, потому что впереди их ждала еще ужасная Горгоратская равнина.

– Спите вы, Фродо, – сказал он. – Темнеет опять. Кажется, день уже кончается.

Фродо вздохнул и уснул, едва дослушав его слова. Сэм с трудом боролся с усталостью. Он взял Фродо за руку и тихо сидел так до глубокой темноты, а тогда, чтобы не уснуть, выполз из укрытия и огляделся.

Вокруг что-то трещало и шелестело, но ни голосов, ни шагов не было слышно. Далеко на западе, над Черными Горами, ночное небо казалось тусклым и бледным. Потом в разрыве туч над темной горной цепью, Сэм увидел мерцающую белую звезду. Ее красота пронзила его и в этой проклятой стране он почувствовал крепнущую в сердце надежду. Ибо подобно молнии сверкнула в нем мысль о том, что Мрак, в конце концов, не вечен, и что есть в мире свет и красота, до которых никакому мраку не добраться. В этот миг собственная судьба и даже судьба Фродо перестали его тревожить. Он заполз обратно в укрытие, улегся рядом со своим другом и, забыв о ночных страхах, погрузился в глубокий сон.

Они проснулись вместе, держась за руки. Сэм чувствовал себя бодрым и готовым к новому дню, но Фродо был печален. Спал он беспокойно, сном, полным огненных видений, и пробуждение не радовало его, но все же Фродо чувствовал себя сильнее и мог дальше нести свое бремя. Они не знали, сколько времени проспали и где сейчас солнце, но подкрепившись и выпив воды, полезли вверх по склону. Вскоре он кончился каменистой осыпью. Тут последние живые создания отказались бороться, вершины вокруг были бесплодными и сухими, как черепица.

После долгих блужданий и поисков, они отыскиали путь наверх и последнюю сотню футов ползли на четвереньках. Пройдя по расщелине меж двух черных утесов, они оказались на самом краю последней ограды Мордора. Внизу, у подножья обрыва футов в полтора, широко раскинулась внутренняя равнина, терявшаяся в сумрачной дали. Ветер теперь дул с запада и нес тучи на восток. Перед ними была сумрачная Горгоратская равнина. По земле стлался дым, скапливался во впадинах, курился из трещин в почве.

Еще дальше, лигах в сорока, вздымался Ородруин – с подножием, утонувшем в пепле, с вершиной, окутанной тучами. Страшная гора дремала, грозная и опасная, как спящее чудовище. Позади нее клубилась зловещая тень, и в этой тени укрылся Барад-Дур, вросший в отрог Изгарных Гор. Темная Сила глубоко задумалась, и ее Око обратилось внутрь, созерцая видения, гнетущие сомнением и страхом. Ей виделся сверкающий меч и суровый царственный лик, все остальное на некоторое время стало неважным. Твердыня Зла со всеми своими башнями и воротами укуталась угрюмым сумраком.

Фродо и Сэм смотрели на эту проклятую страну со смешанным чувством ненависти и восхищения. Между ними и дымящейся Горой простиралась выжженная голая пустыня. Было совершенно непонятно, как Владыка этой страны кормит и одевает свои войска и рабов. А войска у него были. На сколько хватало глаз, по склонам и дальше к югу виднелись лагеря, то палаточные, то похожие на маленькие крепости. Один из самых крупных был прямо под ними – огромный муравейник с прямыми рядами хижин и длинных, низких, унылых домов. Лагерь и его окрестности кишели народом; широкая дорога отходила на юго-восток, сливаясь с дорогой на Моргул, и по ней сновало множество крошечных черных фигурок.

– Мне этот вид совсем не нравится, – проворчал Сэм. – Довольно безнадежно, если не считать, что

там, где так много народу, должна быть и вода, не говоря уже о пище. И это все люди, а не орки, если меня глаза не обманывают.

Ни он, ни Фродо ничего не знали об обширных, возделываемых рабами полях на юге страны, – за пределами дымов Ородруина, не знали они и о больших дорогах, идущих на восток и на юг, в подчиненные страны. По этим дорогам воины гнали длинные караваны фургонов с припасами, добычей и новыми рабами. Здесь в северных областях были рудники и кузницы, здесь скапливались запасы для давно задуманной войны, и здесь Темный Владыка, двигая свои армии, как пешки по доске, собирал и стягивал их для предстоящих ударов. Его первые ходы, первые пробы его мощи были отбиты на западной границе, сейчас он собирал новые силы, концентрируя их вокруг крепости Кирит Горгор для нового удара. Если бы ему даже пришла на ум мысль защищать Гору от кого бы то ни было, едва ли он смог бы сделать больше.

– Ну, вот, – продолжал Сэм, – если у них там и есть запасы, вряд ли они с нами поделятся. Спуска здесь нет, насколько я вижу. Да и зачем спускаться? Все равно нам не перейти равнину, разве что по головам этих татей.

– Попытаться все-таки нужно, – ответил Фродо. – Это не самое худшее. Я никогда не надеялся, что мне удастся пересечь равнину, не вижу никакой надежды и сейчас, но сделаю все, что смогу. Главное – не дать больше захватить себя. Пойдем дальше на север, посмотрим, не сужается ли равнина где-нибудь.

– Я догадываюсь, на что это будет похоже, – заметил Сэм. – Где она поуже, там и людей и орков будет еще больше. Вот увидите!

– Увижу, если доберусь туда, – ответил Фродо и отвернулся.

Идти по самому гребню было невозможно. Им пришлось спуститься и искать путь по низу. Через некоторое время в котловине открылся лагерь орков: стена и несколько каменных сараев, а рядом – пещера. Не было заметно никакого движения, но хоббиты пробирались осторожно, укрываясь в колючем кустарнике, густо разросшемся здесь по берегам сухого потока.

Они прошли так еще три или четыре лиги и лагерь уже скрылся из вида, но не успели они вздохнуть свободнее, как услышали громкие резкие голоса. Беглецы быстро нырнули за бурый раскоряченный куст и притаились там. Голоса приблизились, и хоббиты увидели двух орков. Один был одет в коричневые лохмотья и вооружен луком; он был мал ростом, темнокож, с широкими, шумно дышащими ноздрями, наверное, из проводников-разведчиков. Другой – огромный воин, вроде тех, какие были в отряде Шаграта. На плаще он носил знак Красного Ока, за плечами тоже имел лук, в руке – короткое копье с широким лезвием. Как обычно, орки ссорились. Будучи разноплеменными, они говорили на Всеобщем языке, каждый со своим акцентом.

Не доходя шагов двадцати до спрятавшихся хоббитов, меньший из орков остановился.

– Арр, – прорычал он. – Я иду домой. Хватить обдирать нос о камни. Никаких следов не осталось. Говорю тебе, они ушли в холмы, а не в долину.

– Никакой пользы от вас, ищеек, – сказал большой орк. – Я больше поверю своим глазам, чем твоему грязному носу.

– Ну и много ты ими увидел? – проворчал первый. – Гарр! Ты даже не знаешь, что искать!

– А кто виноват? Только не я. Так мне сказали сверху. Сначала сказали, что это великий эльф в блестящих доспехах, потом – что какой-то маленький человечек, потом скажут, что стадо бешенных урукхай, а может, все вместе.

– Аррр! – насмешливо фыркнул следопыт. – Они там потеряли головы, вот что! А кое-кто может потерять и шкуру, если верит слухам: крепость разгромлена, сотни наших перебиты, а пленник бежал. Если так идут дела у вас, воинов, то не удивительно, что о битвах приходят дурные вести.

– Кто сказал «дурные вести»? – возмутился воин.

– Аррр! А кто сказал, что нет?

– Твои слова – подлая измена, я тебя задушу, если ты не закроешь пасть, понял?

– Ладно, ладно. Я не скажу больше ни слова, но думать-то ты мне не запретишь. Слушай, а при чем тут эта черная тварь, этот болтун с длинными руками?

– Почему я знаю? Может, и ни при чем. От него одна мороза, только разносит везде, чтоб он сдох! Когда он крутился здесь, то только мешал всем, а как пропал – сразу понадобился, живым и срочно.

– Я бы с ним расправился по своему, – проворчал разведчик. – Он только запутал следы и истоптал всю землю кругом, когда нашел кольчугу. Я пришел уже после.

– Кольчуга спасла ему жизнь, – заметил воин. – Я еще не знал, что его ищут, и пустил в него стрелу с полусотни шагов, прямо в спину, но он убежал.

– Гарр! Проманулся! – обидно ощерился маленький. – Сначала ты стреляешь не туда, потом бежишь слишком медленно, а потом посылаешь за ним. Надоел ты мне! – он заковылял в сторону лагеря.

– А ну вернись! – крикнул воин. – Вернись, или я донесу на тебя!

– Кому? Твоему драгоценному Шаграту? Он больше не начальник.

– Я сообщу твоё имя и номер назгулу! – прошипел воин. – Начальником в крепости сейчас один из них.

Маленький орк остановился, в голосе у него слышался страх и злоба. – У, проклятый разбойник! – вскричал он. – Сам толком ничего не умеешь, и еще грозишься! Убирайся к своим грязным крикунам, и пусть они сдерут тебе мясо с костей, если только враги не расправятся раньше с ними! С одним-то они уже покончили, как я слышал. Надеюсь, что это правда!

Огромный орк прыгнул к нему, замахнувшись копьем. Но разведчик, припав на колени, пустил стрелу ему прямо в глаз, и воин с шумом рухнул. Стрелок кинулся бежать и вскоре исчез.

Некоторое время хоббиты сидели молча. Потом Сэм шевельнулся. – Ну, что хорошо, то хорошо, – сказал он. – Если бы такие мир да любовь были по всему Мордору, почитай, полдела сделано.

– Тише, Сэм, – прошептал Фродо. – Тут могут быть и другие. Мы едва ускользнули, видно, за нами гонятся усерднее, чем я думал. Да, Сэм, таков дух Мордора и, думаю, что он таков здесь везде. Говорят, что орки всегда грызутся между собой. Но надеяться только на это нечего. Нас они ненавидят гораздо сильнее, чем друг друга. Если бы эти двое увидели нас, то сразу поладили бы.

Они помолчали. Потом Сэм прошептал: – Вы слышали, что они говорили об «этом болтуне»? Помните, я говорил вам, что Горлум жив?

– Да, помню. Мне кажется, нам лучше не двигаться отсюда, пока хорошенько не стемнеет. Расскажи-ка, с чего ты взял, что Горлум жив? Только говори, пожалуйста, потише.

– Попробую, – сказал Сэм, – но когда я думаю об этой вонючке, мне трудно не кричать.

Хоббиты просидели под колючим кустом, пока бледный свет Мордора медленно тускнел и превращался в темную беззвездную ночь, и Сэм рассказывал своему другу на ухо все, что мог уложить в слова: о предательстве Горлума, об ужасной Шелоб, о своих приключениях среди орков. Когда он кончил, Фродо только молча взял его руку и крепко пожал ее. Потом он расправил затекшие ноги.

– Кажется, теперь можно идти дальше, – сказал он. – Интересно, далеко ли мы убредем, пока нас поймут по-настоящему, и все наши труды и мучения пойдут прахом? – он встал. – Уже темно. Я уж тебя попрошу, Сэм, побереги для меня подарок Галадриэли и дальше, а то мне и положить то его некуда, не в руках же держать. А вот Разитель я дарю тебе. У меня есть орковый меч, но он вряд ли мне понадобится.

Это был трудный и опасный путь, во тьме и без дороги, но час за часом оба хоббита медленно, спотыкаясь, брели по каменистой лощине к северу. Когда над западными вершинами забрезжил серый свет, уже после того, как во всем мире наступил день, они снова нашли укрытие и поспали по очереди. В часы дежурства Сэма мучила мысль о еде. Наконец, когда и Фродо, проснувшись, заговорил о том же, Сэм не выдержал: – Далеко нам еще, Фродо?

– Понятия не имею, Сэм. Я смотрел карту Мордора перед выходом из Раздола, но она была составлена еще до возвращения Врага, да к тому же я ее плохо помню. Где-то на севере есть место, где

отроги смыкаются. Это примерно лигах в двадцати от моста у крепости. Но когда мы туда попадем, то будем от Горы дальше, чем сейчас, лигах в шестидесяти, я думаю. От моста мы прошли лиг двенадцать. Если так пойдет дальше, к Ородруину мы доберемся через неделю. Кольцо становится все тяжелее, боюсь у самой Горы я буду еле ползти.

Сэм вздохнул. – Неделя... Этого я и боялся. Не говоря уж о воде, нам придется или есть меньше, или двигаться быстрее. Еще один привал – останутся только эльфийские лепешки.

– Я постараюсь побыстрее, Сэм, – проникновенно сказал Фродо. – Ну, вставай, пойдем.

Было еще не совсем темно. Они побрели дальше. Часы проходили в угрюмой спотыкающейся ходьбе с несколькими короткими передышками. Когда на краю мрачного небосвода появились первые мрачные признаки рассвета, они снова забрались в темную впадину под выступом утеса.

Светлело, и светлело не в пример предыдущим дням быстро. Сильный западный ветер высоко вверх разгонял Мордорские тучи. Вскоре хоббиты уже могли видеть местность на несколько лиг вперед.

Лощина все время ссужалась, пока не превратилась в выступ вдоль крутого склона Черных Гор, но к востоку она обрывалась к Горгоратской равнине все так же отвесно. Ручеек пропадал впереди среди каменных уступов: здесь от главного хребта отходил каменный гребень, тянувшийся на восток как стена. От туманно-серого северного хребта Изгарных Гор тянулся ему навстречу другой, длинный и зубчатый гребень, а между их концами оставался узкий промежуток – теснина Карах Ангрена, за которой лежала глубокая долина Удун. В этой впадине за Моранноном находились подземные ходы и глубокие арсеналы, устроенные слугами Мордора для обороны Черных Ворот, и здесь теперь их Владыка поспешно собирал крупные силы для отражения возможного удара вождей Запада. На горных отрогах высились угрюмые башни и горели сигнальные огни, а теснину перегораживал высокий земляной вал с единственным узким проходом.

В нескольких лигах севернее, там, где от главного хребта отходил западный отрог, стоял старинный замок Дуртанг, ныне один из множества крепостей орком вокруг Удунской долины. От него спускалась уже ясно видимая дорога, дальше она сворачивала к востоку и по карнизу в склоне спускалась на равнину к Изенмоуту.

Чем яснее виделись хоббитам окрестности, тем быстрее угасала надежда в их сердцах. Все усилия были напрасны. Мрачная и дымная равнина казалась безжизненной, но вся она находилась под неослабным наблюдением крепостей Карах Ангрена.

– Это тупик, Сэм, – прошептал Фродо. – Ты видишь, дорога к крепости единственная. И обойти ее никак нельзя.

– Значит, пойдем по дороге, – просто ответил Сэм. – Попробуем счастья, если только оно водится в Мордоре. Вы же сами говорили, сударь, все равно – сдадимся ли мы сейчас или побродим еще немного, или и вовсе вернемся обратно. Припасов-то нам, все одно, не хватит. Значит, придется их добывать.

– Хорошо, Сэм, – с трудом произнес Фродо. – Если у тебя еще осталась надежда, води меня. Я больше не могу. Буду плестись вслед за тобою.

– Прежде чем плестись, нам нужно поесть и отдохнуть, пока можно.

Сэм дал другу одну эльфийскую лепешку и воды, а потом подложил ему под голову свернутый плащ. Фродо тут же уснул. Сэм не стал говорить, что вода была последней, он просто сидел, прислушиваясь к дыханию спящего. У него перехватывало горло от жалости – так исхудал Фродо. Во сне недавно появившиеся морщины разгладились, лицо стало спокойным и мужественным.

– Вы уж простите, сударь, – прошептал Сэм, – но мне придется уйти. Без воды нам с вами здесь делать и вовсе нечего.

С необычайной даже для хоббита осторожностью переползая от камня к камню, он спустился к сухому руслу и некоторое время шел по нему вверх, пока не достиг каменистых уступов, где некогда ручей сбегал маленьким водопадом. Теперь все было высохшим и безмолвным, но Сэм не хотел сдаваться. Он припал к земле, прислушался и с восторгом уловил журчащий звук. Поднявшись еще выше, он разыскал тонкую струйку темной воды: вытекая между камней, она наполняла небольшую впадинку, переливаясь

через край и вскоре снова исчезала среди каменистой осыпи.

Сэм попробовал воду, она оказалась хорошей. Тогда он напился вволю, наполнил фляжку и начал было обратный путь, но тут же замер. Между камней, там, где было их убежище, он уловил мелькнувшую черную тень. Это было только какое-то движение, но у него уже не было сомнений. Он слишком хорошо знал эту робкую повадку.

– Мне пока еще везет, – пробормотал Сэм, но не так, чтобы очень. Мало нам тысяч орков, так тут еще шныряет эта дрянная тварь. А я-то надеюсь, что его пристукнули.

Остаток дня он просидел рядом с Фродо, не смея задремать даже на минуту. Только почувствовав, что глаза у него совсем слипаются, он осторожно разбудил друга.

– Горлум опять здесь, Фродо, – сказал он. – А если не Горлум, так значит их двое. Я уходил искать воду и увидел, как он шныряет тут. Нам нельзя спать вдвоем, но у меня уже глаза не открываются.

– Спасибо, Сэм, – ответил Фродо, – ложись и спи. Но, по-моему, уж лучше Горлум, чем орки. Во всяком случае он нас не выдаст, не выдаст, пока его не поймают.

– Но он сам умеет убивать и грабить, – проворчал Сэм. – Надо быть осторожным. Фляжка полна. Пейте, не надо жалеть, по дороге еще наберем. – С этими словами Сэм уснул.

Когда он проснулся, день угасал. Фродо сидел, прислонившись спиной к утесу и спал. Фляжка была пуста. Горлума и духу не было.

В Мордорских сумерках сторожевые посты на горах пылали ярким красным пламенем. Для хоббитов началась самая опасная часть пути. Они достигли источника, а потом осторожно пробравшись наверх, подошли к дороге там, где она сворачивала на восток к Изенмоуту. До него было лиг двадцать. Дорога была не широкая, и чем дальше, тем глубже становился обрыв у ее края. Хоббиты прислушались, не услышали ничего подозрительного и направились на восток.

Пройдя лиг двенадцать, они остановились. Незадолго до этого места дорога сделала небольшой изгиб, и пройденный ими участок уже скрылся из виду. Это оказалось роковым. После нескольких минут отдыха они двинулись дальше, но почти тотчас же услышали звук, который все время боялись услышать: топот множества шагающих ног. Он был еще довольно далеко, но обернувшись, они увидели за поворотом отблеск быстро двигающихся факелов – слишком быстро, чтобы убежать от них вперед по дороге.

– Я этого и боялся, – сказал Фродо. – Мы доверились удаче и она обманула нас. Мы сами залезли в ловушку, – он отчаянно взглянул на отвесную скалу, обтесанную древними строителями до высоты в тридцать фатомов, потом перебежал дорогу и заглянул в черную пропасть. – Это конец, – вздохнул он и, опустившись возле скалистой стены, поник головой.

– Похоже на то, – отозвался Сэм. – Ну что ж, поживем, увидим, как говаривал мой старик, – с этими словами он сел на землю рядом с Фродо.

Ждать пришлось недолго. Орки шли быстро. В передних рядах несли факелы. Сэм тоже наклонил голову, надеясь скрыть лицо, когда факелы поравняются с ним, а щиты он поставил перед коленями, прикрывая ноги.

«Только бы они спешили и оставили двух усталых воинов в покое, да и шли бы себе дальше», – подумал он. Какое-то время казалось, что им повезет и на этот раз. Передние ряды прошли мимо, спотыкаясь, тяжело дыша, не поднимая голов. Это были низкорослые племена, против воли согнанные в войска Владыки: они хотели только одного – закончить переход и не попасть под бич. Вдоль колонны гарцевали два огромных свирепых урха, щелкая бичами и криком подгоняя отряд. Ряд за рядом проходила колонна, и зловещие факелы ушли уже далеко вперед. Сэм затаил дыхание. Уже больше половины колонны прошло. Но тут один из надсмотрщиков заметил две тени у края дороги. Он щелкнул бичом и крикнул им: «Эй вы, встать!». Они не ответили, и он приказал отряду остановиться.

– Эй вы, трусы, сюда! – взвизгнул он. – Что, спрятаться решили? – Он шагнул к ним и даже в темноте разглядел знаки у них на щитах. – А-а, сбежать задумали? – прорычал он. – Вы знаете приказ? Все должны быть в Удуне до ночи. Встать в строй!

Хоббитам ничего не оставалось делать. Они с трудом поднялись на ноги и ссутулившись, хромая, как утомленные пехотинцы, заковыляли к концу колонны.

– Не туда! – загремел надсмотрщик. – В четвертый ряд от конца! И оставайтесь там, а то пожалеете, когда я буду делать обход! – он щелкнул у них над головами своим длинным бичом, потом другим щелканьем и резким возгласом пустил отряд резким шагом по дороге.

Идти было трудно, даже бедному Сэму, хотя он просто устал, но для Фродо это было пыткой, а потом кошмаром. Он стиснул зубы и попытался двигаться совершенно бездумно. Смрад от потных орков душил его, а вскоре он начал задыхаться и от жажды. Ему пришлось собрать всю свою волю, чтобы дышать и не давать ногам остановиться. Он гнал мысль о том, к какому страшному концу стремится с таким трудом и мукой. Отстать было невозможно. Надсмотрщик то и дело подъезжал к ним и издевался.

– Ну, вот вам! – смеялся он, хлестнув их по ногам. – Где бич, там и лад, трусы. Держитесь! Сейчас я вас только подбадриваю, а вот придем в лагерь, там вас выдерут так, что шкура затрещит. Так вам и надо! Сейчас война и никому не удастся отвертеться!

Они прошли еще несколько лиг и дорога стала уже спускаться отлого к равнине, когда силы окончательно оставили Фродо. Он зашатался и стал спотыкаться. Сэм в отчаянии попытался помочь и поддержать его, но чувствовал, что и сам едва успевает за остальными. Теперь он знал, что конец может наступить каждую минуту: его друг потеряет сознание и упадет, все откроется, и все их отчаянные усилия окажутся тщетными. «Ну, я хоть посчитаюсь с этим скотом-надсмотрщиком!» – подумал он, нащупывая рукоять меча.

Но именно в этот момент пришло неожиданное спасение. Они были уже на равнине и приближались к Удунскому проходу. Немного впереди, перед воротами, дорога с запада сливалась с другими, идущими с юга и востока. По всем этим дорогам шли войска. Темный Владыка стягивал свои силы в единый кулак. Так случилось, что к развилке подошли сразу несколько отрядов, и это произошло в темноте, куда не доставал свет костров со стен. Тотчас же началась суматоха и перебранка, ибо каждый отряд хотел первым пройти в ворота и отдохнуть наконец. Надсмотрщики кричали, свистели бичи, но свалка быстро увеличивалась, кое-где уже засверкали мечи. Врезавшийся в колонну отряд тяжело вооруженных урхов из Барад-Дура, превратил ночное происшествие в полный хаос.

Как не был Сэм оглушен болью и усталостью, он сумел оценить положение и бросился на землю, увлекая за собой Фродо. Орки спотыкались о них и падали, рыча и ругаясь. Хоббиты на четвереньках незаметно выползли из свалки и скрылись на другой стороне дороги. Там был высокий вал, по которому начальники отрядов находили ее в темноте или тумане, он возвышался над равниной на несколько футов.

Некоторое время они лежали ни живы ни мертвы. В темноте искать укрытие было бесполезно, но Сэм понимал, что нужно отойти хотя бы подальше от дороги и от света факелов.

– Держитесь, Фродо, – шепнул он, – проползем еще немного, а тогда отдохнем.

Последним отчаянным усилием воли Фродо приподнялся и прополз еще ярдов двадцать. Потом он скатился в какую-то неглубокую яму, и лежал там, не шевелясь.

11. ОГНЕННАЯ ГОРА

Сэм подложил под голову своему другу сумку, лег рядом и накрылся эльфийским плащом. Мысли его тут же обратились к благословенной стране, и он от души понадеялся, что чудесная ткань укроет их в этом страшном месте.

Он слышал, как стихают крики и шум по мере того, как войска проходили через Изенмоут. До сих пор в толкотне разноплеменных отрядов их бегство еще не обнаружилось.

Отпив глоток воды, Сэм напоил Фродо, а потом даже уговаривал его съесть целую лепешку. Усталость превозмогла страх, и они уснули. Но спали недолго и беспокойно. Было холодно, жесткие камни впивались в тело и никак не удавалось устроиться поудобнее.

На рассвете Сэм проснулся, огляделся и сразу увидел Гору.

– Лиг пятьдесят, не меньше, – мрачно пробормотал он, не сводя глаз с ее грозной вершины. – Это, примерно, на неделю пути, – он горестно покачал головой. Надежда никогда не оставляла его отважное сердце, и до сих пор он умел возвращать ее. Однако сейчас, как ни крути, становилось ясно: припасов хватит, в лучшем случае, только на дорогу туда. Если даже удастся выполнить задуманное, они останутся посреди ужасной равнины, одинокие, без пищи и крова. «Так вот каков конец у этой сказки, – подумал он. – Я помогу Фродо дойти, а потом умру с ним вместе. Что ж, если это – моя дорога, надо ее пройти. Ужасно хотелось бы еще разок повидать Хоббитанию и моего старика, да и всех прочих. Стоп, – остановил он грустные мысли. – А все-таки кажется, что Гэндальф не послал бы Фродо с вовсе уж безнадежным делом. Не такой это был волшебник. Эх, кабы не погибнуть ему в этой проклятой Мории, глядишь, как-нибудь и выкрутились бы». Воспоминание о Гэндальфе придало верному хоббиту новые силы. Ничем не примечательное лицо Сэма стало строгим, почти суровым, воля окрепла, а по телу пробежала дрожь, словно он превращался в какое-то существо из стали и камня, которое не одолеть ни отчаянию, ни усталости, ни бесконечным дорогам.

С новым чувством ответственности он оторвал взгляд от Горы и огляделся, обдумывая следующий шаг. Когда стало чуть светлее, он с радостью рассмотрел бесконечные трещины и рытвины на казавшейся ровной гладью местности. И впрямь, вся Горгоратская равнина была усеяна большими и малыми воронками. Самые крупные из них были окружены валами щебня, от них во все стороны разбегались широкие трещины. С такими укрытиями даже самым зорким глазам не просто будет их обнаружить. Вот только голод и усталость давали себя знать.

Обдумав все это, Сэм повернулся к другу. Фродо лежал навзничь с открытыми глазами, глядя в облачное небо.

– Знаете, сударь, – преувеличенно бодро сказал Сэм, – я тут осмотрелся и скажу, что не так уж все плохо. На дорогах никого, да только лучше бы убраться отсюда подобру поздорову. Сможете вы идти?

– Смогу, – равнодушно ответил Фродо, – должен.

Снова потянулись мучительные часы. Переползая из воронки в воронку, используя всякое укрытие, они медленно продвигались к холмам на севере. При этом восточная дорога все время шла рядом с ними, потом начала отдаляться и, наконец, ушла в черную тень далеко впереди. На ней не было видно ни людей, ни орков, ибо Темный Властелин уже заканчивал передвижку своих армий. Даже в собственной стране Саурон предпочитал покров ночи, боясь ветров внешнего мира. В последнее время они вели с ним словно самостоятельную войну, разрывая мрак, где бы он не начинал сгущаться. Надо сказать, что слегка тревожила его мысль о двух отважных врагах, до сих пор не обнаруженных его несметными полчищами.

Хоббиты с трудом продвинулись на несколько лиг и остановились. Фродо совсем обессилел. Сэм видел, как он то медленно ковылял, то кидался вперед спотыкающимся шагом.

– Вернемся на дорогу, Фродо, пока светло, – предложил он. – Доверимся снова удаче! В прошлый раз она нам едва не изменила, ну так не изменила же! Быстро пройдем еще несколько лиг, а там – привал.

Конечно, они рисковали. Но Фродо был слишком занят своим бременем и внутренней борьбой, чтобы поспорить, и слишком отчаялся, чтобы бороться. Они взобрались на насыпь и пошли по жесткой,

безжалостно открытой дороге, ведущей прямо к Черной Крепости. Счастье было на их стороне, и до конца дня они не встретили никого живого, а наступившая ночь надежно укрыла их мраком. Вся страна нахмурилась, словно перед великой бурей: вожжи Запада уже миновали Перекресток и в этот момент предавали огню мертвые луга Моргульской долины. Отчаянное путешествие продолжалось; Кольцо продвигалось на юг, а знамена вождей – на север. Силы хоббитов таяли, каждая новая лига давалась труднее, чем предыдущая. Днем окрестности были пустынные, зато по ночам они часто слышали крики и топот множества ног. Но это было не страшно. Другая, куда более весомая угроза становилась все ощутимее. Сосредоточенная злобная сила, бессонное коварство чудовищных замыслов рождалось во мраке впереди. И чем ближе они подходили, тем чернее становилась стена этого мрака, словно окончательная ночь последнего конца мира.

Вечер этого дня казался наихудшим. Именно в этот час армия Запада подошла к границам живых стран, а бедные спутники дошли до полного изнеможения. Четыре дня назад они ускользнули от орков; эти дни были сплошным кошмаром. Фродо не говорил ни слова. Он шел, сгорбившись, часто спотыкался, как будто не видел земли перед собой. Сэм догадывался, что сильнее всего донимает друга растущий гнет Кольца. Он с беспокойством наблюдал, как часто поднимается левая рука Фродо, словно для того, чтобы отвести удар или заслонить глаза от страшного взгляда Ока, сияющего разглядеть их.

Сейчас, в густом вечернем сумраке, Фродо сидел, свесив голову почти до колен, устало уронив руки со слабо подергивающимися пальцами. Сэм с болью смотрел на Хранителя, пока тьма не разделила их. Нечего было сказать и нечем было подбодрить друга, и постепенно сознание Сэма заполнили мрачные мысли. Усталость и постоянный страх отступили. Зато с новой силой вернулись мысли о еде. Лепешки не утоляли голода, только поддерживали силы. Но была у них и еще одна особенность, которая проявлялась тем ярче, чем меньше оставалось другой пищи. Они укрепляли волю, давали силы терпеть.

Нужно было принимать новое решение. Дорога, которая так выручила их, шла дальше на восток, уходя в великую тень. Гора же вздымалась теперь справа, почти прямо на юге, и нужно было поворачивать к ней. Отныне и до конца – никаких дорог, только голая, покрытая дымящимся шлаком равнина.

– Воды бы, – пробормотал Сэм. Он давно запрещал себе пить. Пересохший язык распух и теперь едва шевелился. Воды оставалось не больше половины фляги, – и это на несколько дней пути. Сэм понимал, что они не найдут больше ни капли. Наконец, устав от этих тревог, он задремал. Во сне ему виделись огни, похожие на горящие глаза и слышались странные звуки: не то дальние отчаянные вопли, не то ближние опасные шорохи. Несколько раз он вскакивал, но вокруг была только непроглядная темень. Под утро, когда он в очередной раз вскочил, тревожно озираясь, ему почудились какие-то бледные огни поодаль, похожие на глаза, но они вскоре мигнули и погасли.

Страшная ночь уходила медленно и неохотно. Здесь, вблизи Горы, воздух был какой-то мутный. От Черной Крепости напоздали обрывки мрака, который Саурон ткал вокруг себя. Фродо спал. Сэм долго стоял над ним и раздумывал. Он понимал, что должен пробудить волю друга к новому усилию. Наконец, наклонившись, он погладил Фродо по голове.

– Проснитесь, друг мой, – шепнул он ему на ухо. – Пора идти.

Фродо вскочил, прежде всего поглядел на юг, но увидел Гору и сник.

– Я не могу, Сэм, – прошептал он. – Это такая тяжесть, такая тяжесть...

Сэм глубоко вздохнул. То, что он собирался сказать, говорить было нельзя, но другого выхода он не видел. Понятно было, как болезненно воспримет это Фродо, но сейчас долг был сильнее сострадания.

– Дайте я понесу его, – сказал он. – Я могу, пока силы есть, даже с радостью...

Глаза Фродо дико блеснули. – Прочь! Не трогай меня! – закричал он. – Оно мое, мое! Прочь! – его рука потянулась к рукоятке меча. Но тут же голос изменился. – Нет, нет, Сэм, – как-то безнадежно произнес он, – пойми! Это мое бремя, я никому не могу его доверить. Поздно, Сэм, милый, ты больше ничем не можешь помочь мне. Я не могу отдать Его, а если ты попытаешься отнять, сойду с ума.

Сэм кивнул. – Понимаю, – и после некоторого молчания словно вспомнил: – Слушайте, сударь, а не выбросить ли нам кое-что? – Он кивнул в сторону Горы, – незачем тащить туда ненужные вещи.

Фродо тоже поглядел на Гору. – Да, – проговорил он, – на этом пути нам немного понадобится. А в конце – и вовсе ничего.

Он отстегнул и бросил сначала щит, потом шлем. Снял тяжелый пояс вместе с мечом в ножнах, черный плащ изорвал в клочья и разбросал по ветру. – Вот! Больше не буду орком! – вскричал он. – И не возьму никакого оружия, ни светлого, ни темного. Пусть они берут меня, если хотят!

Сэм тоже снял доспехи, потом вынул кое-что из своей сумки. Каждый предмет был ему дорог, хотя бы потому, что он нес их так далеко и с таким трудом. Очень жаль было расставаться с кастрюлями и сковородками. – Помните кролика, сударь? – спросил он. – А нашу встречу с Фарамиром?

– Нет, – покачал головой Фродо. – Я, конечно, знаю, что все это было, но как-то не так. У меня не осталось ничего, ни вкуса пищи, ни памяти о деревьях и траве, ни воспоминаний о луне и звездах. Осталось только Кольцо. Я начинаю видеть его даже наяву, а все остальное гаснет.

Сэм взял его руку, крепко сжал и приложил к груди.

– Тогда, чем скорее мы избавимся от него, тем скорее отдохнем, – не найдя ничего лучше, сказал он. – То есть я хочу сказать... эх, слова все равно не помогут, – махнул он рукой и начал собирать раскиданные вещи. Ему не хотелось оставлять все это на виду. – Даже если эта тварь нашла кольчугу, – рассуждал он, – то уж меч-то ему совсем ни к чему. Руки у него и без того не слабые, даже когда пустые. И незачем ему трогать мои кастрюли! – с этими словами он снес все вещи к одной из зияющих трещин и сбросил их туда. Лязг его драгоценных кастрюль, падающих во мрак, прозвучал для его сердца похоронным звоном.

Теперь у Сэма оставалась только сумка с остатками припасов, фляга, да еще Разитель на поясе; а в кармане куртки на груди – светоносный фиал и коробочка, которую Галадриэль подарила ему самому.

И вот, наконец, от Горы их отделяла только дорога, которую надо пройти. Путники не думали больше об укрытиях, одна мысль владела ими – дойти. В мгlistом сумраке тусклого дня не было никого, кто бы мог заметить их, разве что столкнувшись нос к носу. Некому было предупредить Саурона, что прямо к сердцу его страны неуклонно пробираются маленькие воины. Только назгулы могли бы заметить их. Но они были далеко. Их черные крылья сеяли мрак на пути войск Запада, туда же были обращены мысли Черной Крепости.

В этот день Фродо словно обрел новые силы, и дело здесь было не только в облегчении поклажи. Местность была суровая и трудная, но они ушли далеко, и Гора все приближалась. Однако уже к вечеру Фродо снова сгорбился и стал спотыкаться. Сэм с тревогой подумал, что это напряжение стоило ему слишком дорого.

На последнем привале Фродо не сел, а просто упал, и только через некоторое время с трудом проговорил: – Я хочу пить, Сэм, – и тут же умолк. Сэм дал ему глоток воды, во фляге оставался еще один. Сам он не пил ни капли, и теперь, когда непроглядная тень Мордора снова окутала их, он мог думать только о воде. Перед его мысленным взглядом струились и журчали все ручейки, когда-либо виденные им в жизни. Солнечный свет дробился на их маленьких волнах, и сверкающие блики мучили глаза даже под закрытыми веками. Сэм ощущал чудесный прохладный ил под босыми ногами, как в детстве, на зеленых отмелях Приречья. Он помотал головой, чтобы прогнать видения. Они сейчас только мешали. Ему не давал уснуть появившийся с некоторых пор какой-то гнусный внутренний голос.

– Что ж, дело идет лучше, чем я ожидал, – упрямо говорил Сэм. – Ну, хоть началось лучше. Полпути мы уже прошли, еще один такой день – и готово, – тут он запнулся.

– Не будь дураком, Сэм Скромби, – ответил ему противный внутренний голос. – Он не может больше идти так быстро. Скоро он вообще не сможет идти. Ты и сам долго не протянешь, если будешь все время отдавать свою воду.

– Неправда, – возразил Сэм, – я смогу идти и пойду.

– Куда?

– К Горе.

– А что потом, Сэм Скромби, что потом? Ну, доберетесь вы туда и что? Ты думаешь, он сделает то, что надо?

Сэм растерялся. До сих пор они с Фродо как-то не говорили о том, что нужно сделать, придя к Ородруину. Сэм слышал когда-то – он уже не помнил, где и когда – что Кольцо надо бросить в огонь. Но как, в какой, зачем, и сделает ли это Фродо теперь? На эти вопросы не было ответов.

– Должна быть какая-то Огненная пропасть, – бормотал он, с трудом вспоминая где-то слышанное название. – Но если Фродо и знает, где ее искать, то я – нет.

– Ну, вот видишь! – немедленно встрял голос. – Зря все это. Он ведь и сам так говорил. Только ты один и надеешься еще. Вы уже давно могли бы отдохнуть, кабы не ваше упрямство. Да и сейчас не поздно. Сдайтесь. Вам никогда не достичь вершины.

– Нет, я дойду, – не соглашался Сэм, – дойду, пусть от меня, кроме собственных костей ничего не останется. И Фродо донесу, пока сердце не лопнет или спина не сломается. Так что заткнись, хватит споров.

В этот момент он почувствовал, что земля под ним трепещет, и услышал глубокий отдаленный гул, словно рокот подземного грома. Красный отблеск мелькнул над тучам и погас. Гора тоже спала беспокойно.

Сэм даже не мог представить, каким мучительным будет последний день пути к Ородруину. У него болело все, а рот так пересох, что будь у них даже еда, он не смог бы проглотить ни кусочка.

Похоже, собиралась гроза; далеко на юго-востоке в черном небе вспыхивали молнии. Но больше всего донимал дым от Горы. Он не давал дышать, в висках ломило, голова кружилась, заставляя спотыкаться и падать. И все-таки они шли.

Гора подползала все ближе: теперь она заслоняла полнеба и вздымалась над ними, огромная и страшная: вершина ее острым конусом поднималась из груды пепла, шлака и обожженных камней. К ночи они уже доползли до самого подножья.

Задышавшись, Фродо упал на землю. Сэм сразу сел возле него, с удивлением ощущая, как усталость сменилась какой-то странной легкостью, голова прояснилась. Никакие споры больше не смущали его. Он принял решение и теперь только смерть заставила бы его отступить. Осталась только одна мысль: завтра они или победят или погибнут. Но когда оно настанет, это завтра?

Ночь тянулась и тянулась без конца. Сэм стал думать, что опять пришла тьма, и рассвета больше не будет. Взяв Фродо за руку, он почувствовал, что Хранителя бьет холодный озноб.

– Эх, зря мы выбросили одеяла, – пожалел он. Обняв Фродо и пытаясь согреть его своим телом, Сэм незаметно уснул. Рассвет последнего дня их странствий нашел хоббитов лежащими, тесно прижавшись друг к другу. Ветер переменялся. Теперь он все сильнее дул с севера.

– Пора, – приказал сам себе Сэм. – Еще одно усилие! – он с трудом встал. Фродо тоже было поднялся со стоном, но тут же снова упал на колени. Потом он долго смотрел на темные склоны Ородруина и, наконец, пополз вперед на четвереньках. Сердце у Сэма обливало кровью при виде этого зрелища, но на воспаленных глазах не появилось ни слезинки.

– Я говорил, что понесу его, пусть хоть спина сломается, – пробормотал он, – и понесу!

– Послушайте, Фродо! – воскликнул он. – Пусть мне нельзя нести Его вместо вас, ну так понесу вместе с вами. Вставайте! Залезьте-ка мне на плечи. Только скажите, куда идти?

Фродо с трудом забрался ему на спину. Сэм крепко прихватил его ноги локтями и тяжело поднялся, но тут же с изумлением почувствовал, как легка его ноша. Он боялся, что не сможет даже поднять тело друга, и приготовился ощутить гнет проклятого Кольца. Но ничего этого не было. То ли из-за того, что Фродо так исхудал, то ли потому, что Сэму была дарована некая новая сила – но только он поднял Фродо так легко, словно нес, играя, на закорках хоббитенка где-нибудь в полях Хоббитании. Он глубоко перевел дух и двинулся вверх.

Фродо молчал, и Сэму ничего не оставалось, как просто подниматься и подниматься. Он карабкался все выше, сначала выбирая более удобный путь, а под конец уже не разбирая дороги. Только когда ноги

подломились, он остановился и осторожно опустил своего друга на землю.

Фродо открыл глаза. Они уже поднялись над дымом, который так мучил их внизу. Дышать стало легче.

– Спасибо, Сэм, – хрипло прошептал он. – Далеко нам еще?

– Понятия не имею, – ответил Сэм. – Я не знаю, куда мы идем, – он обернулся назад и поразился, как далеко увело его последнее усилие. Снизу Гора казалась куда выше, чем была в действительности. Ее обрывистые, сильно изрезанные склоны поднимались над равниной футов на триста, а над ними, примерно на половину этой высоты, возносился узкий центральный конус, как огромная дымовая труба, заканчиваясь иззубренными краями кратера. Теперь хоббиты были примерно на половине Горы, и Горгоратская равнина лежала далеко внизу, окутанная дымом и тенью. Едва взглянув вверх, Сэм ясно различил среди каменных глыб и обрывов тропу. Она круто поднималась с запада и петлями охватывала Гору. Они просто не попали на нее, но теперь, если подняться еще чуть-чуть, всего лишь обогнуть этот выступ, они будут там. Надежда возвращалась. На Гору все-таки можно подняться.

– Она словно нарочно тут появилась, – пробормотал Сэм. – Не будь ее – не видать нам вершины.

Конечно, тропу проложили не для них. Сэм и не подозревал, что смотрит на Сауонову дорогу из Барад-Дура в Огненную Пещеру. От самых западных ворот Черной Крепости, через равнину, по мосту через пропасть, через все расселины и дальше по склонам она поднималась высоко и уходила в темное отверстие, обращенное на восток, прямо против окна в окутанной мраком твердыне Сауона, откуда смотрело его Око. Огненные бури в недрах Горы часто засыпали или разрушали дорогу, но руками несчетного множества орков она всегда поддерживалась в порядке.

Дорога была, но до нее еще предстояло добраться. Сэм понимал, что нужен отдых. Он опустился рядом с Фродо, и некоторое время оба лежали молча. Заметно светлело. Вдруг Сэма охватило неведомое дотоле чувство, настойчивый зов словно окликнул его: «Скорее, скорее, не то будет поздно!» Он превозмог себя и встал. Фродо как будто тоже услышал зов и с трудом поднялся на колени.

— Я поползу, Сэм, — произнес он, задыхаясь.

Фут за футом, как маленькие серые букашки, они достигли тропы. То, что снизу казалось тропой, на деле было широкой, вымощенной плотно утрамбованным щебнем и пеплом дорогой. Фродо выбрался на нее, а потом, словно подчиняясь какому-то приказу, медленно обратился лицом на восток. Вдали плотной завесой висел мрак, но в этот миг порыв ветра из внешнего мира раздвинул тучи, и Фродо увидел черные – чернее мордорской ночи – острые шпили и железный венец самой верхней из башен Барад-Дура. Только на мгновение показалась она, а потом, словно из какого-то окна в неизмеримой высоте, ударила на север красная молния – блеск всевидящего Ока. Тучи снова сомкнулись, и страшное видение исчезло. Око смотрело на север, туда, где стояли, выжидая, вожди Запада. Туда обратилась вся злоба Темного Властелина, там Сила намеревалась нанести последний удар. Ужасный взгляд заставил Фродо рухнуть на дорогу. Рука его сама потянулась к цепочке на шее.

Сэм опустился перед ним на колени. Он услышал слабый, почти беззвучный шепот: – Помоги, Сэм! Помоги! Держи мою руку! Я не могу остановить ее.

Сэм взял его руки, сложил их ладонь к ладони и поцеловал, потом ласково сжал между своими. Ему в голову вдруг пришла мысль: «Если Он нас заметил, – все кончено!»

Он снова поднял Фродо на спину, стараясь прижать его руки к своей груди. Потом нагнул голову и начал подниматься по дороге. Это было не так уж легко, потому что кое-где на ней зияли широкие трещины. Задышавшись под своей ношей, Сэм как раз собрался миновать поворот, когда его глаза уловили какое-то движение вверх.

В тот же миг что-то тяжелое обрушилось на него, и он упал ничком, ободрав тыльные стороны рук. Только услышав ненавистный голос, он понял, что произошло.

– Ззлой хозззяин! Зззлой, он лжжет нам, лжжет Смеагорлу, горлум, горлум! Нельзя так! Нельзя обижать Сссокровище! Отдай его Ссмеагорлу, отдай нам! Пуссть он отдасст!

Одним движением Сэм вскочил и выхватил меч, но сделать ничего не мог. Горлум и Фродо тесно

сцепились. Горлум рвал плащ на груди у Фродо, силясь завладеть цепочкой и Кольцом. Наверное это единственное могло разбудить гаснущую волю и отвагу Фродо: нападение, попытка силой отнять у него Кольцо. Ни Сэм, ни тем более Горлум не ждали от него такого яростного сопротивления. Да и Горлум был уже не тот. Какими бы ужасными путями одиночества, голода и жажды он не шел, гонимый алчным желанием и беспощадным страхом, – пути эти оставили на нем тяжкий след. Он превратился в тощее, высохшее существо, почти скелет, туго обтянутый потемневшей кожей. Дикое пламя еще пылало у него в глазах, но прежняя цепкая и злобная сила изменила ему. Фродо отшвырнул его и выпрямился, весь дрожа.

– Прочь, прочь! – произнес он, тяжело дыша, ощупывая Кольцо сквозь кожаную рубашку. – Прочь, ползучая тварь, уйди с моего пути! Твое время кончилось. Ты уже не можешь ни предать, ни убить меня.

И тут вдруг, как раньше в предгорьях Изгарных Гор, Сэм увидел обоих соперников другим зрением. Во прахе лежало нечто, едва ли большее, чем тень живого существа, нечто побежденное, разбитое, но еще исполненное алчности и бешенства; а над ним высилась суровая, недоступная больше для жалости фигура, облаченная в белое, с огромным огненным кольцом на груди. И из этого огня звучал властный голос: – Уходи и не смущай меня больше! Если ты еще раз коснешься меня, то будешь сброшен в Огненную пропасть!

Распростертое существо съезжилось, в его пылающих глазах был ужас, но было и неутолимое желание.

Тут видение исчезло, и Сэм увидел обычного Фродо, стоявшего, задыхавшись, с прижатой к груди рукой, а у его ног – Горлума, припавшего на колени.

– Берегитесь! – вскричал Сэм. – Он прыгнет! – Подняв меч, он шагнул вперед. – Скорее, Фродо! – крикнул он. – Вперед! Я задержу его. Не теряйте времени! Идите!

Фродо взглянул на него словно издали. – Да, я должен идти, – произнес он отчужденным голосом. – Прощай, Сэм. Это – конец. Пусть на Гору Ужаса падет ужас. Прощай! – он повернулся и пошел по дороге, медленно, но не сгибаясь.

– Ну, вот! – сказал Сэм. – Наконец-то я могу посчитаться с тобой за все, – он шагнул вперед, сжимая в руке меч. Но Горлум не прыгнул. Он даже не смотрел на Сэма. Он смотрел вслед уходящему Фродо. Потом, будто просыпаясь, медленно повернул голову к Сэму. Тут только до него дошло. Мгновенно злоба и алчность в его взгляде сменились страхом. Он рухнул Сэму в ноги и заскулил: – Не убивай нас! Не делай нам больно острой сталью! Мы хотим жить, да, дай нам пожить еще немного! Пропало! Мы пропали! Без Сокровища мы умрем, да, мы обратимся в прах! – он скреб шлак на дороге длинными костлявыми пальцами. – В прах, – прошипел он еще раз.

Рука у Сэма дрогнула. В душе его клокотал гнев. Было бы только справедливо убить это злобное, коварное существо, это казалось единственно верным поступком. Но он уже не мог ударить. То, что лежало перед ним в пыли, раздавленное, потерявшее все, вызывало лишь сострадание. Он сам, хоть и недолго, был обладателем Кольца, и теперь догадывался о муках иссохшегося тела и черной души Горлума, поработанного Кольцом, неспособного больше найти покой в жизни.

Вряд ли Сэм смог бы выразить свои чувства, он только плюнул в сердцах. – Ох, будь ты проклят, вонючая тварь! – сказал он. – Убирайся! Прочь отсюда! Я тебе не доверяю, так что уходи, а не то я обязательно сделаю тебе больно вот этой острой сталью!

Горлум поднялся на четвереньки, попятился, повернулся и, не успев Сэм дать ему пинка напоследок, ускорился по дороге вниз. Сэм не стал больше думать о нем. Он вдруг вспомнил о Фродо. Впереди его не было видно. Тогда из всех сил Сэм заковылял вверх. Если бы он смотрел назад, то мог бы увидеть, что Горлум повернул обратно и, с безумным блеском в глазах, крадется за ним следом.

Дорога шла все вверх. Вскоре за очередным поворотом, открылся прямой, как стрела, отрезок ее, упирившийся в темное отверстие в склоне Горы. Это был вход в Огненную Пещеру. Поднималось тускло-красное солнце, но вокруг Горы все было мертво. Мордор замер, ожидая рокового удара.

Сэм подошел к зияющему устью и заглянул внутрь. Там было темно, жарко, и воздух сотрясился от какого-то глухого рокота.

– Фродо, Фродо! – позвал Сэм. Ответа не было. Некоторое время он стоял, и сердце у него колотилось

от безумного страха, потом кинулся внутрь. За ним бесшумно, как тень, проскользнул Горлум.

Сначала Сэм ничего не увидел. Тогда он торопливо извлек звездный фиал, но и он был бледен и холоден, и ничуть не осветил душного мрака. Здесь, в самом сердце владений Саурона, у истоков его древней мощи, все другие силы подчинялись ему. Сэм неуверенно сделал в темноте несколько шагов, и тут вдруг впереди вспыхнуло красное пламя, взметнулось вверх и лизнуло высокий темный свод.

Тогда Сэм увидел, что стоит в длинной пещере, уходящей глубоко в дымящийся конус Горы. Неподалеку от входа стены и пол пересекала глубокая трещина, из которой исходил багровый свет. Снизу все время слышался рокот и пыхтение, словно там работали огромные мехи.

Свет снова усилился, и на краю трещины, у самой Огненной Пропasti, Сэм увидел Фродо – черный силуэт на красном фоне – неподвижного, словно окаменевшего.

– Фродо! – крикнул Сэм. Фродо пошевелился и вдруг заговорил. Такого звучного и мощного голоса Сэм никак не ожидал от него услышать. Этот голос легко заглушил рокот Горы и отразился эхом от стен и сводов.

– Я пришел, – произнес он. – Но теперь я передумал. Кольцо мое! – он надел Кольцо на палец и исчез. Сэм ахнул, но не успел и двинуться, как одновременно случилось сразу множество событий.

Что-то сильно толкнуло Сэма в спину, и он отлетел в сторону, ударившись головой о каменную стену так, что потемнело в глазах. Но все же он успел заметить метнувшуюся мимо тень.

А далеко отсюда в тот момент, когда Фродо надел Кольцо и объявил себя его властелином, Темный Владыка в Барад-Дуре вздрогнул, и вместе с ним вздрогнула от основания до вершин своих башен Черная Крепость. Око Врага, пронзая мрак, узрело случившееся в Огненной Пещере. Саурон в одной мгновенной вспышке наития все понял: и план врагов и свою собственную роковую оплошность. Гнев и страх в равной мере овладели им. Ибо он увидел, какая смертельная опасность грозит ему и сколь тонка нить, удерживавшая его судьбу.

Все хитрости, вся паутина измен и коварства, все замыслы и планы, все это вдруг рухнуло в его черном сознании. По всему темному царству прошел трепет, его рабы дрогнули, войска остановились, и их предводители, вдруг лишенные разума и воли, заколебались и пришли в смятение. Враг забыл о них. Разум и воля Силы, управлявшей ими, всей своей мощью обратилась теперь к Горе. Прозвучал немой приказ, и назгулы, рабы Кольца, на своих вихревых крыльях стремительно понеслись на юг, туда, к Горе. Ужас, еще более сильный, чем тот, который внушали они, гнал их теперь.

Сэм встал. Его слегка оглушило и кровь из ссадины на голове заливала глаза. Он с трудом шагнул вперед и увидел странное и страшное зрелище. На краю бездны Горлум бешено боролся с невидимым соперником: он качался взад и вперед, чуть не падая в пропасть, отступал, падал на колени, поднимался и снова падал. И он все время шипел, но без слов.

Огонь снизу теперь ревел, вся пещера наполнилась блеском и жаром. Сэм видел, как Горлум вдруг подпрыгнул, блеснули и лязгнули острые зубы, и сразу вслед за тем раздался крик Фродо. Этот крик словно выбросил его из невидимости, он упал на колени на краю пропасти. А Горлум плясал, как сумасшедший, высоко держа Кольцо с торчащим в нем откушенным пальцем. Кольцо сияло, словно действительно было выковано из живого огня.

– Сокровище, Сокровище, Сокровище! – выкрикивал он. – Мое Сокровище! О, мое Сокровище! – и тут, не сводя алчных глаз со своей добычи, он оступился, покачнулся, на мгновение застыл на краю пропасти, и с воплем рухнул вниз. Из глубины навстречу ему взметнулся огромный язык пламени, еще раз долетел жалобный крик: «Сокровище!», и он исчез.

Долгий грохот родился в недрах Горы. Пламя вымахнуло из расселины и лизало своды. Грохот перешел в рев, Гора содрогнулась. Сэм подбежал к Фродо, поднял его и вынес наружу. И тут, на пороге Огненной Пещеры, высоко над равнинами Мордора, его сковало такое изумление, что он стоял, позабыв обо всем на свете, и только смотрел, чувствуя, что каменеет от страха. Его глазам открылась бурлящая туча. В ее недрах проглядывали невиданные башни и бастионы, высокие, как горы над бездонными пропастями, глухие темницы подземелий, огромные стальные ворота – все это разом исчезло. Башни рухнули и горы

обвалились, стены распались, огромные столбы дыма и пара росли все выше и выше, их вершины изогнулись, как гребень колоссальной волны, этот гребень вскипел и пал на равнину. Все покрыли оглушительные раскаты грома; земля вздохнула, равнина всколыхнулась и растрескалась, Ородруин бешено встряхнуло. Из его разверзшейся вершины ударило пламя. Небеса взорвались в громе, иссеченном молниями. Из туч исполинскими бичами хлестали потоки черного ливня. И в самое сердце страшной грозы с заунывными воплями неслись назгулы. Они были подобны молниям, впивающимся в пучину и гаснущим в ней.

– Ну, вот и конец, Сэм, – произнес чей-то ясный голос рядом с ним. Это был Фродо, бледный, измученный, но снова ставший самим собой. В глазах его больше не было ни напряжения воли, ни безумия, ни страха, только мир. Бремя спало. Это был прежний любимый друг, как в давние, казавшиеся невероятными мирные дни.

– Фродо! – вскричал Сэм, падая на колени. В этот час крушения мира его захлестнула радость великая радость освобождения. Гнет исчез, его друг спасен; он опять стал самим собой, он опять свободен. И тут Сэм заметил его искаленную руку.

– Бедная рука! – всхлипнул он. – А мне нечем даже перевязать ее, нечем успокоить боль. Лучше бы он откусил руку мне, пусть бы хоть целиком съел. Но его нет, он исчез, наконец, навсегда исчез!

– Да, – ответил Фродо. – Ты помнишь, как Гэндальф сказал тогда: «Даже для Горлума еще может найтись дело». Вот оно и нашлось. Сэм, я ведь не уничтожил бы Кольцо. Наши труды в последнюю минуту едва не стали напрасными. Так что простим ему. Миссия выполнена и все завершено. Я рад, что ты здесь, со мной. Вдвоем не страшно, даже в конце.

12. УТРО НОВОЙ ЭПОХИ

Вокруг холмов кишели полчища Мордора. Их надвигающееся море готово было поглотить войска Запада. Солнце покраснело. Крылья назгулов отбрасывали на землю черную тень смерти. Арагорн стоял у знамени, безмолвный и суровый; глаза его сверкали, как звезды, сияющие тем ярче, чем темнее ночь. На вершине холма стоял Гэндальф, холодный и белый. Тени не касались его. Полчища Мордора кидались на обреченные холмы, как волны. Их гомон поднимался, как шум прилива, над стуком и лязгом оружия.

Вдруг Гэндальф обернулся и взглянул на север, где небеса были бледными и чистыми. Потом он воздел руки и вскричал громовым голосом:

– Орлы летят!

Этот крик покрыл шум битвы, и множество голосов подхватило:

– Орлы! Орлы летят!

Войска Мордора взглянули вверх, недоумевая, что означает этот крик. Высоко в небе неслись Ветробой, за ним его братья – Ландоваль и Менельдор, а сзади, подгоняемые северным ветром, летели ровными рядами их сородичи. Прямо на назгулов неслись они, круто спускаясь с высоты, и ветер смерчами завивался вокруг их могучих крыльев.

Но назгулы не приняли боя. Они повернули вспять и исчезли во мраке Мордора, услышав внезапный отчаянный призыв Черной Крепости. В тот же миг войска Мордора дрогнули, торжествующие крики смолкли, руки опустились и ноги отказались служить. Сила, наполнявшая их ненавистью и яростью, оставила их; и вот, взглянув в глаза врагам, они прочли свой приговор и испугались.

Тогда раздался громкий клич Вождей Запада. Их сердца наполнились новой надеждой. С осажденных холмов двинулись тесными рядами рыцари Гондора, Всадники Ристании, Следопыты Севера, ударили на затрепетавших врагов, смяли их и обратили в бегство. Но Гэндальф поднял руку и снова громко крикнул: – Стойте, люди Запада! Остановитесь и ждите, час настал!

Не успел он договорить, как земля содрогнулась у всех под ногами. Потом, далеко за Черными Воротами, высоко над горами в небо рванулся исполинский смерч, пронизанный молниями. Земля застонала и затряслась. Башни дрогнули, закачались и рухнули, могучая стена распалась. Черные Ворота рассыпались, а издали, то утихая, то нарастая, то поднимаясь до облаков, примчался рокошующий гул, грохот, длинный раскатистый гром разрушения.

– Царство Саурана погребло, – произнес Гэндальф. – Хранитель выполнил свою миссию.

Когда Вожди Запада взглянули в сторону Мордора, им показалось, что оттуда вырастает огромная, угольно-черная на фоне облачного покрова, увенчанная молниями и закрывающая все небо тень. Все выше возносилась она над миром, простирая к нему огромную угрожающую руку, ужасную, но бессильную; ибо в то время, когда она уже опускалась над равниной, сильный ветер подхватил ее, развеял, и она исчезла. И стало тихо.

Когда люди снова взглянули на равнину, их враги бежали. Мощь Мордора таяла, как пыль, уносимая ветром. Как муравьи, лишенные своей царицы, начинают бессмысленно суетиться и, обессилев, умирают, так рабы Саурана – орки, тролли, звери – не чувствуя больше силы злых чар, управляющей ими, носились в беспамятстве по равнине, набрасываясь друг на друга, пытались укрыться в темных щелях и норах.

Иначе вели себя хоробримцы, вастаки и южане. Они так давно попали под власть тьмы, так прониклись черной злобой и так ненавидели все то, что олицетворяло силы Запада, что теперь даже крушение их Властелина не сломило этих гордых и сильных воинов. Многие все же бежали, но часть сумела организовать отчаянную оборону. Впрочем, и они были обречены.

Гэндальф, предоставив заканчивать битву Арагорну и другим вождям, поднялся на вершину холма и издал призывный клич. Очень скоро к нему осторожно подлетел могучий Ветробой.

– Дважды ты выручал меня, друг мой, – обратился к нему маг. – Не откажи и в третий раз, надеюсь, в последний. Ты увидишь, что я не буду злоупотреблять твоей дружбой. Ты видишь, Саурон пал, но те, кому мы обязаны своей победой, в опасности. Прошу тебя, найди там, – он махнул рукой в сторону Мордора, –

двух невысокликов. Они должны быть где-то возле самого Ородруина, и принеси их в Итилиен. Я буду ждать тебя там.

Орел, повернув голову, долго смотрел в сторону гибнущей Страны Мрака. Потом издал призывный клекот и плавно поднялся в воздух.

Фродо и Сэм, держась за руки, сидели на маленьком островке, в который превратилась площадка перед пещерой. Из недр горы извергались потоки лавы, летели клубы пепла и дыма. Мир вокруг рушился.

– Вот и кончается наша сказка, Сэм, – печально промолвил Фродо.

– Да. Хотелось бы мне послушать ее. Как вы думаете, сударь, скажут ли когда-нибудь: «Вот повесть о Фродо Девятипалом и Кольце Всевластья». Все примолкнут, как мы тогда в Раздоле, помните, когда слушали сказание о Берене и Сверкающем Камне... А еще мне интересно, что будет потом, после нас...

Он говорил, пытаясь словами прогнать страх, говорил и все поглядывал на север. Не хотел смотреть, а все-таки смотрел с мольбой и надеждой. С севера дул ветер. Он разогнал мрак и тучи, открыл холодное ясное небо.

Зоркие глаза Ветробоя заметили две крошечные, темные фигурки, окруженные со всех сторон лавой. Вот они упали от очередного подземного толчка, а от островка, приютившего их, откололся большой кусок. Вокруг них содрогались и рушились скалы, из-под земли выплескивались все новые потоки огня. Презрев страшную опасность, птица-гигант ринулась вниз. За ним устремились Ланроваль и Менельдор. Ничего этого хоббиты не видели. Их маленький холмик трясся как в лихорадке, все вокруг плавилось от страшного жара. Они закрыли глаза руками, чтоб не видеть смерти.

Когда орлы подхватили их, они были без сознания. Птицам так было даже удобнее. Их ноша безвольно висела в огромных когтях, бережно державших маленькие тела. Орлы взмыли над огнем и дымом и скоро растаяли высоко в небе.

Очнувшись, Сэм обнаружил себя лежащим на чем-то мягком. Над ним плавно покачивались ветки буков, их молоденькие листья просвечивали на солнце золотым и зеленым. В воздухе разливался нежный аромат весны. Он вспомнил – так пахло в Итилиене. – Ох, – пробормотал он. – Интересно, долго ли я спал? – запах перенес его к дням, когда он развел свой маленький костерок на солнечном берегу. Что было после? Он не помнил. – Ох, – повторил он, – ну и сон мне снился! Как я рад, что проснулся. Сэм лег и увидел рядом спокойно спящего Фродо. Одну руку он положил под голову, другая лежала на одеяле. Это была правая рука, и на ней не доставало третьего пальца!

Воспоминания разом нахлынули на Сэма и он вскричал:

– Так это был не сон? Где же мы?

Чей-то голос ласково произнес позади него:

– В Итилиене. Вы в гостях у правителя, и он ожидает вас.

Сэм обернулся, как ужаленный. Перед ним стоял Гэндальф, одетый в белое, с белоснежной бородой, сверкающей на солнце.

– Ну, Сэм, как ты себя чувствуешь? – спросил он.

Сэм, не в силах вымолвить ни слова, смотрел на мага, открыв рот. Наконец он сказал сиплым от волнения голосом:

– Гэндальф! Я думал, ты мертвый! Я думал – я и сам мертвый. Значит, все неправда? Гэндальф! Что такое с нами стало?

– Великий мрак исчез, – ответил Гэндальф и засмеялся, и этот смех был как музыка, или как вода в знойный полдень. Сэм подумал, что очень давно не слышал смеха. В глазах его вспыхнула радость, но неожиданно для самого себя он заплакал. Впрочем, слезы высохли так же быстро, как появились, он счастливо рассмеялся, и вскочил с ложа.

– Как я себя чувствую? Я даже не знаю, как сказать! Я чувствую... – он взмахнул руками, – чувствую, как весна после зимы, как солнце на листьях, как трубы и арфа, и все песни, какие только есть на свете! –

он спохватился и повернулся к другу. – Слушай, Гэндальф, смотри, как досталось его руке! Ему столько пришлось вынести! Ну, хоть в остальном-то он здоров?

– Да здоров я, здоров, – сказал Фродо, садясь на постели и тоже улыбаясь. – Я уснул, Сэм, ожидая тебя, лентяй ты эдакий! Проснулся-то я рано утром, а сейчас уже полдень.

– Полдень? – растерянno спросил Сэм. – А какого дня?

– Сегодня четырнадцатый день Новой Эпохи, – ответил Гэндальф, – восьмое апреля по хоббитанскому счету, вы ведь в марте считаете тридцать дней. Но в Гондоре новый год теперь всегда будет отмечаться двадцать пятого марта, в день падения Саурона, в день, когда вас вынесли из огня. Правитель исцелил вас и ждет теперь. На сегодня назначен большой пир, когда вы будете готовы, мы пойдем к нему.

– Пойдем к правителю? – спросил Сэм. – А кто он?

– Правитель Гондора и Западных стран, – важно ответил Гэндальф. – Ну, поднимайтесь, сони, нам пора идти.

– А что же мы наденем? – забеспокоился Сэм. Рядом с постелями лежали их старые, изношенные одежды, в которых они проделали весь свой путь.

– Только то, в чем вы странствовали, – ответил маг. – Никакие шелка, ни полотно, ни доспехи, не гербы не могут быть почетнее. А потом – посмотрим.

Хоббиты умылись, оделись, и, конечно, слегка перекусили, а тогда уж последовали за Гэндальфом. Из буковой рощицы они вышли на большой зеленый луг, окруженный высокими деревьями с пышной листвой и большими алыми цветами. Позади шумел водопад, а впереди, по краю луга, струился поток, весело журчал, пел и искрился на солнце.

На лугу собралось множество рыцарей в великолепных доспехах и статных воинов, одетых в черное с серебром. Все почтительно приветствовали хоббитов и кланялись. Пройдя под деревьями вдоль ручья, они вышли на обширное поле. Дальше в серебристой дымке текла река и виднелся остров. Там стояло множество кораблей. Все поле заполнили войска. Они стояли блестящими рядами в строгом порядке. При приближении хоббитов над рядами взметнулись разом выхваченные из ножен мечи, прокатилась волна склоняемых копий, запели рога и трубы, а люди закричали на многих языках:

– Да здравствуют хоббиты! Слава Фродо! Слава Сэму! Слава Хранителям! Слава! Слава!

Позабыв себя от восторга и изумления, Фродо и Сэм прошли вперед и увидели три возвышения, сложенные из зеленого дерна посреди поля. Над правым из них развевалось знамя, на котором по бело-зеленому полю мчался неоседланный конь, над левым было знамя с изображением корабля на бело-синем фоне, разрезающего волны форштевнем в виде лебедя, а над средним, самым высоким из трех, реяло по ветру большое черное знамя с белым цветущим деревом и семью звездами над ним. Под знаменем сидел человек с мечом, лежащим на коленях, в кольчуге, но без шлема. При их приближении он встал, высокий, статный, темноволосый и сероглазый. И тогда они узнали его, хотя он и сильно изменился.

Фродо бросился к нему навстречу, Сэм за ним по пятам.

– Ну, вот теперь еще и это! – кричал он. – Это же Бродяжник, или я сплю!

– Я рад, что ты признал Бродяжника, – ответил Арагорн. – Далековато отсюда до Бри, где я так тебе не понравился. Долго пришлось идти к сегодняшнему дню, но ваш путь был самым мрачным.

И тут, к изумлению и крайнему смущению Сэма, Арагорн преклонил перед ним колено, потом взял обоих за руки, подвел к трону и посадил на него. Потом, повернувшись к войскам, крикнул громко:

– Славьте их, славьте героев!

А когда отзвучал радостный гул приветственных криков, то, к окончательному и полному удовлетворению Сэма, вперед вышел менестрель из Гондора, и поклонившись, попросил разрешения спеть.

– Люди, эльфы, гномы, свободный народ Запада! – обратился он к собравшимся. – Слушайте меня! Я спою вам о Фродо Девятипалом и Кольце Всевластья.

От этих слов Сэм счастливо рассмеялся, вскочил и крикнул:

– Вот это да! Исполняются все мои желания! – и снова заплакал. Смеялись многие, но кое-кто и плакал тоже, а светлый голос менестреля звучал как серебро, и все затихли, слушая. Он пел то на эльфийском языке, то на всеобщем, и сердца слушателей переполнялись страданием высочайшего наслаждения; песня увела их за собой в страну, где горе и счастье сливаются вместе, и где слезы скорби превращаются в чистое вино блаженства.

Песня кончилась. Арагорн, а вместе с ним и все остальные, встали и перешли в приготовленные шатры, чтобы пить, есть и веселиться до конца дня.

Но Фродо с Сэмом задержались. Их отвели в палатку и переодели в чистое полотно. Прежние одежды аккуратно свернули и уложили с почетом. Пришел Гэндальф, и, к удивлению Фродо, принес меч, эльфийский плащ и кольчугу из мифрила. Сэм с восхищением разглядывал свою вызолоченную кольчугу и серый плащ, вычищенный и аккуратно посиненный. Наряд хоббитов довершали головные серебряные обручи. Маг привел их в пиршественный шатер и усадил их за стол вместе с Арагорном, Эомером и Имрахилем. Рядом сидели другие военачальники, Гимли и Леголас.

Когда пришло время наполнить кубки, в шатер вошли два оруженосца, как решил Фродо. На одном была черная с серебром одежда воинов Минас Тирита, а на другом – цвета Ристании. Сэм в первый момент удивился – что делать мальчишкам в армии? – но тут же узнал их.

– Смотрите, Фродо, смотрите! Да ведь это же Пин! Это наш друг Перегрин! И Мериадок! Но как они выросли! Вот так история! Интересно бы послушать!

– А как же, – степенно ответил Пин. – Обязательно услышишь, сразу после пира. А пока, вон Гэндальфа порасспросите. Он теперь важный стал, хоть и смеется все время. Мы с Мерри сейчас заняты, так что подождите.

Пир кончился поздно вечером. Круглая луна медленно плыла над одевшимся в туман Андуином, мерцая среди шелестящих листьев. Фродо и Сэм не могли наговориться с Мерри, Пином и Гэндальфом, а потом к ним присоединились еще Леголас и Гимли. Постепенно герои дня узнали историю отряда после того, как они расстались у водопада Рэрос. И все-таки еще обо многом оставалось расспросить и на многие вопросы ответить.

Орки, говорящие деревья, травянистые равнины, скачущие всадники, мерцающие пещеры, золотые залы, белые башни, битвы и большие корабли – все это проходило у Сэма перед глазами, пока он не почувствовал, что засыпает. Однако больше других чудес его все-таки поражал рост Мерри и Пина. Он несколько раз заставлял их меряться с собой и Фродо.

– Вот чего не могу понять, – говорил он. – На целых три дюйма выше, чем полагается!

– Ничего удивительного в их росте нет, – усмехнулся Гимли. – Они же пили напиток энтов, а это для простого смертного даром не проходит.

– Напиток энтов? – переспросил Сэм. – Тогда расскажите мне о них еще раз. Я так и не понял, что они такое. Это ж надо, сколько всего произошло за это время!

– Конечно, – отозвался Пин. – Надо бы нам запереть Фродо в какой-нибудь Башне в Минас-Тирите, пусть запишет все это. Иначе он забудет половину, и старый Бильбо будет огорчен.

Наконец Гэндальф встал. – Арагорн – великий целитель, – сказал он, – он вернул вас из самых дальних пределов смерти. И хоть вы спали потом долго и крепко, но сейчас вам снова пора в постель.

– Это и к тебе относится, Пин, – напомнил Гимли. – Я люблю тебя, хотя бы за те мытарства, которых ты не стоил и которых я никогда не забуду. Но только я не забуду и другого: как нашел тебя на поле боя. Когда я поднял твой так подросший труп, я был уверен, что ты мертвей мертвого. Я тогда чуть бороду себе не вырвал, – он важно погладил свою ухоженную бороду. А сегодня – первый день, как ты встал, и уже скачешь, как кузнечик. Ложись-ка, давай. Я тоже лягу.

– А я, – мечтательно проговорил Леголас, – буду бродить по рощам этой прекрасной страны, это лучший отдых. Когда-нибудь кое-кто из нашего народа обязательно переселится сюда, и этот край на

время станет благословенным. Может, на месяц, может, на жизнь, а может, на сто человеческих жизней. Что для эльфа время! – и, вполголоса напевая, Леголас спустился с холма.

Остальные тоже разошлись. Фродо с Сэмом сразу уснули. А утром их снова ждал радостный мир Итилиена. Они провели здесь много дней. Сэм все жалел, что не видел последней настоящей битвы в Средиземье. – Ну, нельзя же быть сразу везде, – утешал он себя. – И все-таки я много потерял.

Войска готовились к возвращению в Минас Тирит. Усталые отдохнули, раненые выздоровели. Пришлось еще сражаться с недобитыми остатками армий Мордора, Востока и Юга, но и они, в конце концов, покорились. Пришел день, когда вернулись даже те, кто ходил разрушать крепости на севере Мордора.

Приближался май, когда Вожди Запада тронулись в путь. Войска сели на корабли и спустились до Осгилиата; там отдохнули день, а на следующий были уже на зеленых полях Пеленнора и снова увидели Высокие белые башни Минас Тирита, сквозь мрак и огонь прошедшего к новой жизни.

В канун майского дня на полях Пеленнора запестрели шатры. Назавтра новый правитель должен был вступать в город.

В Минас Тирите все было готово к торжеству. Женщины с детьми вернулись домой с охапками цветов, из Дол Амрота прибыли самые искусные в стране арфисты.

Ясное утреннее солнце вставало над Восточными Горами, свободными от мрака. В Городе звонили колокола, реяли знамена. На Белой Башне в последний раз был поднят стяг правителей, белый, как снег на солнце, без гербов и девизов.

Войска шли к Городу, и народ смотрел, как они идут, колонна за колонной, блестя на солнце вооружением. Они подошли к Воротам и остановились в фарлонге от них. В распахнутых Воротах стояли воины в черных с серебром доспехах, с обнаженными длинными мечами. Возглавлял почетную стражу Фарамир и с ним другие вожди Гондора. Здесь же была Эовин, Эльфхельм, а по обе стороны Ворот теснились толпы народа в разноцветных одеждах, с гирляндами цветов.

Перед Воротами оставалось большое свободное пространство, со всех сторон окруженное рыцарями и воинами Гондора, Ристании, горожанами и людьми, съехавшимися со всех концов страны. Все смолкло, когда из рядов подошедшей армии выступили Следопыты-северяне, одетые в серое с серебром. Их отряд возглавлял Арагорн. На нем была черная кольчуга с серебряным поясом и длинный белоснежный плащ, скрепленный у горла пряжкой с большим зеленым камнем. Он шел с непокрытой головой. Рядом шагали Эомер, правитель Ристании, Имрахиль, Гэндальф и четверо удивительно низкорослых воинов. Многие из собравшихся с удивлением рассматривали их.

– Нет, сестра моя, это не мальчики, – говорила стоявшая в толпе целительница Иорет своей родственнице, – это доблестные воители из далекой Хоббитании. Говорят, они были там прославленными вождями. Это точно. Я ходила за одним из них в госпитале. Ты не смотри, что они ростом не вышли, других таких воинов поискать. У нас говорят, что двое из них побывали в стране Мрака, сражались там с Темным Властелином и разрушили Черную Крепость. Так я этому верю. Они большие друзья с нашим новым правителем. А уж он-то как хорош! Не очень-то речист, но сердце у него золотое. И он исцеляет одним прикосновением! «Если бы явился такой вождь», – сказала я, и с этого все началось. А Митрандир сказал тогда: «Иорет, люди долго будут помнить твои слова»...

Но ей не пришлось больше поучать свою приезжую родственницу. Над полем запела труба, и настало мертвое молчание. Тогда от Ворот двинулся Фарамир, его сопровождал Хайрин, Хранитель Ключей Цитадели, а за ним следовали четверо воинов со знаками Цитадели на одежде. Они несли большой ларец из черного лебетрона, окованный серебром.

Фарамир остановился перед Арагорном и звучно сказал:

– По законам и обычаям Города и страны, готов признать над собою права того, чья мудрость выше моей, и готов добровольно передать ему власть, – с этими словами он преклонил колено и протянул Арагорну свой белый жезл: – Прими его и сними с меня чин, которого ты достоин гораздо более меня.

Но Арагорн, взяв жезл, тотчас же вернул его и сказал:

– Достоин я его или нет – покажет судьба. Исполни теперь свою обязанность и будь что будет.

Фродо, стоявшему с ним рядом, показалось, что в лице и в голосе у него что-то дрогнуло.

Тогда Фарамир встал и произнес громким голосом:

– Люди Гондора, слушайте! Все вы знаете, что некогда правители нашей страны носили на челе Серебряный Венец, привезенный когда-то пришельцами из-за моря. Носивший его обретал мудрость и всевидение. Но недостойного этот Венец испепеляет на месте. Вы все знаете, что венец был захвачен Врагом. Но Темный Властелин пал, и Венец возвращен Гондору. Вот пришел тот, кто по праву может возложить его на себя. Это – Арагорн, сын Арахорна, Эльфенит, потомок Исилдура, непобедимый в битвах, исцеляющий прикосновением! Хотите ли вы, чтобы он вступил в Город и правил страной?

И все войска и весь народ ответили в один голос: «Да!»

А Иорет сказала своей родственнице: «Это только обряд, сестра; он ведь уже был в Городе и сказал...» – тут ей снова не дали договорить. Фарамир продолжал:

– Люди Гондора, мы отняли Венец у Врага. Он не смел коснуться его. И мы принесли его сюда. Во всем Средиземье никто не достоин его более, чем Арагорн. Пусть же он возьмет то, что по праву принадлежит ему!

И тут воины выступили вперед. Фарамир открыл ларец, и Арагорн достал оттуда Венец Правителей Гондора. Видом он был похож на шлемы стражей цитадели, но выше, и он был весь белый, а серебряные и жемчужные крылья по обе стороны походили на крылья морской чайки – древний символ Рыцарей из Заморья. В его обруче сверкали семь алмазов, а на вершине – один камень, горевший словно пламя.

Арагорн взял Венец и высоко поднял его. Фродо ясно видел, как побледнело его лицо, а серые глаза сверкнули не хуже алмазов Венца. Он и сам замер, не в силах отвести взгляд от Бродяжника. Кроме Гэндальфа, он один среди всех понимал подлинный драматизм этого мига. Судьба Арагорна решалась. Что его ждало сейчас – счастье или гибель?

Но к изумлению собравшихся, Арагорн не стал надевать Венец, а вернул его Фарамиру со словами:

– Трудом и отвагой многих пришел я к этой минуте. Я прошу Хранителя взять Венец и отдать Митрандиру. Пусть самый мудрый из нас, кому по праву принадлежит честь победы над врагом, решит, как поступить с этим символом власти.

Фродо, невольно затрепетав, принял Венец из рук Фарамира и подал Гэндальфу, а потом, когда Арагорн преклонил колено, зажмурился и не видел, как Гэндальф увенчал Бродяжника Венцом.

Общий вздох пронесся по толпе, и Фродо открыл глаза. Арагорн встал. Собравшиеся глядели на него в молчании, ибо им показалось, что сейчас они видят его впервые. Он был высок ростом, как древние вожди, – выше всех окружающих, и одновременно казался и древним и юным, мудрым, светлым и мощным.

Теперь всем стало ясно, как близок он эльфам. Фарамир первым подошел и склонился перед ним, говоря:

– Вот подлинный вождь и правитель Гондора! Благословен день, когда мы увидели его!

Снова запели трубы, Арагорн подошел к воротам, и Хранитель Ключей с поклоном пропустил его. Новый Правитель шел по усыпанным цветами улицам к цитадели, и когда он вступил на порог, на самой верхней башне было поднято знамя с Древом и Звездами.

Так началось правление Элессара, о котором сложено множество легенд и песен. При нем Гондор расцвел, как никогда. Улицы украсились деревьями и фонтанами, ворота из мифрила тускло сверкали, тротуары замостили белым мрамором. В Городе работали гномы, часто навещались эльфы. И когда эта эпоха миновала и началась следующая, то и в ней сохранилась память о славе и блеске минувших дней.

Для всех шли дни, наполненные радостью, а для самого Арагорна радостным стал день, когда Гэндальф взял его с собой далеко в горы и показал на голом каменистом склоне, у самого края вечных снегов, молодое деревце, только что распустившее листья. Они были темными сверху и серебряными снизу. Арагорн сразу узнал его: оно было точно таким же, как засохшее дерево во дворе цитадели. Он взял

деревце и посадил его на место прежнего; оно укоренилось и стало расти, а в начале июня покрылось цветами.

– Вот и я получил знак, – сказал тогда Арагорн, – близится мой день, – и послал дозорных на стены цитадели.

13. ВСТРЕЧИ, РАЗЛУКИ

В канун Дня Середины Лета в Город прибыли гонцы из Амон Дина, они рассказали, что видели отряд благородных всадников, приближающихся с севера к Пеленнору.

Арагорн воскликнул:

– Наконец-то! Пусть Город готовится к встрече!

Вечером того же дня, когда небо стало синим, как сапфир, когда на востоке зажглись первые звезды, а запад еще оставался золотым, всадники подъехали к Воротам Минас Тирита. Впереди скакали Элладан и Элроир с серебряным знаменем, за ними – Всеславур, Эрестор и другие эльфы из Раздола, а следом, на белых конях, – прекрасная Галадриэль и Сэлерберн, правители Лориена, и с ними многие лориенские эльфы в серых плащах, с сияющими камнями в волосах. Последним ехал мудрый Элронд, славнейший среди людей и эльфов. Рядом с ним на сером коне скакала его дочь Арвен, Вечерняя Звезда своего народа.

Когда Фродо увидел ее, мерцавшую в сумерках, со звездами во лбу, он долго молчал, а потом сказал Гэндальфу:

– Теперь я понимаю, почему мы медлили здесь и чего ждали! Вот завершение всему. Теперь не только дни будут прекрасными, но и ночи – благословенными, и все ночные страхи исчезнут.

Правитель Города приветствовал своих гостей, и они спешили. Элронд подвел Арвен и вложил руку дочери в руку Арагорна. Все вместе они вошли в Цитадель и над городом расцвели невиданные звезды. Это Гэндальф постарался и вспомнил молодость.

Фродо плакал от переполнявшего его счастья. Он понял, что судьба Бродяжника, которого он так любил, исполнилась. Потом подумал о себе, о своих друзьях, и ему стало тревожно: время шло, а между ним и Хоббитанией оставалось еще много лиг и дней.

Дни ликования кончились, и Фродо все чаще бывал задумчив. Однажды он встретил Правителя и прекрасную Арвен у фонтана под цветущим деревом; они встали, чтобы приветствовать его, и Арагорн сказал:

– Я знаю, ты думаешь о возвращении домой. Что ж, дорогой друг, дерево растет лучше всего на родине. Я не стану удерживать тебя, но хочу, чтоб ты помнил: во всех странах запада ты – всегда желанный гость.

– Да, мне пора возвращаться, – кивнул Фродо, – только по дороге я хотел бы заехать в Раздол. Очень хочется повидать Бильбо. Я подумал, он приедет вместе с Элрондом, но его нет.

– Не удивляйся этому, Хранитель, – голос Арвен звучал подобно музыке. – Вам знакома сила того, что ныне уничтожено. Ныне все, что сделано с помощью этой силы, исчезает. Ваш родич долго прожил под его властью. Теперь он уже очень стар, и ему предстоит только одно путешествие...

– Тогда, – запинаясь, сказал Фродо, – я прошу разрешения покинуть страну как можно скорее.

– Мы отправимся через неделю, – сказал Арагорн. – Я провожу тебя до границ Ристании. Через три дня приедет Эомер, он собирается перевезти на родину прах Теодена, мы вместе будем сопровождать его. – он помолчал, потом положил руку на плечо Фродо и сказал: – Мне нечем одарить тебя по достоинству, но что бы ты ни попросил, я все постараюсь сделать. И поедешь ты с почестями, как пристало великому герою.

Арвен добавила:

– А вот у меня есть для тебя кое-что. Вы знаете: я – дочь Элронда. Когда настанет его час отправляться в Серебристую Гавань, я не буду сопровождать его. Мой выбор сделан. Я остаюсь с людьми, на радость или горе, как некогда осталась Лучиэнь. Так вот, я дарю вам мое право отправится в Серебристую Гавань вместо меня, конечно, если таково будет и ваше желание, славный Хранитель.

Когда до Фродо дошел смысл ее слов, он вздрогнул. Эльфы не умирают, как простые смертные. Приходит время, и эльф чувствует, что пора отправляться в дорогу. В Серебристой Гавани, далеко на севере, ждет его корабль под серебристо-серыми парусами. Стоит эльфу оказаться на палубе, как

поднимается ветер с Востока, корабль выходит в море и берет курс на запад. Мало кому удавалось увидеть, как уходит корабль, и никто никогда не видел, чтобы он возвращался. Говорят, что далеко за морем лежит благословенная земля эльфов, которую не суждено видеть глазами живущих в этом мире. Все это вмиг вспомнилось Фродо после слов Арвен. А она сняла с шеи сияющий звездным светом камень на тонкой цепочке и протянула хоббиту. – Возьмите на память о нас и о том, как сплелись наши судьбы. Больше ни во сне, ни наяву вас не будут тревожить ни тьма, ни страх. Отныне и навсегда вы свободны от этих воспоминаний.

Через три дня в Город прибыл Эомер, правитель Ристании, со свитой из лучших Всадников. Ему был оказан торжественный прием, и на пиршестве во Дворце Правителей его поразила красота Галадриэль и Арвен. Перед тем, как уйти в опочивальню, он разыскал Гимли и обратился к нему со словами: – Позвольте узнать, благородный Гимли, при вас ли ваш топор?

– Нет, благородный вождь, – ответил Гимли, – но за ним недолго сходить, если понадобится.

– Судите сами, – сказал Эомер. – Между нами еще лежат кое-какие поспешные слова, касающиеся волшебницы из Золотого Леса. Теперь я видел ее собственными глазами.

– И что же вы скажете? – спросил Гимли.

– Увы! – вздохнул Эомер. – Я не скажу, что она – самая прекрасная в мире.

– Ну, так я сбегаю за топором, – невозмутимо откликнулся Гимли.

– Простите, я еще не кончил, – остановил его Эомер. – Если бы я встретил Владычицу Лориена в другом окружении, то согласился бы с вами мгновенно. Но когда рядом с ней прекрасная Арвен, я готов биться со всяким, кто не признает ее превосходства! Вот теперь я кончил. Ну, что, идти за мечом?

Гимли низко поклонился.

– Не надо мечей. Я прощаю вам слово, доблестный Эомер. Вам по душе Вечер, а мое сердце отдано Утру. Жаль только, что Утро уходит и скоро уйдет навсегда.

И вот настал, наконец, день отъезда. Правители Гондора и Ристании вместе вынесли останки Теодена из усыпальницы и, положив на золотые носилки, в молчании пронесли по Городу. У ворот носилки поставили на колесницу, окруженную Всадниками. На колеснице, с мечом и щитом павшего правителя, сидел Мерри. Оруженосец Теодена провожал своего правителя в последний путь.

В свите Арагорна были Фродо, Сэм и Гэндальф. Пин ехал вместе с рыцарями Гондора, а Леголас, как всегда, взял с собой в седло Гимли.

Неспешно достигла процессия Анориена, а когда приблизилась к Лесу Друадан, до слуха донесся бой барабанов, хотя никого живого вокруг не было видно. Тогда Арагорн велел трубачам протрубить в трубы, и герольды возгласили:

– Правитель Гондора и Западных стран отдает Лес Друадан в вечное владение лесным людям. Отныне никто не властен войти в этот лес без их дозволения! – и тогда барабаны загремели как гром, а потом разом смолкли.

После пятнадцатидневного пути погребальный поезд прибыл в Эдорас. Там доблестный Теоден был погребен в усыпальнице своих предков, и над ним была спета прощальная песнь о его жизни и славной смерти. Песнь взволновала сердца даже незнакомых с языком страны, а Всадники внимали ей с пламенем в сердце и блеском в глазах. Мерри плакал, стоя у подножия кургана. – Прощайте, Теоден, – прошептал он, когда песня кончилась, – Вы были для меня отцом, хотя и недолго. Прощайте!

А после этого в Золотом Дворце в Эдорасе был великий пир. Эомер официально был объявлен правителем Ристании, и присутствующие подняли чаши в его честь. После печальных забот погребения все с радостью услышали, что новый правитель отдает свою сестру Эовин в жены Фарамиру, правителю Итилиена. Соединив их руки, Эомер сказал: – Пусть это будет залогом еще более тесной дружбы между Ристанией и Гондором!

Так счастливо завершилось знакомство, начатое в госпитале Минас Тирита.

Арагорн первым их поздравил и сказал:

– Вы щедры, Эомер, если отдаете Гондору лучшее сокровище Ристании.

Эовин заглянула ему прямо в глаза:

– Пожелай мне счастья, мой вождь и исцелитель.

– Я пожелал тебе счастья в тот миг, когда увидел тебя, – ответил он. – Твоя радость – радость и для меня.

После празднества отъезжавшие простились с остающимися. Хоббиты и эльфы из Лориена и Раздола уже были готовы к отъезду. Фарамир и Имрахиль оставались в Эдорасе. Оставалась и Арвен. Она простилась с отцом и братьями, но никто не видел этого прощания. Горька была эта их последняя встреча, так как расставались они до конца времен.

Эомер с сестрой сердечно простились с Мерри, желая ему всяческого счастья и приглашая к себе как друга. Они предлагали ему богатые подарки, но он не захотел взять ничего, кроме оружия, которое получил в Ристании. От Эовин он все же принял серебряный, на зеленой перевязи рог, украшенный изображениями скачущих коней.

– Рог сделан руками древних мастеров из Подгорного Царства, – сказала она, – его звуки вселяют страх во врагов, а в сердца друзей – радость и силу. Пусть этот подарок напоминает тебе о Дернхельме и о звуке других рогов, звучавших на рассвете на Пелленорской равнине.

Мерри принял подарок и поцеловал ей руку, а она обняла его. На том они и расстались.

Из Эдораса Арагорн и его спутники отправились в долину Агларонда, в замок Хорне, и пробыли там два дня. Там Леголас исполнил обещание, данное Гимли, и они вместе побывали в Мерцающих Пещерах; но когда они вышли оттуда, эльф был молчалив, а на все вопросы ответил только, что он не может найти слов и передать увиденное.

– Слышанное ли дело, чтобы у эльфа не нашлось слов, – добавил он, качая головой, – но посмотрим, что будет, когда мы с ним побываем в Лесу Фангорна.

На пути отряд Арагорна сделал остановку в Скальбурге, чтобы полюбоваться делами энтов. От кольца стен вокруг Ортханка не осталось и следа; все пространство внутри было превращено в сад, а вокруг башни стояло чистое, прекрасное озеро, в котором она отражалась, как в зеркале. С того места, где когда-то были ворота, они любовались озером и башней. Здесь их и нашел старый Фангорн. Он рассказал обо всем, что произошло после краха Сарумана. Самым важным было сражение с орками, во множестве нахлынувшими с севера после безуспешного нападения на Лориен. Они намеревались захватить Ристанию, нагнать и истребить войско Теодена, лишь незадолго перед тем вышедшее на помощь Гондору. Орки были свирепы, но немногие ушли от энтов живыми, да и те почти все погибли в Реке.

Другая новость была более тревожной:

– Сарумана в башне больше не было. Пользуясь остатками колдовской силы своего голоса, чародей убедил Фангорна выпустить его из заточения, а старый энт не любил держать в клетке никого, и не считал больше Сарумана опасным, так что позволил ему уйти. Вместе с Саруманом ушел Грима: связанные взаимной ненавистью, они были неразлучны.

– Я отобрал у него ключи Ортханка, – сказал Фангорн и подал ключи Арагорну. – Думаю, никто из вас больше никогда не увидит его. – Однако в этом он ошибался.

Леголас и Гимли решили повернуть на север и через Лес Фангорна вернуться каждый к своему народу.

– Идем со мной, Гимли. В лесу энтов ты увидишь такие деревья, каких больше нет нигде в мире.

Гимли согласился, хотя, конечно, без особого энтузиазма.

– Ну, вот и расходится наш отряд, – вздохнул Арагорн. – Но я надеюсь, что вы скоро вернетесь ко мне в Гондор с помощью, которую обещали.

– Придем, если позволят наши правители, – степенно ответил Гимли. – Ну, прощайте, мои добрые хоббиты! Теперь вы благополучно вернетесь домой и мне больше не придется не спать по ночам из-за вас.

Мы будем посылать вести друг другу, но, боюсь, нам больше никогда больше не собраться вместе, как сейчас! Прощайте!

Гимли и Леголас уехали. Эта пара возродила древнюю дружбу гномов и эльфов, и говорят, когда Леголасу пришла пора отправиться за Море, то с ним – единственный из всех гномов – отправился Гимли. Эта была достойная награда за верную дружбу и за то, что он когда-то, не задумываясь, отдал сердце Владычице Благословенного Края.

Дальше всадники направились к Ристанийскому Ущелью. Там, где Пин когда-то смотрел в камень Ортханка, Арагорн простился с ними. Хоббитам тяжело было расставаться с таким другом. Они столько прошли вместе...

– Хотелось бы и мне иметь такой камень, чтобы видеть друзей и разговаривать иногда с ними, – вздохнул Пин.

– Не так уж неосуществимо твое желание, – усмехнулся Арагорн. – Палантир Ортханка остается у меня, а ты, как мне помнится, рыцарь Гондора. Никто не освобождал тебя от этой службы. Сейчас ты в отпуске, но можешь снова понадобится мне. А вас, дорогие друзья, – добавил он, улыбаясь, – я прошу помнить, что мой народ живет на севере, и когда-нибудь я побываю там.

Потом Арагорн простился с Сэлерберном и Галадриэлью. Владычица пожелала ему счастья и мудрости, а Сэлерберн сказал:

– Прощайте, Эльфинит. Пусть ваша судьба будет лучше моей, и пусть ваше сокровище останется с вами.

На этом они расстались. Был час заката, и когда хоббиты обернулись, то увидели Властителя Гондора, стоявшего на холме в окружении своих рыцарей. В закатном огне доспехи сияли золотом, а белый плащ Арагорна бился на ветру как пламя. Он прощально взмахнул рукой, и над ним просияла яркая зеленая звезда. Это луч солнца отразился от граней Палантира.

Шли дни. Путники неторопливо двигались вдоль Изена. По правую руку теперь тянулись в отдалении хребты Туманных Гор.

Как-то на закате, миновав густые леса предгорий, они вышли на равнину и здесь встретили двух странников. Вид у обоих был жалкий. Впереди, опираясь на посох, шагал старик, облаченный в бывшие когда-то белыми лохмотья. Следом тащился, с хныканьем и бессвязным бормотанием, согбенный тщедушный нищий.

– Куда путь держишь, Саруман? – негромко окликнул Гэндальф.

Саруман, а это был именно он, злобно ощерился.

– А тебе что за дело? Мало тебе моего падения, ты теперь будешь указывать, куда мне идти?

– Нет, Саруман. Я больше не работаю. Теперь все заботы принял на свои плечи король. Жаль, что ты не дождался его в Ортханке. Ты бы ощутил на себе его мудрость и милосердие.

– Тем более было причин уйти, – живо возразил Саруман, – я не нуждаюсь ни в том, ни в другом. А на твой вопрос, так и быть, отвечу. Мой путь лежит прочь из этого мира.

– Опять ты сбился с дороги, – вздохнул Гэндальф, и твое путешествие – напрасная трата времени. Послушай, мы могли бы помочь тебе...

– Вы? Мне? – прервал его Саруман. – Послушай, не надо смеяться. Уж лучше продолжайте ненавидеть меня. Я вам не доверяю, особенно вот той владычице эльфов, – он кивнул в сторону Галадриэль. – Я уверен, это ее козни свели наши дороги, это она хотела порадовать вас моим унижением. Надо мне было раньше сообразить, уж я бы лишил вас этого удовольствия.

– Саруман! – молвила Галадриэль. – Ты и вправду думаешь, что у мудрых только и дела, что преследовать тебя? Пойми, тебе представился случай, счастливый шанс, но этот шанс – последний. Другого не будет.

– Ну, если последний, тогда все в порядке, – язвительно отозвался Саруман. – По крайней мере, не

придется больше отказываться от ваших милостей. Пускай мои надежды не оправдались, но и вашими я жить не намерен. Если они, конечно, остались у вас, – злобно добавил он.

На миг глаза его вспыхнули.

– Вперед! Хватит болтать! – воскликнул он. – Вы сами погубили себя, безумцы, и знаете это не хуже меня. Где бы я ни скитался, мысль о том, что вы, разрушая мой дом, разрушаете и свой, будет доставлять мне удовольствие. На чем вы отправитесь за море? На сером корабле, полном призраков? – Он расхохотался жутким смехом и пнул прикорнувшего было прямо в придорожной пыли своего спутника. – А ну, ты, идиот, вставай, шевелись! Если этим господам по нраву наша дорога, мы поищем себе другую! Поворачивайся, а то ты не получишь на ужин ни корки!

Нищий засуетился и запричитал:

– Бедный старый Грима! Бедный старый Грима! Всегда его бьют, всегда обижают! Ох, как я его ненавижу! Как бы мне хотелось избавиться от него!

– Ну и оставь его, – посоветовал Гэндальф.

Однако Грима только со страхом взглянул на него и быстро засеменял след за Саруманом.

Возле хоббитов Саруман остановился.

Они смотрели на него с жалостью.

– А-а, невысоклики! И вам любопытно поглядеть на унижение старика? Вам ведь нет дела до его надобностей, так? У вас-то ни в чем нет нужды, как я вижу! И еда, и одежда, всего вдоволь... Поди, и табачок имеется. Так не пожалуйте ли на трубочку нищему страннику?

– Я бы дал, да нету у меня, – с сожалением сказал Фродо.

– Постой-ка, – Мерри спешил и стал шарить в седельной сумке. – У меня где-то был. Возьми, что есть. – он протянул Саруману кисет. – Это из запасов, которые мы нашли в Скальбурге.

– Мой табачок, мой! – хрипло вскричал Саруман, хватая кисет. Он поклонился с издевкой. – Ограбленному выбирать не приходится. Если грабители хоть что-то вернут, и то хорошо. Только вряд ли тебе пойдет на пользу добро из Скальбурга. Дома-то у тебя дела не так хороши, как хотелось бы, так мне думается.

– Вот тебе и раз! – удивился Мерри. – Это ты вместо спасибо, значит. Давай-ка кисет назад, он не из Скальбурга. Пересыпь табак куда-нибудь к себе.

– Свои люди, сочтемся, – подмигнул Саруман, сунул кисет за пазуху, еще раз пнул Гриму и быстро зашагал к лесу.

– Вот уж грабитель, так грабитель, – присвистнул Пин.

– Да ладно вам, – озабоченно отозвался Сэм. – Меня вот очень встревожили его слова про то, как у нас дома. Надо бы поскорей туда...

– Конечно, – согласился Фродо, только сначала надо все-таки повидать Бильбо. Что бы там ни было, а я иду в Раздол.

– Правильно, – поддержал его Гэндальф и сокрушенно покачал головой. – Бедняга Саруман! Боюсь, что тут уже ничего не поделаешь. Он совсем завял. Но на какую-нибудь мелкую пакость еще вполне способен.

Стоял сентябрь, пора золотых дней и серебряных ночей. В одно ясное утро со стоянки на вершине холма путники увидели далеко на востоке три снежные вершины, поднимающиеся под самые облака. Это были Фануинхол, Селедбор и Карадрас. Значит, они достигли Мории.

Отсюда Сэлерберн и Галадриэль должны были свернуть на восток, в свою страну. Они ушли так далеко на запад потому, что им еще о многом надо было поговорить с Гэндальфом и Элрондом, и они медлили расставаться. Когда хоббиты засыпали, мудрые часто просиживали ночи напролет, обсуждая судьбы Средиземья. Но случайный путник, взглянувший на них ненароком, увидел бы только серые

неподвижные фигуры, похожие на древние каменные изваяния. Он не расслышал бы ничего, ибо они не говорили вслух, только глаза светились и вспыхивали, когда они обменивались мыслями.

В конце концов час разлуки наступил. Сэлерберн и Галадриэль со своими спутниками отправились в Лориэн. Их серые плащи быстро исчезли среди камней. Оставшиеся стояли на холме и долго смотрели им вслед, до тех пор пока в сгущавшихся сумерках не сверкнула в последний раз белая искра. Фродо понял, что это – Нэин на руке Галадриэли, поднятой в последнем прощании.

Пришел в пути вечер, когда спутники увидели огни Раздола. Они миновали мост, и скоро огромный замок наполнился светом, радостью, песнями.

Едва спешившись, даже не сбросив плащей, хоббиты кинулись искать Бильбо, и нашли его перед камином в его комнате. Он дремал, когда они вошли, но проснулся и очень им обрадовался.

В прекрасном жилище Элронда хоббиты провели пятнадцать дней, без устали рассказывая Бильбо о своих приключениях, о всем, что видели и пережили. Он слушал внимательно, но часто посреди рассказа задремывал. Он был не просто стар, а древен, Кольцо больше не питало своей силой это дряхлое тело.

Однажды утром Фродо взглянул в окно и увидел на ветвях иней. Тогда он понял, что пора уезжать отсюда. Погода была тихая и ясная, но был уже октябрь, скоро должны были начаться дожди и холода, а путь предстоял еще дальний. И почему-то он вспомнил о доме с тревогой. Оказалось, и Сэм думает так же и так же тревожится.

Фродо поговорил с Элрондом, и решено было выехать на следующее утро. С ними, к их великой радости, решил ехать и Гэндальф.

На прощание Бильбо подарил своему племяннику все накопившиеся черновики и попросил когда-нибудь привести их в порядок.

– И привези потом показать мне, – попросил он. – Посмотрим, как у тебя получится...

Фродо обещал приехать как можно скорее. Но когда на следующее утро они уже были готовы тронуться в путь, Элронд отозвал Фродо в сторону и тихо сказал:

– Я думаю, Фродо, что вам не стоит возвращаться сюда. Когда-нибудь осенью, когда деревья будут стоять в багрянце и золоте, поищите-ка лучше Бильбо в ваших лесах. И я буду с ним.

Покинув Раздол, хоббиты в сопровождении Гэндальфа повернули наконец в сторону Хоббитании. Им очень хотелось поскорее вернуться домой, но Фродо вдруг ощутил сильное недомогание. Когда им пришлось переправляться вброд через Бесноватую, он с трудом на это решился. Весь день он молчал, и только вечером, когда Гэндальф заговорил с ним, пожаловался на боль в раненом плече и холод в сердце. И тогда они вспомнили, что как раз в этот день Король-Призрак ранил Хранителя на Заверти.

Но потом ему стало лучше, они поторопили коней и без приключений достигли Бри. Теперь до дома было рукой подать. Здесь они впервые услышали вести о каких-то злых чужестранцах, хозяйничающих в Хоббитании, и заторопились еще больше. Особенно беспокоился Сэм, у него из головы не шла картина, увиденная в Зеркале Галадриэли в Лориене.

В том лесу, где они заблудились когда-то, начиная свой далекий путь, Гэндальф простился с ними.

– У меня здесь поблизости есть друзья, старые друзья, с которыми я давно не виделся. Нам есть о чем поговорить. Хоббитании я больше не нужен. Вы многому научились и со своими делами прекрасно управитесь сами. Мое время кончилось: я сделал все, что хотел, и что должен был сделать. Да и вам, дорогие мои, не понадобится больше ничья помощь. Вы выросли. Выросли настолько, что я больше не боюсь ни за вас, ни за ваш народ. Прощайте! – он повернул Беллазора, конь сделал огромный скачок и умчался, как ветер.

Хоббиты долго смотрели ему вслед.

– Вот мы и остались вчетвером, как когда-то, – сказал Мерри. – Мне кажется, мы спали и видели сон, и только теперь просыпаемся.

– А мне, – отозвался Фродо, – кажется, что мы наоборот, опять засыпаем.

14. СНОВА ДОМА

Глубокой ночью, продрогшие и усталые, путники добрались наконец до Брендидуимского моста. За ним начиналась уже Хоббитания. Здесь их встретила первая неожиданность. Поперек моста из конца в конец высились крепкие ворота, утыканные металлическими шипами. На том берегу реки виднелись несколько новых домов – двухэтажных, с узкими прямоугольными окнами, без всяких украшений. Вид у домов был мрачный, совсем не хоббитский вид.

Друзья долго стучали в ворота, и непонятно было, то ли их не слышат, то ли и слышать некому. Но потом неожиданно где-то близко протрубил рог, в домах кое-где появился свет, а потом и чей-то голос прокричал из темноты:

– Эй, кто там? Уходите отсюда! Не видите, что ли, там же написано: «От восхода до заката вход воспрещен».

– Да что тут разглядишь в такой темноте! – крикнул в ответ Сэм. – Что за дела? Из-за какой-то надписи хоббитам из Хоббитании всю ночь торчать на мосту! Уж если я ее разгляжу, надпись вашу, первым делом порву в клочья!

Не успел он сказать это, как из левого дома высыпала толпа хоббитов с фонарями. Кое-кто ступил было на мост, но, увидев путешественников, остановился.

– Ну, что встали? – крикнул Мерри, признав одного из них. – Эй, Хоб Сеновал, ты что, не узнал меня, что ли? Это я, Мерри Брендизайк. А ты что здесь делаешь, и вообще, что тут у вас творится?

– Батюшки! Мастер Мерри! Вырос-то как! – удивился старый Хоб Сеновал. – И одет ровно для битвы... А говорили – не то вы умерли, не то сгнули в вековечном лесу! Ну, да я рад, что живы, значит.

– Вот и хорошо, что рад, – крикнул Мерри. – Открывай поживее, видишь ведь, что мы с дороги!

– Прошу прощения, мастер Мерри, – осторожно, но твердо ответил Хоб, – но у нас приказ.

– Чего-чего? Какой такой приказ? Чей?

– Предводителя.

– Это кого же ты имеешь в виду? – спросил озадаченно Фродо и вдруг догадался. – Не Лотто ли Лякошель-Торбинс?

– Да, выходит, что так, господин Торбинс, – прокричал Хоб. – Только теперь нам велено говорить Предводитель, и все тут.

– Ну и ну! – развел руками Фродо. – Что-то родственнички совсем от рук отбились, пора на место ставить.

Голоса за воротами как обрезало.

– Не след говорить так, добра не будет, – промолвил наконец один из хоббитов, – как бы Предводитель о том не прослышал. А будете шуметь – громадину разбудите.

– Да уж разбудим, будь уверен. Это что же, Предводитель набрал себе чужаков из дальних земель и злодействует тут? Тогда мы в самый раз подросли. – Он соскочил с коня, содрал с ворот злополучную надпись, порвал в клочки и бросил через ворота. Хоббиты отступили, и видно было, что открывать не собираются.

– А ну, Пин, вперед! – воскликнул Мерри. – Вдвоем справимся. – и он мигом перемахнул через ворота. Хоббитов как ветром сдуло.

Снова зазвучал рог. В дверном проеме правого дома появилась высокая, грузная фигура.

– Это еще что? – ворчал незнакомец, подходя. – Ворота ломать? Вот я вам сейчас шеи посворачиваю! – но тут он заметил мечи в руках хоббитов и остановился.

– А-а, вот оно что, – презрительно процедил Мерри, – Бит Осинник, старый знакомый. Открывай живо, а то мне придется тебя поторопить. А как откроешь, иди и не останавливайся. Я тебя хорошо знаю,

так что лучше не возвращайся, подлец ты этакий.

Поколебавшись, Осинник открыл ворота.

– Давай ключи! – приказал Мерри.

Но тут Осинник ловко шмыгнул мимо него в ворота и сразу исчез в темноте. Больше о нем в Хоббитании не слыхали.

– Ладно, – проворчал Мерри, – с предводителем увидимся попозже. Эй, Хоб, где ты там? Я смотрю, «Золотой Шесток» снесли, чтобы эти уродины построить. Ну, сами виноваты. Придется вам размещать нас где хотите.

– Прошу прощения, мастер Мерри, – сказал Хоб почтительно, – но не можно это.

– Что «не можно»

– Гостей принимать, пищу тратить, и вообще...

– Да что же это такое? – изумился Мерри.

– Год что ли был неурожайным?

– Да нет. Год был что надо. И пищи много выросло. Вот только не знаем, что с ней потом стало. Это все «сборщики» и «раздельщики». Сбирать-то они собирают, а вот насчет того, чтобы делить – не очень... Так что большую часть собранного мы и не видели.

– Ладно, – прервал его Пин. – Это ты нам потом расскажешь. Спать же хочется, сил нет! Еда у нас своя есть. Давайте комнату любую, а там разберемся.

Хоббиты у ворот явно растерялись. Но никто не осмелился противоречить вооруженным до зубов рослым и властным путешественникам.

Фродо велел вновь запереть ворота. Поблизости, судя по всему, могли оказаться разные злодеи, так что стража-то нужна все равно. Затем четверо друзей направились в сторожевой дом, и, несмотря на безрадостное внутреннее убранство, постарались расположиться с возможным удобством. Стены внутри были увешаны всевозможными запрещающими надписями и Правилами. Пин первым делом оборвал их все. Пива не оказалось, еды кот наплакал, но у путников имелись свои припасы, и Пин сразу нарушил Правило номер 4, поджарив на огне двухдневный запас. Местных хоббитов тоже угостили.

– Вот теперь, – потянулся Пин, когда друзья утолили голод, – хорошо бы трубочку, и можно послушать про ваши дела.

– Нет теперь табака, – сокрушенно покачал головой Хоб Сеновал. – Только для людей Предводителя. Запасы давно кончились, а Лотто...

– Молчи, молчи, Хоб! – закричали сразу несколько голосов. – Ты же знаешь, что бывает за такие разговоры. Дойдет до Предводителя – неприятностей не оберешься!

– Да не дойдет, если среди вас нет предателей! – горячо воскликнул Хоб.

– Ох, надоело! – стукнул кулаком по столу Сэм. – Ни тебе добро пожаловать, ни пива, ни табачку, все только «предводитель» да «предводитель». Давайте спать, утро вечера мудренее.

Однако утром их ждали новые неожиданности. Видно, у предводителя были свои способы узнавать новости. От Забрэндии до Норгорода было добрых лиг тридцать, да и то по прямой, но кто-то не поленился проделать этот путь среди ночи...

Никаких определенных планов у наших друзей не было. Они собирались заглянуть сначала в Зайгород, передохнуть, но встретив такие дела в Забрэндии, решили двигаться прямо в Норгород. Ветра не было, день выдался серенький и грустный, места вокруг выглядели заброшенными, кое-где виднелись даже следы пожаров.

Одолев за день лиг двадцать, они к вечеру добрались до Лягушатника, небольшой деревушки у дороги. Чуть дальше должен был располагаться придорожный трактир «Плавучее бревно». В нем и решили заночевать. Однако, не тут-то было. Подъехав к восточной окраине деревни, они увидели, что дорога

перегорожена, а на большой доске выведена корявая надпись «Прохода нет».

По ту сторону загородки их поджидала большая группа странно одетых хоббитов, с перьями на шляпах и с дубинками в руках. Фродо с трудом припомнил, что так выглядели когда-то ширрифы – внутренняя полиция Хоббитании. Здесь их собралось больше, чем было за всю историю страны. Вид у них был важный и грозный, но чрезвычайно нелепый.

– Это еще что за новости? – громко спросил Фродо, испытывая сильное желание расхохотаться.

– Это значит, что вы арестованы, господин Торбинс! – торжественно произнес начальник ширрифов, отличавшийся от остальных двумя перьями на шляпе. – Вы обвиняетесь во взломе ворот, в нарушении правил, в нападении на привратников, в спянье в неподобающем месте и подкупе стражи посредством пищи.

– А еще в чем? – спросил Фродо.

– Этого вполне достаточно. – ответил начальник стражи.

– Вы еще кое-что упустили, – фыркнул Сэм. Можете добавить желание набить Предводителю его прыщавую физиономию, и еще мысль о том, что ширрифы похожи на стадо идиотов.

– Ладно, мы это тоже учтем. По приказу Предводителя я должен передать вас его людям.

Фродо и компания дружно расхохотались.

– Не городите ерунды! – отрезал Фродо, отсмеявшись. – Я хоббит, и у себя в стране иду куда хочу и когда хочу. Сейчас мне надо по делам в Торбу-на-Круче. Если и вы туда же, это ваше дело.

– Очень хорошо, господин Торбинс, – сказал начальник ширрифов, отодвигая перегородку. – Только не забудьте, что я вас арестовал.

– Этого я не забуду, – ответил Фродо, – никогда. Но, может быть, когда-нибудь прощу вас. Пока что я намерен остановиться в «Плавучем бревне», так не составите ли мне компанию?

– Это невозможно, господин Торбинс. Гостиница закрыта. Здесь неподалеку есть дом ширрифов, могу пригласить вас туда.

– Хорошо, – согласился Фродо. – Идите вперед, а мы за вами.

Сэм, внимательно разглядывавший отряд, вдруг крикнул:

– Эй, Робин Норкинс! Поди-ка сюда, хочу с тобой парой слов перекинуться.

Один из ширрифов, робко взглянув на начальника, который хоть и был очень недоволен, но вмешиваться не посмел, боком приблизился и Сэму, сошедшему с седла.

– Слушай-ка, Робин, – обратился он к хоббиту, – ты ведь из Норгорда. Что тут происходит? Почему «Бревно» закрыли?

– Они все позакрывали, – тихо ответил Норкинс. – Предводитель не одобряет пива. С этого все и началось. Я так думаю, что пиво просто идет его людям. И еще, он терпеть не может всяких чужаков и странников, все они должны являться в дом ширрифов и объяснять, зачем пожаловали.

– Стыдно тебе должно быть, Робин, заниматься такой ерундой, – укорил его Сэм. – Ты же, я помню, был большой охотник до пива, да и с приезжими любил поболтать в трактирчике, а?

– Да ведь я таким и остался, Сэм. Только ты уж не суди строго, что я могу поделаться? Я и в ширрифы-то пошел, потому что это давало возможность побродить по стране, повидать новые места, да разузнать, где какое пиво варят. А теперь-то все по другому.

– Ну так брось это дело, если оно тебе больше не по нраву.

– Нельзя ведь...

– Да... Если я еще раз услышу «нельзя», то рассержусь, пожалуй, – набылчился Сэм.

– Я тебе рассказать не могу, – совсем перешел на шепот Робин, – как мне все это опротивело. Может, если бы мы все рассердились, что-нибудь и вышло бы. Но, знаешь Сэм, вся беда в Людях, в Людях

Предводителя. Они всюду шныряют, и чуть только кто-нибудь против, сразу хватают. Старого Булкинса вот взяли, мэра Длинногого опять же, а потом и еще многих. А недавно еще хуже стало. Бить начали.

– Так какого же лешего ты на них работаешь? – взорвался Сэм. – Кто тебя послал в Лягушатник?

– Никто не послал, – оробел Норкинс. – Мы тут, в доме ширрифов... Первый Восточный Отряд называемся. Ширрифов-то теперь много, хотя большинство и не по своей воле. Правда, не все. А кое-кто даже шпионит для Предводителя и его людей. Так вот и о вашем приходе узнали. Нас-то с вестями не посылают, не велено, у них на то специальные гонцы есть. Один такой и принес вчера ночью послание, другой у него принял и дальше понес, а обратно приказ пришел – арестовать, мол, и точка. Предводитель желает вас видеть.

– Ладно, – проворчал Сэм. Вот хозяин с ним поговорит, желанья-то у него поубавится.

На другой день процессия тронулась в путь. Друзей сопровождали двенадцать ширрифов. Мерри заставил их идти впереди, а Фродо и остальные скакали сзади. Мерри, Пин и Сэм болтали, пели и веселились от души, глядя, как ширрифы из сил выбивались, пытаясь сохранить важный вид.

– Эй, кто кого арестовал? – спросил какой-то старик, чинивший забор у дороги. Двое ширрифов тут же направились к нему.

– Начальник! – окликнул Мерри. – Прикажи своим ребятам вернуться. А то им придется иметь дело со мной.

Ширрифы вернулись к отряду. Пони хоббитов хотя и не очень спешили, а все-таки ширрифы упарились, пытаясь не отставать от них. Около трех часов пополудни друзья сжалились над ними и остановились. Их конвоиры от голода и усталости едва держались на ногах.

– Ладно уж, – сказал им Мерри, идите как можете. Нам недосуг, мы едем дальше.

– До встречи, Робин! – крикнул Сэм. – Жду тебя в «Зеленом драконе», если ты еще не забыл дорогу туда. Не задерживайтесь слишком!

– Что же вы делаете? – уныло сказал начальник отряда. – Разве так можно? Вы нарушаете порядок ареста. Мне же отвечать придется...

– Мы еще много чего здесь нарушим, – пообещал Пин. – Счастливо оставаться!

Путники пустили пони рысью, и на закате были уже на окраине Приречья. До Норгорда – рукой подать. Здесь было много перемен. Часть домов снесена, некоторые сожжены даже, аккуратные ряды хоббитчих норок на северных склонах Заводы были опустошены, а славные маленькие садики, спускавшиеся к самой кромке воды, совсем задушили сорняки. Вдоль дороги, ведущей в Норгорд, выросли уродливые дома. От чудесной Подъездной аллеи не осталось и следа. С тревогой посмотрев в сторону Торбы, они увидели высокую кирпичную трубу, из нее в вечернее небо валил густой черный дым.

Сэм был просто вне себя.

– Я пойду вперед, сударь. Надо моего старика отыскать!

– Подожди-ка, – остановил его Мерри. – Лучше узнать сперва, что нас ждет. Думаю, этот проклятый предводитель держит здесь шайку своих громил. Поищем кого-нибудь, спросим.

Однако в Исторбинке все дома и норы были на запоре, никто не вышел их встречать. Причину они поняли, добравшись до «Зеленого дракона», безжизненного, с выломанными окнами. Возле трактира слонялась дюжина рослых косоглазых чужаков.

– Что-то больно похожи на Скальбургских, – пробормотал Мерри.

Злодеи были вооружены дубинками, другого оружия у них было не видеть. Завидев путников, они вышли на дорогу и встали, перегородив ее. Самый большой и злобный на вид вышел вперед.

– И далеко ли вы намерены ехать? – хрипло осведомился он. – Все, приехали. А куда подевались эти разгильдяи ширрифы?

– Идут себе потихоньку. Мы обещали подождать их тут.

– Ну, что я говорил? – обернулся вожак к приятелям. – Не надо было это дело доверять придуркам. Послали бы лучше наших парней...

– Думаешь, было бы лучше? – усмехнулся Мерри. – Мы, правда в Хоббитании редко видим бандитов, но что с ними делать – знаем.

– Бандиты! Вот как! – удивился вожак. – Что-то мне ваш тон не нравится, мелюзга. Много воображаете. Небось думаете, у Аспида сердце доброе, а? – Он захохотал. – Теперь как босс захочет, так и будет.

– Ну, и чего же он хочет? – спокойно спросил Фродо.

– Надо приводить эту дыру в порядок, – значительно ответил злодей. – Будьте спокойны, Аспид это сделает. К концу года никаких проблем не останется, так-то, крысята!

– Спасибо, что сообщили о своих планах, – поблагодарил Фродо. – Пожалуй, надо бы узнать, что о них думает господин Лотто...

Теперь смеялись все негодяи.

– Лотто! Ха! Он в курсе дела, не беспокойтесь. Как Аспид скажет, так он и сделает. А потом, если предводитель становится неудобным, его ведь и поменять можно. А если кто сует нос не в свое дело, как бы он этого носа не лишился. Правильно я говорю, ребята?

– Может и так, – ответил Фродо, – да только, сдается мне, вы тут совсем отстали от жизни. С тех пор, как вы с юга ушли, многое переменялось. Черная крепость разрушена, в Гондоре правит Король. И от Скальбурга ничего не осталось, а ваш разлюбезный хозяин, мы тут встретили его по дороге, бродит, как нищий. И по трактам теперь скачут гонцы Короля Гондорского, а не хозяина Мордора.

Злодей недоверчиво посмотрел на него и ухмыльнулся.

– Нищий? – переспросил он. – Ну, ну, пой, петушок, пой, только не заливай. Да хоть бы и так. Нам-то что за дело! Тут, в вашей жирненькой, ленивой Хоббитании нам нравится. А что до посланцев Короля, – он прищелкнул пальцами перед лицом Фродо, – если увижу кого, возьму на заметку.

Это было уже слишком. Пин почувствовал себя словно на поле боя. Этот косоглазый мошенник посмел назвать Носителя Кольца петушком! Он скинул плащ и выхватил меч. Серебро и соболя гондорского воина заискрились на нем, когда он двинул коня вперед.

– Считаю, что уже увидел! – процедил он. – Перед тобой посланец и друг Короля, известный во всех землях Запада. Ты мерзавец и дурак! На колени, и моли о пощаде!

В лучах закатного солнца меч в руке Пина грозно сверкнул. Мерри и Сэм обнажили свои клинки, готовые к любым неожиданностям. Только Фродо не шелохнулся.

Громилы отпрянули. Они привыкли пугать мелких хуторян из Бри, или задирать мирных хоббитов, а тут перед ними оказались вдруг воины с яркими мечами и мрачными лицами. Да и в голосах пришельцев звучали такие властные нотки, которых они отродясь не слыхивали. Мало-помалу растерянность на их лицах сменилась страхом.

– А ну, катитесь отсюда! – приказал Мерри. – Еще раз тронете эту деревню – пожалеете.

Хоббиты двинули коней вперед, и бандиты не выдержали. Они повернули и побежали прочь, теряя дубинки.

– Да, в самый раз мы пришли, – протянул Мерри, глядя им вслед.

– Может даже поздновато. Надо Лотто спасать, жаль мне этого бедного дурачка, – задумчиво проговорил Фродо.

– Спасать Лотто? Ты в своем уме? – удивился Пин. – Повесить подлеца, ты хотел сказать?

– Ты еще не понял разве, Пин? – Фродо говорил задумчиво, глядя поверх их голов. – Лотто, конечно, глупец и трус, но ведь он в плену. А эти негодяи творят, что хотят от его имени. Думаю, он пленник в Торбе. Надо попытаться освободить его.

– Вот это да! – покрутил головой Пин. – Ну никак не ожидал, что дома придется драться с полуорками, чтобы спасти Лотто Прыща.

– Драться? – рассеянно переспросил Фродо. – Вряд ли до этого дойдет. Запомните только, хоббиты не виноваты, даже если перекинулись на сторону злодеев по своей воле. Нельзя их за это преследовать. В Хоббитании ни один хоббит не убил другого, и не надо подавать пример. И вообще, если можно будет, постарайтесь обойтись без убийства, хватит их уже. Держите себя в руках!

Мерри с изумлением слушал-слушал Фродо, и не выдержал.

– Если бандитов много, схватки не избежать. Одними только печальями и состраданием ни Лотто, ни Хоббитании не поможешь. Так-то, друг мой!

– Вряд ли они в другой раз так просто испугаются, – поддержал его Пин. – Сегодня-то они от удивления растерялись. Слышите – рог? Собирают своих, это точно. А будет их побольше, и храбрости прибавится. Надо искать надежный ночлег. Мы хоть и вооружены, но нас только четверо.

– У меня идея! – воскликнул Сэм. – Идем к старому Тому Хлопчатнику. Он всегда был крепким хоббитом. И детей у него куча – все мои друзья. У него укроемся.

– Нет, Сэм, «укрываться» не годится, – ответил Мерри. – Как раз это обычно делают люди, и предпочитают бандиты. Мы не должны давать загнать себя в угол. А в доме легче легкого в западню попасть. Подождут и изжарисься. Нет, надо срочно делать что-то.

– Так что же делать-то? – спросил Пин.

– А вот что. Поднимать Хоббитанию! Сейчас же! Народ будить. Видите же, никому не нравится то, что происходит. Хоббиты слишком долго жили в покое, вот и растерялись. Но кинь спичку – вспыхнет! И люди предводителя это знают, потому и постараются вывести нас из игры. Так что времени у нас совсем нет. Ты, Сэм, если хочешь, сходи, конечно, к Хлопчатнику. Его здесь уважают, он может помочь. А я возьмусь-ка за ристанийский рог, сыграю музыку, которой здесь не слыхали.

Они вернулись назад, к середине деревни. Сэм поскакал к дому Хлопчатника, и не успел отъехать далеко, как услышал чистый звук рога, взлетающий к небу. Он эхом перекатывался в холмах и полях, и в нем слышался такой призыв, что Сэм едва не повернул назад. Его пони встал на дыбы и заржал.

– Ну, ну, дружище, вперед, Сэм похлопал его по шее. – Мы скоро вернемся!

Мерри тем временем трубил уже старинный сигнал:

ПРОСНИСЬ! ПРОСНИСЬ! ОГОНЬ! ВРАГИ!

ВСТАВАЙ! НАПАСТЬ! ПОЖАР! ГОРИМ!

Позади Сэм различил шум голосов, хлопанье дверей, впереди тоже зажигались огни, залаяли псы и навстречу выскочили с топорами в руках сам Хлопчатник и трое его сыновей – Молодой Том, Джолли и Ник.

– Стоп! Это не бандит, – сказал фермер. – По размеру судя – хоббит, хоть и одет не по-нашему. Эй! – крикнул он, – кто такой? Что надо?

– Сэм я, Сэм Скромби. Я вернулся!

– Вот так да! – воскликнул Хлопчатник, всмотревшись. – И верно – Сэм. Голос тот же, да и похож. А мы боялись – ты умер.

– Еще чего! – счастливо рассмеялся Сэм. – Живы мы, и я, и господин Фродо. Они там с друзьями решили поднять Хоббитанию, и повычистить всю ту мерзость, которую вы здесь развели. Вот, начинаем теперь.

– Отлично! – вскричал фермер. – Наконец-то началось! Я весь год только об этом и думаю, да ведь помочь-то некому. Сам понимаешь жена и Роза... А эти злыдни так и шныряют вокруг. Ко мне, ребята, дело начинается!

– А как же Роза? – спросил Сэм, слишком живо вспомнивший пригожую дочку фермера.

– Там Нибс с ними. Хочешь, можешь подсобить ему, – с улыбкой предложил фермер, и вместе с сыновьями помчался к деревне.

Сэм подскочил к дому и спрыгнул с седла прямо на крыльцо, чуть не столкнувшись с женой Хлопчатника, его дочерью и Нибсом с вилами в руках.

– Стой, Нибс! Не надо в меня вилами тыкать. На мне все равно кольчуга. Это я, Сэм Скромби, добрый вечер!

– Ох! Здравствуй, Сэм, – сказала Роза. – А говорили, что ты умер. Только я все равно ждала тебя к весне. Не очень-то ты спешил, а?

– Может и так, – признал Сэм, – зато теперь вот спешу. Мы тут затеяли восстание, так что я тороплюсь к Фродо. Хотел только взглянуть, как вы, миссис Хлопчатник, и ты, Роза.

– Хорошо, хорошо, спасибо, Сэм, – ответила фермерша. – Было бы совсем хорошо, если бы не эти злыдни вокруг. – Не беспокойся, Сэм, иди, – сказала Роза. – Только береги себя и возвращайся поскорей, ладно?

Когда Сэм прискакал на площадь, деревня уже поднялась. Не считая юнцов, там было больше сотни хоббитов, вооруженных топорами, молотками, кольями, у некоторых в руках были даже охотничьи луки. Начали уже подходить с окрестных ферм. На деревенской площади разожгли большой костер, во-первых, чтобы поднять настроение, а во-вторых, потому что это было запрещено Предводителем. Мерри руководил строительством баррикад на обоих концах деревни. Подошли ширриффы, посмотрели, как поворачивается дело, сняли свои перья и присоединились к восстанию. Кое-кто, правда улизнул.

– Куда потом двинемся? – спрашивал Хлопчатник.

– Не знаю, – честно ответил Фродо. – Сколько здесь бандитов всего?

– Трудно сказать, – фермер почесал в затылке. – Здесь в округе человек пятьдесят наберется. Разбоем промышляют. Да еще примерно столько же в охране Предводителя. Правда, его самого уже недели две как не видно. И не допускают до него никого.

– А в других уделах?

– На юге их, говорят, много. В Лесном уделе тоже. Думаю, всего сотни три наберется. Если ударить дружно, должны справиться.

– Что у них за оружие?

– Ножи да дубинки. Другого не видно. Хотя, если до драки дойдет, может и еще кое-что найдется. У некоторых луки точно есть. Двоих наших они застрелили.

– Видишь, Фродо, – сказал Мерри. – Я же говорил, – без схватки не обойтись. Это они начали убивать.

– Не совсем так, – поправил его Хлопчатник, – по части стрельбы хотя бы. Стрелять-то первыми Кролы начали. Это все ваш отец, мастер Перегрин. Когда Лотто объявил себя предводителем, старый Крол заявил, что знать его не желает, засел со всем семейством в глубоких норах, и когда приходили громилы, пускал стрелу за стрелой. Ну, а стрелок-то он отменный. Да и весь клан Кролов такой же. Так до сей поры он их к себе и не пустил. А теперь и не трогают их.

– Отлично! – вскричал Пин. – Сейчас же иду к ним. Кто со мной? К утру приведу сюда армию Кролов! – и в сопровождении полудюжины всадников Пин исчез.

– И все таки, обратился Фродо к оставшимся, – я не хотел бы убийств, даже если это громилы. Разве что ради спасения хоббита...

– Ладно, ладно, – поторопил его Мерри, – мы все поняли. Я вот думаю, что гостей надо ждать когда угодно, и придут они не для разговоров. Конечно, мы попытаемся обойтись без крови, но готовы должны быть к худшему. У меня есть план!

– Вот и хорошо, – устало произнес Фродо, – организуй все.

В этот момент несколько хоббитов, посланных в разведку, подбежали к костру.

– Идут! – закричали они. – Десятка два или больше, а двое ушли на запад.

– Это они к Перекрестку, своих собирать, – сказал Хлопчатник. – До туда лиг сорок, можно пока не беспокоиться.

Мерри быстро отдал приказания. Улицу очистили, безоружных укрыли в домах.

Долго ждать не пришлось: вскоре слышались громкие голоса и топот. Большой отряд громил двигался по дороге. Увидев заграждение, они расхохотались. Им даже в голову не приходило, что здесь, в мирной, ленивой Хоббитании они могут с чем-нибудь не справиться.

Хоббиты открыли проход в заграждении и молча встали по сторонам.

– Вот спасибо, услужили! – слышались издевательские выкрики. – А теперь живо, марш по домам, пока вас не выпороли! – и они громко затопали вдоль улицы, покрикивая беззлбно: «Погасить огни! Все по домам! А ну, живо, а то на год в тюрьму засадим!»

Бандиты даже не сразу поняли, что их приказы остаются без исполнения. Пропустив их, хоббиты тихо сомкнулись позади, и пошли следом.

На площади, возле костра, одиноко стоял, грея руки, Том Хлопчатник.

– Кто таков? Чем занимаешься? – гаркнул на него главарь бандитов.

Фермер медленно поднял голову и внимательно посмотрел на него.

– Да вот, ждал тебя, чтобы спросить о том же. Это не ваша страна, и вас сюда не звали.

– Зато мы тебя сейчас позовем, – ухмыльнулся главарь. – Взять его, ребята!

Трое громил шагнули вперед, но тут же остановились. Вокруг слышались голоса, и люди вдруг поняли, что фермер не один. Они были на свету и окружены плотным кольцом хоббитов, с трудом различимых в темноте. Все хоббиты были вооружены, и не понять было – сколько их.

В освещенный круг вошел Мерри.

– Мы ведь уже встречались, – обратился он к главарю, – и я предупреждал тебя, чтобы ты не возвращался. Могу еще раз предупредить: ты сейчас на свету, и на тебя смотрит не одна и даже не две стрелы. Тронешь этого фермера хоть пальцем – пеняй на себя. Давай-ка, разоружайся!

Главарь огляделся. Он был в явном замешательстве, но ничуть не напуган. Хоббитов он знал совсем плохо, поэтому не понимал всей серьезности своего положения. Народец был такой хлипкий на вид... И он решил, что вырваться из кольца было нетрудно.

– А ну, ребята, – заорал он, – зададим им перцу! – и он бросился на прорыв. На дороге у него стоял Мерри, и громила замахнулся на него ножом, но тут же рухнул, пронзенный четырьмя стрелами.

На остальных это произвело сильное впечатление. Они без сопротивления дали себя обезоружить, связать и поместить под стражу. Тело главаря унесли.

– Все оказалось не так уж сложно, – сказал Том Хлопчатник, – надо было только позвать нас. В самое времечко вы пришли, мастер Мерри.

– Это только начало, – озабоченно ответил Мерри, – если их и правда так много, как вы говорите, то это лишь малая часть...

Он выставил посты, а потом вместе с Фродо отправился к Хлопчатнику. Сэм, Роза и Молодой Том собрались разыскивать старика Скрэмби.

Мерри и Фродо сидели в удобных креслах, и Хлопчатники задавали им вежливые вопросы о их путешествии, но видно было, что ответы не слушали. Слишком их волновали здешние, хоббитские дела.

– Все началось с Прыща, – начал рассказывать фермер. – И началось, как только вы уехали, мастер Фродо. Чудные у него были идеи, у этого Прыща. Уж очень он рвался командовать, да и жаден был без меры. Вот он и стал скупать все, что можно, хотя откуда деньги брал – непонятно. Скупал и мельницы, и гостиницы, и пивоварни. Еще до того, как в Торбе поселился, он у Пескунса мельницу купил. А потом стал продавать товар куда-то на сторону. Появилось множество громадин, в основном, головорезов, с телегами.

Они увозили товары на юг, а часть из них оставалась здесь. Мы и глазом моргнуть не успели, а они уже расселились по всей Хоббитании, начали лес валить, дома строить, и скоро хозяйничали где хотели, и как хотели.

Но это бы еще полбеды. Старый Уилл Длинноног отправился в Торбу с протестом, а его схватили и посадили под замок. Вскоре после этого Прыщ стал называть себя Предводителем ширрифов, или просто Предводителем, и уж тут на него удержу совсем не стало. Если кто начинал «воображать о себе», как они это называют, сразу отправлялся вслед за Уиллом. Становилось все хуже. Курево только для людей, пиво тоже, трактиры позакрывались. Не хватало всего, кроме Правил, этих было вдосталь. Если кто-то припрятывал что-то, громилы все отбирали – для «справедливого распределения», – как они говорили, а это значит – для них, да еще ширрифам перепало. И так плохо было, а с приходом Аспида началась полная разруха.

– Кто он такой, этот Аспид? – спросил Мерри. Мы слышали, как один из громил говорил о нем.

– Похоже, это у них набольший. Впервые мы о нем прослышали еще в прошлую жатву. Никто у нас никогда его не видел, но засел он в Торбе. Думаю, он и есть настоящий Предводитель. Громилы слушаются только его и делают все, что он велит. А велит он обычно ломать, крушить, жечь. Теперь вот убийства начались. Или возьми, например, Пескунсову мельницу. Старую-то сломали, а на ее месте новую построили, да напихали туда каких-то чужаковых колес, зерна никакого не мелют, а все только молотками стучат, и дым из трубы валит...

Тут вошел Сэм со своим стариком, и остаток ночи они провели вместе.

Утром, сразу после завтрака, явился гонец с Кроловой дороги.

– Вся страна поднимается, – сказал он. – Вести летят, как пожар, во все стороны. Громилы, которые были у нас, удрали на юг. За ними погнался отряд Кролов. А мастер Перегрин сейчас подойдет с другим отрядом.

День прошел спокойно, а вот следующее утро принесло новые тревоги. Около десяти часов прискакал Мерри, всю ночь проведенный в дозоре.

– Лигах в шести отсюда большая банда, – сообщил он. Их около сотни, и они все жгут на своем пути.

– Да, эти разговаривать не будут, – сказал Хлопчатник. – Если Кролы задержатся, нам туго придется. Без драки это дело не уладишь, мастер Фродо.

Однако Кролы все же успели.

Громилы, решив подавить восстание, не очень-то задумывались, как это сделать. Да и в военном деле никто из них ничего не смыслил. Мерри умело воспользовался рельефом местности, и начал осуществлять свой план.

Бандиты двигались без разведки, и когда у них на пути оказалась ложбина между двумя грядами холмов, потопали прямо вперед. Однако скоро дорогу им преградила высокая баррикада из перевернутых фермерских повозок. Это их немного озадачило, а когда они обнаружили, что дорога позади тоже перекрыта телегами, они просто растерялись. Кругом на склонах холмов мелькали перебегавшие хоббиты. В этот момент сверху раздался голос.

– Эй, вы! Слушайте меня. Вы в ловушке. Ваши приятели тоже угодили в засаду. Один убит, остальные в плену. Складывайте оружие, отходите на двадцать шагов назад и садитесь на землю. При малейшем сопротивлении приказу стрелять.

Видимо, громилы полностью полагались на свое превосходство в силе. Поэтому они и не подумали сдаваться. Десятка два из них ринулись назад и раскидали телеги. Шестеро при этом были убиты, но остальным удалось прорваться в направлении Лесного удела. Мерри протрубил сигнал, и вдали прозвучал ответный рог.

– Далеко не уйдут, – сказал Пин. – Там полно наших охотников.

Остальные громилы, а их было еще около восьмидесяти, бросились штурмовать баррикаду и склоны холмов. Тут-то и разыгралась настоящая сражение. Бандиты рвались вперед, не думая об опасности.

Натиск был так силен, что хоббиты заколебались и готовы были отступить, тем более, что некоторые были убиты, но тут с востока в полном порядке в бой вступили отряды под командованием Мерри и Пина. Мерри сразил вожака нападавших, огромного, косоглазого человека, очень похожего на орка. После этого бой уже скоро кончился. Около семидесяти захватчиков полегло, дюжину взяли в плен. Были потери и среди хоббитов.

Тела громил закопали в песчаной яме – позднее ее стали называть Бранной Ямой, – а павших хоббитов похоронили на вершине холма, установили над могилой огромный камень. А потом разбили там сад. Так закончилась последняя битва в Хоббитании, где ничего подобного не происходило со времен сражения на Зеленых Полях, триста лет назад.

В Алой Книге событиям этим была посвящена целая глава, а имена участников занесены в Памятный Свиток. Историки Хоббитании знают их наизусть.

Слава Хлопчатника после этого еще возросла, но открывается Свиток именами капитанов Мериадока и Перегринна.

Фродо за весь бой так и не обнажил меча. Он только удержал хоббитов от расправы над пленными.

К вечеру друзья собрались вместе у Хлопчатника за поздним обедом. Фродо сказал: – Что ж, теперь самое время, пожалуй, повидаться с предводителем.

– Да уж, с этим лучше не откладывать, – согласился Мерри. – И знаешь, не нежничай с ним особо. В конце концов, все беды начались с него. Он должен ответить за то зло, которое причинил.

Отправились сразу после обеда. Мерри собрал отряд из двух десятков хоббитов, особо отличившихся в бою. «Это ведь мы так думаем, что громил больше нет, – говорил он, – а как там на самом деле – неизвестно.»

Друзья шагали во главе отряда. Наверное, когда они подходили к разоренной Торбе, это был самый печальный момент в их жизни. Огромная труба поднималась над дорогой. Пройдя мимо каких-то бараков, они вышли к новой мельнице – огромному и грязному кирпичному строению. По трубе, выходящей из нее, в реку текла какая-то дрянь. Деревья вдоль всей дороги были свалены.

Перейдя через мост, они взглянули на холм и ахнули. Сэму не помогло даже то, что он видел в Зеркале Галадриэли. Старое имение было в полном запустении, а вокруг были понатыканы обмазанные дегтем сараи. Каштаны исчезли, изгороди были повалены. Огромные телеги в беспорядке стояли тут и там.

– Они срубили его! – вдруг завопил Сэм. – Они срубили Праздничное Дерево! – он смотрел на то место, где раньше росло дерево, под которым Бильбо произносил свою Прощальную Речь. Сейчас оно лежало неподалеку мертвое, с обрубленными ветвями. Сэм расплакался.

Его прервал неприятным смех. Через низкую стену мельничного двора на них смотрел рослый, грубого вида хоббит. Лицо у него было недоброе, а руки совсем черные.

– Что, Сэмчик, не по вкусу? Я помню, ты всегда был такой чувствительный. Думали, ты сгинул уж давно. Ну, зачем вернулся? Работа, правда для тебя найдется. Мы теперь большие дела делаем.

– Оно и видно, – еле сдерживаясь, ответил Сэм. – Все в делах, руки отмыть некогда. Ну, слушай, Пескунс. Мне здесь кое с кого должок получить надо. Гляди, чтобы и тебе счет не прислали, да такой, что и не расплатишься!

Пескунс сплюнул через стену.

– Та-та-та, – презрительно сказал он. – Я друг босса, меня нельзя трогать. А если еще что от тебя услышу, так и знай, он вас так тронет, что и не обрадуешься.

– Хватит с дураком разговаривать, Сэм, – остановил друга Фродо. – Надеюсь, немного хоббитов найдется таких, как этот. Вот настоящее зло, а все остальное поправимо.

– Слушай, ты, грязный наглый Пескуншишко, – сказал Мерри. – Мы как раз пришли повидать твоего босса, а заодно передать ему, что своих громил он больше не увидит.

У Пескуна рот открылся от изумления, когда он заметил отряд вооруженных хоббитов, входящих на

мост. Он бросился к мельнице, выскочил назад с рогом в руках и звонко протрубил.

– Эй, не надорвись! – засмеялся Мерри. – У меня получше получается! – Он поднял рог, и чистый серебряный звук разлился по холмам. Из окрестных нор и домишек стал выходить народ, многие, разобравшись присоединились к отряду.

Наконец, они подошли к усадьбе. Дом выглядел снаружи совсем заброшенным. Входная дверь перекосилась, колокольчик не звонил. На стук никто не отозвался, тогда они толкнули дверь и вошли. Внутри был полный кавардак; видно было, что домом давно не пользовались.

– Куда же подевался этот несчастный Лотто? – удивился Мерри.

Они обшарили весь дом, но кроме мышей и крыс никого не встретили.

– Здесь хуже, чем в Мордоре, – сказал Сэм, со злобой дав пинка какой-то зазевавшейся крысе. – Хуже потому, что это наш дом, и мы помним, какой он был раньше.

– Да, это дело Мордора, – вздохнул Фродо. – И дело сделано руками Сарумана. Он хоть и думал, что он сам по себе, а на деле выполнял его черную волю. Думаю, и Лотто пропал не без участия сарумановых полуорков.

Мерри озирался с гадливым выражением.

– Пошли на воздух, – решительно сказал он. – Знай я, что все оно так и будет, затолкал бы свой кисет Саруману в глотку!

– Может и так, может и так... Да ведь вы не сделали этого, и теперь я могу приветствовать вас! – в дверях стоял Саруман. В глазах его явно читалась злоба, насмешка и самодовольство.

На Фродо словно озарение снизошло.

– Аспид! – закричал он.

Саруман довольно засмеялся.

– Вижу, слышали обо мне, а? Так меня звали в Скальбурге. В знак признательности, полагаю. А вы, похоже, не ожидали меня здесь увидеть.

– Нет, – просто признался Фродо. – Хотя мог бы и догадаться. Гэндальф предупреждал, что ты способен на мелкие пакости.

– Способен, способен, – покивал Саруман. – Вы насмешили меня, невысоклики, когда такие довольные собой, такие беспечные, скакали мимо в компании мудрых. Вы были уверены, что все плохое уже кончилось, и собирались славно отдохнуть в своей маленькой, уютной стране. Ишь вы, дом Сарумана разрушен, а ваш, значит, никто не может тронуть! Думали, Гэндальф об этом позаботится? А вот и нет! Вы свое дело сделали, и больше ему не нужны. Ну и дурачки, подумал я. Надо бы проучить их. И уж я бы проучил, будьте уверены, если бы мне побольше людей и времени. Но я и так сделал немало, всего вам в жизнь не поправить. Я рад, что посчитался с вами!

– Если это доставляет тебе удовольствие, – холодно ответил Фродо, – мне жаль тебя. Но это – твое дело. Хочешь радоваться – радуйся. А теперь иди и не возвращайся.

Фродо только сейчас заметил, что вокруг Торбы собралось множество хоббитов. При его последних словах отовсюду послышались крики:

Саруман медленно обвел взглядом толпу и усмехнулся.

– Убейте, убейте! – передразнил он. – Ну, попробуйте, убейте, если силенок хватит! – он выпрямился во весь рост, и взгляд его стал тяжелым. – Я потерял только свое добро, но не силу. Тот, кто посмеет прикоснуться ко мне, будет навеки проклят! И если здесь прольется хоть капля моей крови, Хоббитания ваша зачахнет и зарастет бурьяном.

Видно было, что на многих хоббитов эти слова произвели сильное впечатление.

– Не верьте ему, – спокойно сказал Фродо, – нет у него никакой силы. Только разговоры и остались. Но не надо мстить. Пусть уходит. – Хоббит повернулся к бывшему магу. – Уходи, Саруман, уходи поскорее,

мы не хотим больше видеть тебя.

Некоторое время Саруман угрюмо озирался, потом крикнул: – Эй, Червяк!

Из ближайшей хижины на четвереньках вылез Грима.

– Идем, Червяк, – бросил ему Саруман. – Эти славные невысоклики снова гонят нас в путь. Идем! – Саруман повернулся и пошел прочь. Но проходя мимо Фродо, он сделал молниеносный, как удар змеи, выпад, и длинный нож лязгнул о кольчугу из мифрила, которую Фродо все еще носил под курткой. Тут же не менее десятка рук схватили злодея, вырвали нож и бросили на землю. Сэм выхватил меч.

– Стой, Сэм! – остановил его Фродо. – Не убивай его даже теперь. Он ничего мне не сделал. Я не хочу, чтобы он погибал в таком ужасном состоянии духа, как сейчас. Когда-то он был по-настоящему велик. Тогда ничья рука не поднялась бы на него. Теперь он пал, и мы не в силах помочь ему подняться. Но, может быть, он сам сможет найти путь к свету.

Саруман медленно поднялся на ноги и посмотрел на Фродо. Станный это был взгляд. В нем смешались и ненависть, и изумление, и уважение.

– Ты вырос, невысоклик, – тихо сказал он. – Ты стал мудрым и жестоким. Теперь ты лишил мою месть сладости, и я уйду в долг перед твоим милосердием. Но я ненавижу тебя и его! Хорошо, я уйду, и не буду больше вредить тебе. Но не надейся услышать от меня на прощание пожелания здоровья и долгих лет жизни. У тебя не будет ни того, ни другого, хотя и не по моей воле – я только предсказываю.

Он пошел прочь, и хоббиты расступились, давая ему дорогу. Грима чуть заметно помедлил и поплелся за хозяином.

– Грима! – окликнул его Фродо. – Ты можешь остаться. Ты ни в чем не виноват перед нами. Отдохни здесь, наберись сил, а потом можешь идти своей дорогой.

Грима остановился и растерянно посмотрел на Фродо. Видно было, что он готов принять предложение, хотя никак не ожидал его.

Остановился и Саруман.

– Не виноват, говоришь? – воскликнул он. – Нет, конечно, нет! Когда он выползал по ночам наружу, он просто любовался на звездочки! Тут кто-то из вас интересовался, куда подевался бедный Лотто? Эй, Червяк, тебе ведь известно, что с ним приключилось, а? Скажи-ка им!

Эти слова словно подкосили Гриму. Он рухнул на землю, захлебываясь от визга: «Нет! Нет!»

– Не хочешь говорить? – продолжал Саруман. – Но им же интересно. Надо рассказать им. Я расскажу, пожалуй. Так вот, благородные невысоклики, вашего предводителя зарезал Червяк. Во сне, я полагаю. И закопал... надеюсь. Хотя в последнем и не уверен. Он ведь все время голоден. А, Червяк? Ну, это ты дурно поступил. Нельзя так.

Красные глаза Гримы сверкнули дикой ненавистью.

– Это ты! Ты меня заставил! – зашипел он.

Саруман засмеялся.

– А ты всегда слушаешься Аспида, разве не так? Ну так вот, теперь он говорит: «За мной!» – он снова пнул Гриму, повернулся и пошел прочь.

Дальнейшее произошло так быстро, что никто не успел пошевелиться. Грима схватил валявшийся в пыли нож и с глухим рычанием прыгнул на спину Саруману. Мгновенным движением он откинул голову назад и перерезал магу горло. Затем отшвырнул нож и с визгом бросился бежать. Прежде чем Фродо успел сказать хотя бы слово, в воздухе свистнули три стрелы, и Гримы Черного не стало.

К изумлению собравшихся хоббитов вокруг тела Сарумана сгустился плотный серый туман. Медленно поднявшись выше холмов, он образовал зыбкую серую фигуру. Мгновение она колебалась, обратившись на запад, но оттуда налетел порыв холодного ветра и обратил ее в ничто. Над холмами прошелестел и замер чуть слышный вздох.

Фродо с ужасом и жалостью смотрел на лежащее тело. Всем показалось вдруг, что с момента гибели Сарумана пролетели столетия – так страшно изменилось лицо мертвого: кожа истлела и повисла сухими лохмотьями на ужасно проступившем черепе. Фродо приподнял край грязного капюшона, накрыл лицо волшебника и пошел прочь.

– Ну, вот все и кончилось, – содрогнувшись, проговорил Сэм. – Оно, конечно, противный был конец, что и говорить. Лучше бы его не видеть. Но главное – кончилось.

– Надеюсь, что кончилась и Война, – сказал Мерри.

– Хорошо бы так, вздохнул, повернувшись Фродо. – Самый последний удар! И подумать только, он пришелся как раз сюда, в самые двери Торбы. Я даже во сне не мог такого представить!

– Кончилось, кончилось... – проворчал Сэм. – Какой же это конец? Вот вычистим здесь все, да приберемся, тогда и поговорим о конце. Так ведь это еще когда будет.

15. СЕРЕБРИСТАЯ ГАВАНЬ

Чистить действительно пришлось многое. Но времени на это все-таки ушло меньше, чем опасался Сэм.

На другой же день были освобождены все пленники. Среди них отыскался и Толстик Боббер, изрядно исхудавший теперь, и старая Любелля, пытавшаяся в свое время побить громил зонтиком, и бывший мэр Уилл Длинноног, тут же попросивший у Фродо помощи в выполнении своих обязанностей.

Скоро все переменялось. Шириффы самораспустились. Остатки громил отловили по лесам, где они удивительно быстро одичали, и выдворили из страны.

Хоббиты – была бы нужда да охота – могут работать как пчелки. Тысячи рук от мала до велика, жаждущих привести страну в порядок, взялись за дело. Дома, выстроенные «аспидовым племенем», сровняли с землей. Нашлись при этом огромные запасы провизии, пива и всякой всячины; так что дела оказались не так плохи, как казалось поначалу. Но сперва занялись Торбой-на-Круче. Хуже всего пришлось деревьям. Их просто повырубили. Это больше всего опечалило Сэма. Он думал, что теперь только их внуки, если они будут, увидят Хоббитанию зеленой.

Но в один прекрасный день у него выдалась свободная минутка (так как он неделями был занят работой), он начал вспоминать о своих приключениях, и тут же вспомнил о подарке Владычицы Благословенного Края. Он достал коробочку и показал друзьям.

– Я и то думал, – сказал Фродо, – когда ты о ней вспомнишь? Ну, открой!

Коробка доверху была наполнена серой, мягкой и нежной вроде бы пылью, а посреди лежало зернышко серебристого цвета.

– А что же мне с этим делать? – растерянно спросил Сэм.

– Выбери ветреный день, брось в воздух, пусть само делается! – предложил неунывающий Пин.

– Лучше не так. Выбери участок земли на пробу, да вот хотя бы Торбу, и посмотри, что будет, – посоветовал Мерри.

– Нет, – упрямо помотал головой Сэм. Я уверен, Владычице не по нраву пришлось бы, потратить я все на свой сад. Смотрите сколько народу вокруг страдает.

Фродо же сказал ему так:

– Ты умелый садовник, Сэм. Сделай все, что можешь сделать сам. А для того, что сам сделать не сможешь, используй подарок Галидриэли. Там ведь немного, каждая пылинка на счету.

Сэм начал сажать саженцы. Сначала там, где раньше росли самые красивые деревья, а потом и там, где ничего не росло. И возле каждого посаженного кустика он клал в землю частичку благословенной почвы. С этой работой он ходил по всей Хоббитании, но особое внимание уделял все-таки Норгороду и Исторбинке. Когда в коробочке осталась маленькая щепотка, он поднялся на вершину самого высокого холма почти в центре страны, и прошептав благословение, бросил остатки в воздух. Серебристое зернышко он посадил посреди Праздничной Поляны и долго размышлял, что же из него вырастет? Всю зиму он едва сдерживал себя, чтобы не бегать каждый день смотреть, не появился ли росток?

Весной даже выдавшие виды старые хоббиты не верили своим глазам. Деревья росли с такой быстротой, словно время для них сжалось, и год проходил за неделю. На Праздничной Поляне творилось и вовсе невиданное. Серебристое семечко дало чудесный побег, и теперь он рвался вверх к небу, не по дням, а по часам. У деревца был серебряный ствол и большие длинные листья золотистого оттенка. В апреле в кроне зажглись большие красно-золотые цветы.

Уже через несколько лет молва о чудесном дереве распространилась далеко за пределы Хоббитании. Многие приходили издалека специально взглянуть на диковинное дерево. Это был единственный в тех краях мэллорн, и надо сказать, один из прекраснейших в мире. Вообще тот год был замечательным для Хоббитании. Не только из-за мягкого солнца и дождей, которые сменяли друг друга именно тогда, когда надо, и было их столько, сколько надо. Не это было главное. Куда важнее был осенивший всю страну дух

благости, красоты и жизни. Дети рожденные в этот год, были сильны и прекрасны. У многих из них были густые золотые волосы, что прежде среди хоббитов встречалось только изредка. Не было болезней и все были довольны, разве что кроме косарей. Траву приходилось косить так часто, и она была такой густой и высокой, что они выбивались из сил.

Первое время и Фродо и Сэм жили у Хлопчатника. Лесничьи дела часто уводили Сэма из дому, и бывало надолго. Он был как раз в одной из своих поездок, когда в начале марта Фродо неожиданно заболел. Тринадцатого числа старик Хлопчатник нашел его лежащим поперек кровати в забытьи. В руке Фродо сжимал белый камень, который он всегда носил на шее. Губы его шевелились. Старый Том нагнулся и едва расслышал чудные слова: «Оно ушло, ушло навсегда. Без него так темно и пусто...» Но приступ скоро прошел, и когда двадцать пятого вернулся Сэм, Фродо был в полном порядке, и ничего ему не сказал. Тут как раз закончились работы в Торбе-на-Круче; Мерри с Пином разыскали и починили старую мебель, и скоро усадьба выглядела лучше, чем прежде.

Фродо как-то раз спросил Сэма:

– Ну, Сэм, когда переезжать будем?

Сэм неожиданно смутился и ничего не ответил.

– Если не хочешь, подождем пока, – сказал Фродо. – Я, правда, думал, что в Торбе тебе будет лучше... И старик твой рядом, и вдова Встрякин за ним присматривала бы...

– Оно, конечно, сударь, – пробормотал Сэм и покраснел.

– Так в чем же дело? – недоумевал Фродо.

– Да вот, сударь, Роза... Роза Хлопчатник... Похоже ей, бедняжке, не очень-то по нраву был наш отъезд тогда. Ну, а когда мы вернулись, работы неуправляемо навалилось, тоже как-то не до этого было. А теперь она и говорит: «Мы и так целый год потеряли! Чего же еще ждать-то?» «Ничего себе, думаю, потеряли!» – но вообще то она права. Так что я уж и не знаю, прямо хоть пополам рвись... – он совсем смеялся и замолчал.

– Ну, вот теперь до меня дошло, – облегченно вздохнул Фродо. – Тебе и со мной расставаться не хочется, но и жениться пора. Милый ты мой, но ведь это так просто! Женись поскорее, и переезжайте ко мне всей семьей. Какая бы она у тебя ни была, в Торбе места не занимать!

Так оно и случилось. Сэм был счастлив, а Фродо и того счастливее. Ибо не было во всей стране хоббита, за которым ухаживали так внимательно, как за ним. Теперь время его текло размеренно и спокойно; он много писал и перечитывал свои заметки.

Мерри с Пином поселились в Забрении, и между Торбой и Зайгородом много было хождений туда-сюда. Оба молодых хоббита были теперь самыми известными гражданами. Жили они широко, открыто. Песни, рассказы о своих походах, красивые невиданные наряды – все это влекло к ним многих. Любо-дорого было посмотреть, как они несутся во весь опор по тракту, и красивые плащи развеваются у них за спиной. И характер у них остался такой, как был: ровный да мягкий, совсем не заносчивый, разве что еще веселее стали.

Фродо с Сэмом, напротив, жили тихо. А уж длинные серые плащи с драгоценными застежками надевались у них только по большим праздникам. Но камень со звездным блеском Фродо носил постоянно.

Одним словом все шло хорошо, и обещало стать еще лучше. Сэм был всем доволен. Не нравилось ему только, что Фродо как-то все больше выпадал из жизни Хоббитании, и никаких почестей не имел, да видно, и не стремился к ним. Не многие ведь знали об их походе, да и те не все; так что все восторги, все удивление доставались в основном Мерри и Пину, и, кстати, ему, Сэму Скромби, хоть он вовсе этого не желал.

Но вот осенью их коснулась тень прежних забот.

Как-то вечером Сэм нашел Фродо в странном состоянии. Хозяин был бледен, как мел, а глаза невидяще смотрели куда-то вдаль.

– Что с вами, сударь? – беспокоился Сэм.

– Я ранен, – неожиданно ответил Фродо, – ранен глубоко, и никогда не оправлюсь от этой раны.

Сэм ни на шутку разволновался, но уже на следующий день Фродо выглядел по-прежнему, и судя по всему, был вполне здоров. Тогда Сэму пришло в голову взглянуть на календарь, и он все понял. Ровно два года назад на Заверти Король-Призрак ранил его хозяина.

Шло время. В марте Фродо заболел снова. Ему потребовалось собрать всю свою волю, чтобы не привлечь внимания. У Сэма были другие заботы. Двадцать пятого у них с Розы родилась дочь. Сэм зашел к Фродо глубоко озабоченным.

– Ума не приложу, сударь, что делать. Мы-то ждали мальчика, и решили, что назовем его в вашу честь – Фродо, а тут – девочка...

Фродо ответил без промедления.

– Дайте-ка ей цветочное дерево по старому обычаю. Пусть зовется Эланор. Помнишь, в Лориене мы видели этот солнечный цветок.

– Ага. Вот это самое мне и нужно, – просиял Сэм. – Так тому и быть, значит.

Наступила уже осень. Маленькой Эланор исполнилось полгода, когда однажды Фродо позвал Сэма в свою рабочую комнату.

– Слушай, Сэм, в четверг день рождения Бильбо, – сказал он. – Сто тридцать один год! Надо бы нам навестить его. Я хочу, чтобы мы съездили вместе. Розы, верно, расстроится, но ты пообещай, что скоро вернешься. Передай ей, что это моя большая просьба.

– Эх, сударь, я и сам бы с превеликой радостью съездил в Раздол, и старого Бильбо мне тоже повидать охота, но вот... – Сэм замялся. – Нет, правда, сударь, мне хочется поехать с вами... но и остаться здесь тоже хочется больше всего на свете!

– Бедняга Сэм, – улыбнулся Фродо. – Тебе еще предстоит помучаться с этим. Ну, не беда. Все пройдет со временем. Но ехать мы должны вместе, – твердо закончил он.

Несколько дней Фродо приводил в порядок свои записи. Сэм помогал ему. Теперь это была большая книга в добротном красном кожаном переплете, и она была исписана почти до конца. Вначале множество страниц были исписаны тонким, нервным почерком Бильбо, но большая часть записей была сделана твердой рукой Фродо. Книга была поделена на главы, но последняя из них была не закончена, и там оставалось еще несколько чистых страниц. На титульном листе стояло много заглавий:

МОЙ ДНЕВНИК

МОЕ НЕОЖИДАННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. ТУДА И ОБРАТНО,

И ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПОТОМ.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЯТИ ХОББИТОВ. ПОВЕСТЬ О ВЕЛИКОМ КОЛЬЦЕ, СОСТАВЛЕННАЯ БИЛЬБО ТОРБИНСОМ

ИЗ СОБСТВЕННЫХ НАБЛЮДЕНИЙ И РАССУЖДЕНИЙ ДРУЗЕЙ.

ЧТО МЫ ДЕЛАЛИ В ВОЙНЕ КОЛЕЦ.

Здесь кончалась рука Бильбо. Дальше писал Фродо:

ПАДЕНИЕ ВЛАСТЕЛИНА КОЛЕЦ

И

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ

(с точки зрения малого народа; воспоминания Бильбо

и Фродо из Хоббитании, дополненные сообщениями их

друзей и поучениями Мудрых, вместе с выдержками из

Книги Знаний, переведенными Бильбо в Раздоле)

Прочитав это, Сэм воскликнул: – Да вы почти завершили ее, Фродо!

– Я совсем завершил ее, Сэм. Последние страницы допишешь ты.

Двадцать первого сентября они отправились в путь. И уже на другой день ехали знакомым лесом.

– Уж не за тем ли деревом вы прятались, сударь, когда мы впервые встретили Черного Всадника? – спросил Сэм. – Мне теперь кажется, что все это было во сне.

По дороге им встретилось множество эльфов. А еще через некоторое время, к великой радости Сэма, они повстречались с Элрондом и Галадриэлью. Элронд ехал в серой, мерцающей мантии, во лбу его сияла звезда, а на пальце было большое золотое кольцо с голубым камнем. Это был Вейал – самое могущественное из трех эльфийских колец. Следом на белом коне ехала Галадриэль. О ее одежде можно было сказать только то, что она походила на легкие облака, закрывшие луну, и горящие ее серебряным светом. Мягкий свет струился и переливался вокруг Владычицы Благословенного Края. На пальце ее было кольцо из мифрила с белым камнем, сиявшим, как холодная звезда. Фродо сразу узнал его – это был Нэин. Позади мудрейших, на маленьком ушастом пони ехал, покачиваясь в дреме, Бильбо.

Элронд приветливо поздоровался с хоббитами, а Галадриэль улыбнулась им.

– Ну, мастер Сэммиус, – сказала она, – я слышала, что ты сумел распорядиться моим подарком наилучшим образом. Теперь Хоббитания станет самой цветущей страной на Западе.

Сэм только низко поклонился. За эти годы прекрасный образ Владычицы потускнел в его памяти, и теперь он был снова потрясен ее величественной красотой.

Тут проснулся Бильбо.

– А-а, привет Фродо! – сказал он слабым голосом. – Видишь, отправляюсь вот в новое путешествие. Ты тоже?

– Да, и я тоже, – просто ответил Фродо. – Хранители Кольца должны быть вместе.

Сэм только сейчас понял, что происходит. Он подскочил в седле и закричал:

– Куда же это мы едем сударь?!

– В Серебристую Гавань, – спокойно ответил Фродо.

– А я?

– А ты, – нет. Пока, во всяком случае. Ты только проводишь нас. Правда, твоя судьба тоже вплетена в историю Кольца, и твое время может еще настать. Да не печалься ты, Сэм, – видя его смятение, улыбнулся Фродо. – Не можешь же ты вечно разрываться надвое. Запомни: ты должен быть один на все времена. У тебя впереди еще много дел и много радостей.

– Но... – Сэм чуть не плакал, – я думал, после всего вам понравится Хоббитания, и я так хотел...

– Я тоже так думал, Сэм. Раньше. Но теперь я знаю, что рана моя слишком глубока. Я хотел спасти Хоббитанию, и теперь она спасена, но не для меня. Так часто бывает, когда нужно что-то спасти: кто-то должен отказаться от него, потерять для себя, чтобы сохранить для других. Но не горюй, ты ведь мой наследник. Все, что я имел, все твое. А у тебя еще и Розы, и Эланор, и еще будут мальчишки: и Фродо, и Мерри, и Пин, и снова дочка Золотинка, или даже больше, чем я могу предвидеть. Твои славные руки и голова понадобятся везде. Ты станешь мэром и будешь им столько, сколько хочешь. А лучшим садовником в истории Хоббитании так и останешься до конца времен. И ты будешь читать Алую Книгу, и будешь следить, чтобы не умерла память об уходящей Эпохе, чтобы никто не забывал о Великой Опасности, и еще больше любил свою землю. Всю жизнь ты будешь очень занят и очень счастлив. И так будет, пока продолжается глава в Алой Книге! А сейчас вперед, за мной!

Уходила Третья эпоха. Уходили Элронд и Галадриэль, минули дни Колец, и к концу приходила песнь о тех временах. Эльфы покидали Средиземье, и среди них и вместе с ними, полные светлой печали ехали Бильбо, Фродо и Сэм.

За вечер и ночь они переехали всю Хоббитанию с востока на запад, однако, никто, кроме лесных зверушек не видел их. Разве что Случайный прохожий приметил удивительные лунные блики на траве.

Вскоре они оставили с юга Белые Низины и достигли Старых Замков. Отсюда им впервые открылось море. Здесь был конец их пути, ибо они достигли Серебристой Гавани; и здесь их встретил Сэрдан Корабел. Он был очень высок ростом, сед и стар, но глаза его лучились и сияли, как звезды. Он низко поклонился прибывшим, и сказал только: «Все готово».

Они пошли за ним в Гавань, где у причала стоял большой белый корабль. Здесь их ждала радостная встреча. Неподалеку от воды, верхом на великолепном белом скакуне, сидел в длинной мантии Гэндальф Белый. Завидя их, он спешил и неторопливо пошел навстречу. Фродо увидел у него на пальце Третье Кольцо – Наир Великий, с алым, как пламя, камнем. Остальные были рады, узнав, что маг уходит с ними.

Последние эльфы уже поднимались на корабль, готовый к отплытию, когда на взмыленных конях примчались Пин и Мерри.

– Ну, вот, опять ты пытался удрать тайком, друг Фродо, и опять не удалось, – проговорил Пин, улыбаясь сквозь слезы. – На этот раз тебя Гэндальф выдал.

– Да, сказал Гэндальф, – потому что втроем возвращаться лучше, чем одному. Что ж, друзья, на этом берегу кончается история самой замечательной в Средиземье дружбы. Идите с миром! Я не буду уговаривать вас не плакать, потому что слезы – это не всегда плохо.

Фродо поцеловал Мерри и Пина, а последним Сэма. как только он взошел на палубу, мачты оделись парусами, поднялся ветер, и корабль плавно заскользил к выходу из залива. И корабль вышел в Верхнее Море, и шел, и шел на запад, пока наконец в ночи, наполненной теплым дождем и ветром, Фродо не ощутил томительное благоухание, разлитое в воздухе, и не услышал звуки нежного напева, летящие над водой.

Потом, как во сне, который снился ему в доме Бомбадила, серая завеса дождя стала стеклянно-серебристой, медленно раздвинулась, и перед ним открылась далекая зеленая страна в мягком свете восходящего солнца.

А для Сэма на берегу вечер переходил в ночь. Он долго всматривался в морской простор, но едва заметное серое пятнышко давно пропало в сгущающихся сумерках на западе. Волны мерно шелестели о берег, и этот звук надолго запал в сердце Сэма. Пин и Мерри стояли рядом в полном молчании.

Наконец трое друзей повернули домой, и теперь скакали уже не оглядываясь. До самой Хоббитании не было сказано ни слова, но каждый радовался, что на этом долгом, грустном пути рядом были друзья.

Миновав границы Хоббитании, они разделились. Вскоре Пин и Мерри уже распевали песни по пути в Забрендию.

Подъехав к Приречью. Сэм спешил, отпустил пони, и дальше пошел пешком.

День подходил к концу. Перед ним был его дом. Там горел огонь в камине, там готовили ужин и ждали его. Роза встретила Сэма на пороге, усадила в кресло и принесла маленькую Эланор. Сэм устало улыбнулся и глубоко вздохнул.

– Ну, вот я и дома, – сказал он.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА...

Как же сложилась дальше судьба героев, которых мы успели полюбить на протяжении трилогии?

Арагорн, Король Гондорский, жил долго и счастливо. Правление его было мудрым и помогло свершиться казалось бы невозможному. При нем Гондор снова превратился в цветущий край, вернув блеск и величие времен нуменорцев-основателей.

Когда Арагорн умер, правление принял Фарамир.

Через некоторое время гонец из Гондора доставил двум знатнейшим вождям кланов далекой Хоббитании – Перегрину Кролу и Мериадоку Брендизайку – приглашение посетить столицу Гондора. Под приглашением стояли подписи владык двух могучих областей Средиземья: герцога ристанийского Эомера и правителя гондорского Фарамира. И Мерри и Пин достигли к этому времени весьма преклонного возраста, и никакие неотложные дела не помешали им внять призыву государей, которым они в молодости дали клятву верности. Старость их была спокойной и мудрой, и напоминала прекрасные дни осени, когда в природе разлито волшебное золотое очарование покоя. Умерли они в один день, и были похоронены у подножья невысокого холма, рядом с местом успокоения Арагорна и Арвен.

Сэм Скромби, на протяжении долгого времени бессменный мэр Норгорода, когда ему исполнилось восемьдесят пять лет, отошел от дел, и счастливо жил в окружении многочисленных внуков и правнуков в Торбе-на-Круче. Никто, даже его заботливая супруга Роза, не знал, что в последние года его нет-нет да и посещал странный недуг. Обычно это случалось в марте месяце, и Сэм заранее находил какой-нибудь предлог отлучиться из дому, чтобы не беспокоить домашних. Он проводил несколько дней в гостях либо у Пина, либо у Мерри. Они были единственными, кто понимал, что происходит с их товарищем. Когда Пин и Мери покинули Хоббитанию, Сэму исполнилось девяносто два года. Под осень он стал собираться в дорогу. Роза к тому времени уже не было в живых, а многочисленной родне он сказал, что собирается посетить друзей молодости, да может у них и останется...

Однако, покинув Норгород, он, никуда не сворачивая, направился прямо на запад, и ничуть не удивился, когда на второй день повстречал еще двоих путников. Это были Леголас и Гимли. Так, втроем, они достигли Серебристой Гавани, и серый корабль ждал их у причала...

С их уходом в Средиземье не осталось никого из тех, чья память хранила бы подробности Великих событий Третьей Эпохи...